

Прикарпатский университет им. В. Стефаника

Ярослав Мельник

Субъективность как языковая категория

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ
СТЕРЕОТИПНОЕ

Ивано-Франковск

Издательство «ПЛАЙ»

1997

ББК 81.2Р

М 46

*Утверждено к печати учёным советом
Прикарпатского университета им. В. Стефаника.*

Рецензенты: д-р филол. наук, проф. Богин Г.И.,
д-р филол. наук, проф. Манакин В.Н.,
канд. философ. наук, доц. Фомин В.Н.,
канд. психол. наук, доц. Карпенко З.С.

М 46 Мельник Ярослав Григорьевич.
Субъективность как языковая категория. –
Ивано-Франковск, 1997. – 128 стр. (+0,25 вкл.)

В монографии рассматривается субъективность как языковая категория; исследуются средства выражения субъективности в словарях и художественном тексте. Систематизируется опыт моделирования языка и языковой картины мира и предлагается трёхмерная модель, а также определяется в ней место субъективности.

Для лингвистов, аспирантов, студентов гуманитарных факультетов.

ББК 81.2Р

ISBN 966-7365-08-5

© Мельник Я.Г. 1997

“...Человек и природа взаимно и внутренне едины. Человек – малый мир, микрокосмос. Среда – большой мир, макрокосмос... И природа и человек бесконечны, и по бесконечности своей, как равномошные, могут быть взаимно частями друг друга, – скажу более, могут быть частями самих себя, причем части равномошные между собой и в целом. Человек – в мире; но человек так же сложен, как и мир, мир – в человеке; но и мир так же сложен, как и человек... Человек есть бесконечность. В Мире нет ничего такого, что в сокращенном виде, в зачатке хоть бы не имелось бы у среды. Человек есть сумма Мира, сокращенный контекст его; Мир есть раскрытие Человека, проекция его...”

Павел Флоренский

*Языком человек не только выражает что-либо, он им
выражает и самого себя.*

Георг фон Габелениц

*Язык настолько глубоко отмечен выражением
субъективности, что возникает вопрос, мог ли бы он,
будучи устроенным иначе, вообще функционировать
и называться языком?*

Э. Бенвенист

*Язык как объект науки является уникальным в том
смысле, что он насквозь субъективен как атрибут
человеческой природы. И все же современный диапазон и
глубина философских исследований требуют
более конкретной разработки понятий
"объективного" и "субъективного".*

Г.В.Колшанский

Учитывая всю сложность и многоаспектность подходов к природе языка, его сущности, многовариантности интерпретаций, которые зачастую лежат в диаметрально противоположных плоскостях, определённо можно сказать, что язык имеет двусущностную природу: материальное и идеальное (объективное и субъективное) представляет собой неразделимое диалектическое единство, и все попытки исследовать язык с одной из позиций являются неполными. Поскольку материальная (объективная) сторона языка лингвистической и другими гуманитарными науками исследована достаточно глубоко, то это создаёт почву для дальнейших исследований идеальной (субъективной) стороны языка. Именно на такой подход к языку неоднократно обращали внимание исследователи в течение последних десятилетий. Г.В.Колшанский, в частности, пишет: “Можно считать, что в настоящее время и теоретически и экспериментально подтверждено, что язык, непосредственно связанный своей содержательной стороной с сознанием человека, является материализацией сознания человека, и задача науки (не только лингвистики, но и ряда смежных наук) – дать если не всегда конкретное, но всё же четкое определение идеальной стороны языка” [Колшанский, 1975, С.7].

Категории субъективного и объективного, субъектно-объектных отношений до сих пор исследуются философской наукой. За последние два десятилетия этой категории языковеды уделяли большое внимание, в результате чего появился ряд работ, в которых в той или иной мере рассматривается данный вопрос. С другой стороны, *антропологизация* науки, в особенности гуманитарной, вносит коррективы в понятия и категории как общенаучные, так и частнонаучные. В определённой мере это коснулось и языкознания. Именно этой проблеме и посвящено данное исследование.

При описании и исследовании субъективности как языковой категории автор столкнулся с массой информации, которую необходимо было систематизировать, структурировать, расположить в определённой иерархии. В процессе работы было обнаружено около семидесяти ниш (ячеек), по которым могла сгруппироваться информация (эта информация отражала основные формы выражения субъективности как языковой категории). Но такой подход во многом усложнял работу над исследуемым материалом, и возникла

необходимость укрупнения и интеграции аналогичных и схожих подходов. Таким образом в результате исследования было выявлено двенадцать основных групп, определяющих субъективность как языковую категорию. Такая группировка является достаточно условной и общей, поэтому может быть подвержена справедливой критике. Принимая во внимание всю сложность анализа и синтеза научного материала, который представлен в современной филологической науке по этой проблеме, можно считать, что такой подход, очевидно, является целесообразным и допустимым.

Второй сложный момент, с которым пришлось столкнуться в ходе исследования, – это выбор материала, на котором можно было бы апробировать исследуемую категорию. Из всего множества форм реализации данной категории (их оказалось более ста) мы остановились на трёх: формы выражения субъективности на лексикографическом материале; субъективность как элемент структуры модели языковой картины мира (при этом возникла необходимость моделирования языковой картины мира в изометрическом пространстве); субъективность как структурно-семантический элемент художественного текста. Эти аспекты исследования лежат в разных областях языкознания, но с точки зрения специфики рассматриваемой языковой категории могут быть поставлены в один ряд.

По-видимому, говоря о сущности языка вообще и языковых явлений в частности, а также о месте субъективности в нём, можно утверждать, как показали результаты исследования, что субъективность как неотъемлемый элемент языковой системы, подобно нейтрину или космическим лучам, которые беспрепятственно пронизывают всё существующее во Вселенной и наполняют её, “пронизывает” язык и “наполняет” его, подтверждая диалектическую природу языка. Для современной лингвистики так же, как и для современной ядерной и квантовой физики, встал вопрос о методах регистрации (фиксации) и описания субъективности как языковой категории.

Итак, что в языке объективно, а что субъективно? Где граница в слове между субъективным и объективным? Что есть субъективность как философская и лингвистическая категория? Каковы формы выражения субъективности в языке? Каково место субъективности в общей структуре языка? В данной работе осуществляется попытка поиска ответа на эти и другие вопросы.

Глава первая

Теоретические основы исследования, определение исходных понятий

За последние десятилетия в науке наметилось новое направление, которое не получило окончательного определения, но многие ученые склонны называть его *антропоцентрическим*. Отличие этого направления от формально-логического в том, что все научные исследования переориентированы с изучения факта как такового в область непосредственной связи с человеком. Это обусловлено, во-первых, единством познания и деятельности как сущностной характеристики человека. Во-вторых, естественный или физический мир в человеческом измерении есть мир ценностей. Он не только отражается, осознается, но и переживается, соотносится с такими базисными смысло-жизненными категориями, как “бытие”, “цель”, “смерть”, “добро”, “зло”, “Я”, “другой” (“не-Я”) и т.д. Мир объективный субъективизируется. Каждый человек потенциально нуждается в переживании своей включенности в объективную систему отношений, а также в понимании своей уникальности в реальном мире.

Исследование проблемы субъекта и субъективности является естественной необходимостью, обоснованной и оправданной как стойкой традицией, так и новейшими тенденциями философского постижения мира и человека в их сложном и драматическом единстве.

1. Субъект и субъективность как философские категории

Проблема субъекта и субъективности уходит корнями в седую древность. О человеке спорили не только в эпоху Фалеса, Анаксгора, Зенона, Гераклита и Сократа. Размышления на эту тему нашли свое отражение еще в ведической литературе. Практически вся история человечества напрямую связана с этой проблемой. В то же время она современна. Над ней сегодня размышляют антропологи, философы, психологи, социологи, лингвисты, медики,

кибернетики. Созданы институты человека, институты мозга, институт жизни и т.д. Но несмотря на это, в этой многоплановой проблеме остается много нерешенных вопросов.

Проблема субъективности в лингвистике может быть решена при условии учета опыта и достижений современной философской антропологии.

Субъект в “Философском энциклопедическом словаре” толкуется как: “...носитель предметно-практической деятельности и познания (индивид или социальная группа), источник активности, направленный на объект” [ФЭС, с.633]. Возникает необходимость дифференциации субъекта и индивида. “Индивид” имеет следующую дефиницию “...обозначение единичного в отличие от совокупности, массы; отдельное живое существо, особь, отдельный человек – в отличие от коллектива, социальной группы...” [ФЭС, с.212]. Индивид представлен как исходная позиция (точка отсчета) во многих мировоззренческих философских течениях, а прежде всего в философии индивидуализма, персонализма, экзистенциализма.

Индивид рассматривается в качестве субъекта в том случае, когда он является носителем самосознания и “... в определенной мере овладел созданным человечеством миром культуры – орудиями предметно-практической деятельности, формами языка, логическими категориями, морально-эстетических и нравственных оценок...” [ФЭС, с.633-634].

Таким образом, в современной философской науке *субъект* – индивид, наделенный сознанием и самосознанием.

Самосознание, которое является непременным условием существования субъекта, его духовной субстанцией, определяется как: “...осознание, оценка человеком своего знания, нравственного облика и интересов, идеалов и мотивов поведения, целостная оценка самого себя...” [ФЭС, с.566]. Самосознание свойственно не только индивиду, но и обществу, классу, социальной группе и т.д.

Сознание как логико-философская категория толкуется так: “...обозначающее высший уровень духовной активности человека как социального существа” [ФЭС, с.596-597]. В “Словаре современного русского языка” представлено общепонятное толкование: “восприятие и понимание окружающей действительности, свойственное человеку, способность осмысленно воспринимать окружающее...” [СРЯ, т.IV, с.184].

Понятие “*человеческая субъективность*” интегрирует понятия “сознание” и “самосознание”, образуя новое интегральное качество в отношении человека к миру и самому себе.

В современной науке, особенно восточноевропейской, наблюдается определенное скептическое отношение к понятию субъективности. Это объясняется несколькими причинами. Во-первых, в эпоху безраздельного господства “научно-материалистического” мировоззрения понятие субъекта связывалось не столько с субъективными качествами, сколько с индивидуальными свойствами. Под субъективным подразумевается не столько “...относящийся к субъекту, человеку, личности...”, сколько “относящийся к данному субъекту, отражающий только его мысли, переживания...” [СРЯ, т.IV, с.299], т.е. все то, что так или иначе антагонизировано с материалистическим миропониманием. В научных исследованиях понятия субъекта и субъективности были отторгнуты и отнесены в разряд третьестепенных задач.

С другой стороны, диалектико-материалистический критерий познания не лишен противоречий, поскольку в нем обычно неадекватно отражается идеальное. Таким образом, диалектика (материалистическая) оказалась недостаточно диалектичной, одно-сторонней, хотя по ее же законам объективный мир находится в состоянии “единства и борьбы противоположностей” и включает в себя все многообразие идеальных субъективных компонентов картины мира. То есть, “материалистическая диалектика” отражает только физическую, онтологическую сторону явления. Поэтому понятия “детерминизм”, “диалектика” более полно отражают окружающую действительность, чем понятие “материалистическая диалектика”. А.Ф.Лосев считает, что “...диалектика есть подлинный и единственно возможный реализм” (разрядка А.Ф.Лосева) [Лосев, 1990, с.23].

Проблема “субъекта” и “субъективности” в отечественной науке получила только узкоспециальную разработку в психологии, психолингвистике и частично в лингвистике в работах М.М.Бахтина, Л.С.Выготского, С.Л.Рубинштейна, А.А.Леонтьева, А.В.Лурья, Г.В.Колшанского, Ю.С.Степанова, Н.А.Рудякова, В.В.Химика и др.

В силу своей специфичности, философичности и недостаточной разработанности данная проблема в разных направлениях науки (и в языкознании в том числе) воспринимается с предубеждением, обусловленным следованием доктринальной “воинственно-материалистической” методологии. Этим объясняется, на наш взгляд, тот факт, что проблема субъекта как индивида, наделенного сознанием, продолжает оставаться во многом нерешенной в философском, а особенно в лингвистическом аспектах.

Анализ философских аспектов субъективности возвращает нас к истокам философии, к античности.

Античная философия вышла из мифологии. Именно мифология раскрывает природу субъективности как философской категории.

Фалес, Пифагор, Парменид, Гераклит, Анаксагор, Демокрит и другие представители ранней классики выделяли чувственно-материальный космос как абсолют, который состоял из определенных субстанций: воды, воздуха, огня, земли, эфира.

Именно в эпоху раннего эллинизма, по мнению А.Ф.Лосева, происходит осознание человеком “себя” в дихотомии “человек-бог”. Такое первичное осознание “себя” нашло отражение в искусстве, когда конкретный образ служил прообразом бога. Именно благодаря эстетическому феномену в античной культуре формировалась способность к рефлексии, самоуглублению, которое развилось в философии Сократа, Платона, Аристотеля.

Поскольку эпоха (раннего) эллинизма не была результатом творчества одного индивида или субъекта, а целого класса (этноса), то, очевидно, именно на этом этапе и происходит формирование этноса как субъекта, т.е. формирование этнического самосознания. А.Ф.Лосев называет культуру раннего этапа рабовладельческого строя периодом “эстетики антропоморфизма”. [Лосев, 1963, с.105].

Таким образом, период раннего классического эллинизма (VII-I до н.э.), по мнению большинства ученых, можно считать периодом зарождения категорий “субъект” и “субъективность” как предмета философской рефлексии. С развитием экономических отношений в период рабовладельческой демократии произошла своего рода духовная автономизация личности в отношении к обществу. “Осознав себя личностью в сфере социально-производственных отношений, человек становится предметом исследования в философии” [Субъект и объект как философ. кат-ии, с.15].

Эпоха Платона явилась определенным прогрессом в изучении субъекта и субъективности. Э.В.Ильенков считает, что “...до Платона знание понималось как внутреннее состояние отдельного человека... Платон же стал понимать под человеком не единичное тело, а личность, сформированную государством, т.е. человека, усвоившего общие нормы культуры и повинующегося им” [Ильенков, 1991, с.235-237]. (Выделенная нами точка зрения Ильенкова будет иметь важное значение в последующих главах).

Объектом исследования Платона явились идеи добра, прекрасного, справедливости, истины и т.д. “Платон анализировал моральное, эстетическое, философское сознание. Тем не менее реальный

субъект познания понимался Платоном психологически. Субъектом он считал отдельного индивида с его чувственными и умственными способностями” [Субъект и объект как философ. кат-ии, с.16-17].

Аристотель рассматривает категорию субъекта и субъективности наряду с большинством древнегреческих философов как качество, свойственное индивиду с душой и разумом. Несмотря на явную ограниченность такого понимания, это формировало совершенно новую гносеологическую тенденцию. Суть ее в появлении и объяснении качественно иного объекта познания – человека, самосознающего себя в качестве субъекта познания.

Отметим еще одну важную деталь. Именно в период раннего эллинизма “...возникают все опосредования и взаимосвязи между обществом-субъектом и личностью-субъектом, обществом-субъектом и классом-субъектом (между другими уровнями субъекта, составляющими сложную диалектику функционирования субъекта, подчас трудно улавливаемую из-за упрощенного понимания структуры субъекта, сводящей его содержание лишь к одному из уровней” [Субъект и объект как философ. кат-ии, с.131]).

В эпоху Средневековья основной проблемой философии явилась разработка и доказательство истин религии. К решению проблемы субъекта и субъективности философские науки вновь обратились только в эпоху Возрождения.

Начиная с Галилея, который сосредоточил свое внимание на материальном, углубилось противопоставление между субъективным и объективным, субъективное же истолковывалось как искажение. Таким образом, субъективность в философии приобрела новое качество. Кстати, заметим, что именно в этот период утвердилась и углубилась антиномия “идеальное-материальное”.

Идеальное для Декарта – свойство сознания субъекта. Вне сознания идеальное не существует. В учении Декарта антиномия “субъект-объект” представлена как качество субъекта.

Декарт и Спиноза рассматривали субъект как явление, имеющее социальную природу.

Впервые в истории Кант исследовал роль форм созерцания, категорий и идей в процессе духовного освоения человеком окружающего мира. Важно отметить, что Кант выделил в качестве субъекта познания некоего субъекта вообще, трансцендентального субъекта, лежащего в основе всякого индивидуального “Я” [Шинкарук, 1974, с.83]. Субъект у Канта выведен за пределы такового, и как следствие этого окружающему миру “стали навязываться”

черты, свойственные субъекту. Такая экспансия субъективного разрослась в конце концов в субъективный идеализм и агностицизм. Но сам опыт исследования Кантом субъективности представляет большой интерес.

По мнению Канта, субъективностью обладает не только субъект как таковой, но и общество, которое обладает историческими, культурными, социальными и др. чертами. Так Кант подвел под понятие субъекта и субъективности социальный и историко-культурный фундамент. Идеи Канта явились важнейшим вкладом в современную философию.

Глубокую философскую разработку эта проблема получила в знаменитой работе Гегеля “Феноменология духа”.

Гегель рассматривает феномен сознания (в котором определено место субъекта) в диалектическом свете, что, несомненно, является прогрессом в исследовании этого вопроса.

Субъект, по мнению Гегеля, имеет двойную природу: объективную как существующий факт и субъективную как результат единичного проявления духа. Из этого следует, что субъективность является не столько качеством субъекта, сколько явлением, имеющим объективную природу.

Фейербах, критикуя Гегеля, отстаивал материалистическую природу сущего. Субъект, т.о. – “реальный человек, а не трансцендентальное “Я”, или абстрактный дух”, который обладает чувственностью.

К.Маркс и Ф.Энгельс в своем учении о субъекте были очень близки к Фейербаху, развивая идею детерминации формирования и жизнедеятельности субъекта. Субъектно-объектные отношения рассматриваются ими как диалектика бытия и сознания. С точки зрения диалектического материализма, субъектом выступает субъект предметно-практической деятельности, т.е. субъект – это индивид с “присущим ему самосознанием”.

Новая формулировка понятия субъекта и субъективности в философии марксизма отнюдь не сняла эту проблему.

В советский период образовалась советская философия, психология, теория культуры и т.д., базирующиеся, в сущности, на идеологическом доктринализме и призванные противостоять буржуазной западной философии и науке.

Несмотря на то, что советские ученые были объединены под знаменами материалистической диалектики, мнения по данной научной проблеме разделились. Шептулин, например, считает, что субъектом может “выступать только общество” [см.: Шептулин,

1967, с.158-173]; по мнению Копнина – “только человек как индивид”; Вишневецкий под субъектом понимает только “сознание и мышление”; Семенов рассматривает в качестве субъекта “всякий живой организм”; Антонов связывает возникновение субъекта “только с возникновением языка”; Сержантов субъектом считает “всякое тело”; по мнению Тохина, понятие субъективности существует в “узком и широком смысле слова” и т.д. Как видим, даже в стане философов-материалистов (философов марксистско-ленинского толка) по проблеме субъекта и субъективности не было единого мнения.

На Западе, начиная с Шопенгауэра и Ницше, проблема субъекта и субъективности получила более глубокую научно-философскую разработку. За последние полтора века возникли целые философские школы, направления, методы исследования данной проблемы.

В западной философии субъект и субъективность как философские категории приобрели особую форму, субъективность рассматривается “как весьма специфическая реальность, в корне отличающаяся от всего реального мира...” [Проблема сознания в зап. фил-фии, 1989, с.4].

Для Ницше субъект (весьма специфический) – трансцендентальное “Я”, которое имеет смысл и реализуется в условиях речевого (или другого) контакта, т.е. при наличии другого “Я”.

Идеи Ницше взял на вооружение З.Фрейд, который отождествил субъективность с психофизиологическими формами, точнее, с конфликтом сознательного и подсознательного.

По мнению К.Ясперса, “Я” – “субъект” обладает истинной сущностью. Субъект и субъективность реализует себя только за счет коммуникативных средств.

Сартр рассматривает субъект и субъективность как специфическую бытийность, которая не имеет аналогов и практически непознаваема.

Риккерт сводит субъективность к “дурной субъективности”, а активность субъекта рассматривает только лишь как “психологию оценивания или воли”. Мыслитель считает, что существует два типа субъекта – “психофизический субъект” и “психологический субъект”. Первый по своей сути близок к фрейдовскому, второй – к трансцендентальному субъекту, т.е., каждый индивид является “носителем” двухсущностной субъективности.

Авенариус отверг уровни субъективности и предложил вообще очистить науку от “субъективных излишеств”. На конечном этапе исследования антиномии субъект-объект, по мнению Авенариуса,

стираются грани между объективным и субъективным, вернее, объективное растворяется в субъективном.

Выдающийся философ Ортега-и-Гассет во главу угла своих исследований поставил “человеческую субъективность” и законы ее бытия как особую реальность, исследованию которой посвятил всю жизнь. Для Ортеги-и-Гассета, основоположника “жизненной философии”, “субъективностью является вся жизнь” [Проблемы сознания в зап. фил.-фии, 1989, с.33]. “Человеческая субъективность” находится всегда в теснейшей связи с окружающей реальностью. Бытие (жизнь) субъекта, по мнению Ортеги-и-Гассета, – это постоянный процесс самотворчества.

Проблема субъекта и субъективности занимала важнейшее место в исследованиях Хайдеггера. По мнению Хайдеггера, основным признаком субъекта является самопознание (эту идею разделяет и русский философ Бердяев). В своих исканиях философ восходит к Платону, но отвергает бытующий в европейской философии тезис “о субъекте как непосредственно данном и очевидном и потому более известном в отличие от объектов, которые становятся доступными познанию лишь на путях опосредования субъективности”. “Я” как категорию бытия Хайдеггер исследует как субъект в “грамматически-логическом” смысле. Исходя из этого, “Я” становится предикатом, основным признаком которого является самосознание. Постичь бытие, считает Хайдеггер, можно только через постижение самосознания, ибо в центре всех мыслей находится “я мыслю”.

Проблему субъективности Гадамер рассматривает в общем ключе философской герменевтики. Субъект и субъективность, по Гадамеру, есть данность, которая осуществляется в языке (посредством языка), т.е. субъективность, которая восходит к объективности. А субъективность есть то, что выходит за рамки герменевтического круга. Поскольку язык выступает “посредником” между объектом и субъектом, то именно язык выступает как реальность “абсолют” и несет в себе черты объективного и субъективного.

Философские взгляды Витгенштейна полностью сводятся к языковой интерпретации субъекта и субъективности. Создавая “лингвистическую” философию, Витгенштейн во главу угла философских исследований поставил сознание. Сознание Витгенштейн исследует многоаспектно. Одним из качеств субъекта есть “внутренний опыт”. Субъект и субъективность Витгенштейн интерпретирует через “языковой индивидуализм”. Решение всех философских проблем, субъекта и субъективности в том числе, ученый ищет в “капле

грамматики”, в которой отражается весь окружающий мир с его спецификой и глубиной.

Таким образом, говоря о разработках проблемы субъекта и субъективности в западной философии, можно выделить несколько направлений:

- а) “философия жизни”, концепция “жизненного разума” (Ортега-и-Гассет);
- б) описание субъекта и субъективности в аспекте “сущностной чистоты” (Гуссерль и Сартр);
- в) описание жизни сознания (субъекта и субъективности) на феноменально-телесном уровне (Ницше, Мерло-Понти);
- г) выявление детерминаций сознания через языковые факторы (Гадамер, Витгенштейн) и др. направления психоаналитического и структуралистического характера.

Подводя итоги вышесказанного, отметим, что по поводу субъективности существует достаточно мнений, и все они находятся в разных плоскостях.

Для того чтобы картина представлений о субъекте и субъективности была более четкой, попытаемся изобразить их в форме моделей, в которых представлены основные толкования этих понятий, а также попытаемся дифференцировать индивидуальное и субъективное.

Итак, индивидуальное как логико-философская категория представляет следующую модель:

1. Индивид – всякий, любой, один – вычлененный элемент из общей совокупности, из множества, массы; элемент социума, отдельное живое существо – в отличие от коллектива, социальной группы. Употребляется только в контексте социальной значимости индивида.
2. Индивидуальное, индивидуальность – неповторимое своеобразие какого-либо явления, отдельного существа, человека. В самом общем плане и в качестве особенного, характеризующего данную единичность в ее качественных отличиях, противопоставляется типичному как общему, присущему всем элементам данного класса...

NB! Употребляется только в контексте социальной значимости индивида, т.е. индивид (индивидуальное – признак, определяющий индивида) как микросоциум.

Исходя из вышесказанного, по аналогии, субъект как логико-философская категория выглядит следующим образом:

1. Субъект предметно-практической деятельности и познания.

Субъект с присущим ему самопознанием, поскольку он овладел созданным человечеством миром культуры – орудиями предметно-практической деятельности, формами языка, логическими категориями, нормами эстетических и нравственных оценок; источник активности; личность; представитель определенной эпохи, определенной культуры (в широком смысле: социальный индивид / представитель социальной группы); носитель опыта поколений; носитель духовной культуры; носитель определенной языковой картины мира, мыслящий на определенном языке...

2. Субъект федерации; субъект национальной политики; субъект внешнеэкономической деятельности и т.д. Материальная, юридическая единица общественно экономической и общественно-политической формации, обладающая определенными юридическими, национальными, территориальными, экономическими, этническими и др. характеристиками (показателями).

Аналогичным образом может быть представлена субъективность в ее понятийном проявлении. Данная модель представляется весьма важным моментом в формировании и описании субъективности как языковой категории.

Субъективность в широком смысле представляет следующую модель:

-
1. Субъективность, относящийся к субъекту, человеку, личности, обществу как свойство, определяющее субъект, обладающий активностью, интенциональностью, свободой.
 2. Относящийся только к данному субъекту, отражающий только его мысли и переживания. Качество, свойство конкретного субъекта. Принадлежность к данному субъекту как отражение неповторимости бытия. Единственность, непредсказуемость, персонификация. (В данном значении субъективность как качество может относиться как к субъекту – личности, так и к субъекту-обществу).
 3. Чрезмерно субъективное отношение к чему-либо, воззрение на что-либо. Отсутствие объективности в оценке чего-либо. Пристрастный, предвзятый. Субъективность как антипод объективности, ошибочность.
 4. Человеческая субъективность – определяемое субъекта, конкретной личности как индивида; носителя сознания. Принадлежность субъекта к конкретной исторической, культурной (в широком смысле) эпохе, носителя социальных, территориальных, культурных, языковых, возрастных и др. особенностей и т.д., а также отношение субъекта

к окружающему миру и к конкретному факту действительности. Субъективность в данном значении соотносится только с субъектом-личностью.

Т.о., на данной схеме представлены основные положения о субъекте и субъективности, канонизированные современной гуманитарной наукой.

Из всей системы понятий и взглядов выделим “субъективность” в 4-м и 2-м значениях, которая соотносится с субъектом-личностью и в 1-м значении, которая соотносится с народностью, социумом, языком или другим явлением объективной действительности (кроме личности).

Т.о., в определении субъекта как “носителя” субъективности необходимо дифференцировать два положения (фактора):

- a) относящийся к обществу;
- b) относящийся к конкретному субъекту.

Учитывая опыт описания субъективности как логико-философской категории, можно перейти к описанию субъективности и как категории лингвистической.

2. Субъект и субъективность как лингвистические категории. Теоретическое обоснование категории субъективности в языкознании. Языковые средства выражения субъективности.

История понятия субъективности как лингвистической категории берет свое начало с В.Гумбольдта, хотя суждения о том, что язык и речь несут в себе информацию о субъекте, высказывали неоднократно философы и ученые разных эпох. Так, Сократу принадлежат высказывания “человек – мера всех вещей”, “заговори, чтобы я тебя увидел”, “познай себя и ты познаешь мир” и др., в которых содержится информация о том, что человек посредством языка и речи репрезентирует, утверждает себя.

В.Гумбольдт, развивая учения Канта и Гегеля, обратил внимание на сущность, природу языка. Гумбольдт рассматривал сознание как особое начало, независимое от объективно существующей материальной природы и развивающееся по своим законам. “Язык, – пишет Гумбольдт, – есть душа во всей ее совокупности. Он развивается по законам духа” [Звегинцев, 1964, с.71]. Кроме того, язык представляет собой не “мертвый продукт”, но “созидающий процесс”. Вместе с тем Гумбольдт характеризует язык как орудие мышления. Он многократно обращает внимание на то, что формой

существования языка является его развитие: “язык есть не продукт деятельности, а деятельность (energeia)” [Гумбольдт, 1984, с.70]. Из этого следует, что язык нельзя представить себе в виде какой-то исчислимой совокупности, он состоит не только из определенной суммы фактов, но и методов или способов, которыми осуществляется непрерывный процесс развития языка.

В связи с этим Гумбольдт выдвигает положение о том, что в “образовании и употреблении языка находит свое отражение характер субъективного восприятия предметов”. “Возникающее на основе этого восприятия слово, – пишет он, – не есть простой отпечаток предмета самого по себе, но его образ, который он создает в душе. Так как ко всякому объективному восприятию неизбежно примешивается субъективное, то каждую человеческую индивидуальность, независимо от языка, можно считать носителем особого мировоззрения. Само его образование осуществляется через посредство языка, так как слово, в противоположность душе, превращается в объект всегда с примесью собственного значения и таким образом привносит новое своеобразие” [Звегинцев, 1964, с.80].

Развивая эту мысль, немецкий ученый утверждает, что “в языке таким чудесным образом сочетается индивидуальное со всеобщим, что одинаково правильно сказать, что род человеческий говорит на одном языке и что каждый человек обладает своим языком” [Гумбольдт, 1984, с.74].

Объективизации субъективных (по своему происхождению) факторов в языке, по мнению В.Гумбольдта, способствует коммуникативная функция языка. “Когда мы слышим образованное нами слово в устах других, объективность его увеличивается, а субъективность при этом не испытывает никакого ущерба, так как все люди ощущают себя как единство. Более того, субъективность тоже усиливается, так как преобразованное в слово представление перестает быть исключительной принадлежностью лишь одного субъекта...” [Гумбольдт, 1984, с.77].

Необходимо обратить внимание на положение Гумбольдта, что человек познает мир при помощи органов чувства и разума. В образовании и употреблении языка, – считает Гумбольдт, – отражается характер субъективного восприятия действительности, и посредством субъективной деятельности создается мыслительный образ объекта.

Весьма актуальным и по сей день остается положение Гумбольдта о том, что “...в каждом языке заложено свое мировоззрение. Если звук стоит между предметом и человеком, то весь язык в целом

находится между человеком и воздействующей на него внутренним и внешним образом природой. Человек окружает себя миром звуков, чтобы воспринять и усвоить мир предметов. Это положение ни в коей мере не выходит за пределы очевидной истины. Так как восприятие и деятельность человека зависят от его представлений, то его отношение к предметам целиком обусловлено языком” [Звегинцев, 1964, с.99].

Штейнталь, развивая идеи Гумбольдта, утверждал, что “язык должен рассматриваться как образованное инстинктивным самосознанием представление о внешнем и внутреннем мире человека. Но в основе этого инстинктивного представления о мире и о себе лежит индивидуальный принцип” [Звегинцев, 1964, с.130].

Учение В.Гумбольдта о языке сыграли важнейшую роль в дальнейшем развитии языкознания. Идеи Гумбольдта имели большое влияние на формирование взглядов А.А.Потебни.

Будучи последователем Гумбольдта, А.А.Потебня развив учение о внутренней форме слова. По мнению ученого, наряду с объектами мышления существуют и субъекты мышления – люди, в сознании которых объективный мир субъективизируется. Внутренняя форма слова связана с наиболее близким этимологическим значением слова и является “отношением содержания мысли к сознанию”, то есть представлением, значение которого состоит в том, что они объективизируют чувственный образ и обуславливают его сознание.

Внутренняя форма слова, по мнению Потебни, выступает как способ передачи значения.

Потебня в слове выделяет два содержания. Первое он называет объективным (ближайшим этимологическим значением). Второе – субъективным содержанием, которое характеризуется множеством признаков. Первое – содержание слова – “та форма, в которой нашему сознанию представляется содержание мысли” [Потебня, 1976, с.114]. “Если исключить из слова второе, единственное содержание, то в слове остается только звук, то есть внешняя форма и этимологическое значение, которое тоже есть форма, но только внутренняя” [Потебня, 1976, с.114-115]. Внутренняя форма же, по мнению лингвиста, есть “отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль” [Потебня, 1976, с.115].

Одним из важных положений Потебни является идея о том, что язык представляет особую форму человеческой деятельности – “...язык есть средство не выразить готовую мысль, а создавать ее... Он не отражение сложившегося мировоззрения, а слагающая его деятельность” [Потебня, 1976, с.59].

Вместе с тем исследователь делает весьма существенное для нас замечание – “общее между говорящим и слушающим условно их принадлежностью к одному и тому же народу. Другими словами: ближайшее значение слова народно, между тем дальнейшее, у каждого различное по качеству и количеству элементов, – лично”. [Потебня, т.1, 1958, с.218].

Итак, внутренняя форма слова в понимании А.А.Потебни есть наиболее яркий (“важнейший”) или наиболее субъективно значимый признак “чувственного образа” как совокупности многих признаков, образных признаков, образующих единство понятия, тот признак, который стал основой значения слова, что явилось важным этапом формирования понятия субъективности как лингвистической категории.

Дальнейшая разработка субъективности как лингвистической категории нашла свое отражение в трудах языковедов XX века.

В западной науке эти категории формировались под влиянием разных философских, психологических, эстетических школ и течений.

Так, Герман Пауль, представитель Лейпцигской школы, утверждал, что “... на свете столько же отдельных языков, сколько индивидов” [Пауль, 1960, с.58].

Значение слова для представителей Лейпцигской школы содержит в себе психологический компонент: “можно предположить, что в сознании субъекта содержатся не только основные носители объективной информации, позволяющие опознать предметы и явления реального мира и отличать их от других предметов и явлений, но и так называемые элементы вторичного членения, отражающие в языке различные стороны взаимодействия человека и окружающего мира” [Пауль, 1960, с.5].

У младограмматиков было свое представление о словаре и словарной статье как средстве выражения субъективности: “поскольку объем представлений каждого субъекта связан с индивидуальным запасом используемых им слов, постольку присущая словарю совокупность значений обязательно ориентируется на совокупность имеющихся в народе представлений и меняется вместе с ней” [Пауль, 1960, с.126].

Далее Г.Пауль утверждает, что в результате употребления в слове появляется новый содержательный момент, который выражает субъективно-оценочные отношения, а семантическая наполненность понятий, представлений и ощущений у представителей одной языковой общности не совпадает, так как у каждого индивида “различный индивидуальный опыт, уровень образования,

самостоятельность мысли, творческой одаренности и т.д.” [Пауль, 1960, с.109].

По мнению Ф. де Соссюра, субъективность есть не что иное, как показатель момента состояния сознания в конкретной речевой ситуации, и состоит конкретный субъективный компонент из кода для выражения своих мыслей (понятий) и во-вторых, из психофизического механизма, позволяющего ему (субъекту) объективировать комбинации”.

Также, утверждает ученый, акт общения осуществляется при помощи органов чувств, т.е. воспроизводства и восприятия звука конкретного субъекта, что тоже, в свою очередь, обуславливает субъективность воспроизводства и восприятия речи.

Субъективность Ш.Балли видит только в функционировании языка. По его мнению, “объективная реальность не отражается, а преломляется в нас, – подвергается изменениям в соответствии с природой нашего “Я” [Балли, 1955, с.23]. Говорящего же характеризует только речь [Балли, 1955, с.27].

В речи, как считает лингвист, обнаруживаются и другие факты субъективности, такие, в частности, как манера говорить, интонация и др.

В работах Вандриеса категория субъективности получила фундаментальную разработку. Предвидя прагматический аспект речи, Вандриес утверждал, что человек использует язык не только для выражения мысли. Он также говорит для того, чтобы воздействовать на других и выразить субъективные чувства [Вандриес, 1937, с.134]. Исследователь обращает внимание и на категорию времени глагола как на форму проявления субъективности, то есть субъективность обнаруживается не только в речи, но и в языковой структуре, что является весьма важным для нас положением.

В научных изысканиях Э.Бенвениста категория субъективности занимает одно из центральных мест. В своих работах исследователь утверждает, что только благодаря языку человек “конституируется как субъект”, так как “только язык придает реальность, свою реальность, которая есть свойство быть – понятию “Ego” “мое я” [Бенвенист, 1974, с.293]. “Субъективность, – пишет дальше исследователь, – о которой здесь идет речь, есть способность говорящего представлять себя в качестве “субъекта”. Она определяется не чувством самого себя, имеющимся у каждого человека.., а как психическое единство, трансцендентное по отношению к совокупности полученного опыта, объединяемого этим единством, и обеспечивающее постоянство сознания”, другими словами, “тот есть

“Его”, кто говорит “Его”. По мнению ученого, здесь и находится “самое основание “субъективности”, определяемое языковым статусом “лица” [Бенвенист, 1974, с.294]. Словом, субъективность есть определяющее любого субъекта, способного к самоосознанию своего “Я”, и выражается это (репрезентируется) посредством языка.

Далее Бенвенист делает весьма важное заключение: “индивид из общества выделяется лишь по мере осознания самого себя” [Бенвенист, 1974, с.294]. “Именно в реальности диалектического единства (“я” – “другой”, “я” – “общество”), объединяющего оба термина и определяющего их во взаимном отношении, и кроется языковое основание субъективности” [Бенвенист, 1974, с.294].

Язык, как считает ученый, настолько глубоко отмечен выражением субъективности, что возникает вопрос, мог ли бы он, будучи устроенным иначе, вообще функционировать и называться языком? [Бенвенист, 1974, с.295].

Видный представитель американского языкознания Л.Блумфилд рассматривает субъективность в коннотативном аспекте. В этом ключе подаются все социальные аспекты языка. Так, “использование единиц языка определенными социальными слоями говорящих порождает важные дополнительные оттенки значения. Так, формы, которые употребляются говорящими менее привилегированных классов, нередко воспринимаются говорящими как грубые и даже вульгарные формы, используемые представителями более привилегированных слоев формы кажутся чрезмерно официальными, манерными” [Блумфилд, 1968, с.156].

В отечественной науке дальнейшая разработка субъективности как лингвистической категории нашла отражение в работах М.М.Бахтина. Субъективность, в частности, исследователь рассматривает как органическое единство целого или системы значения. Сознание же, по Бахтину, есть не что иное, как мышление – субъективность.

Субъективность по своей структуре и специфике выражения представляет сложную структуру, элементами которой (слагаемыми) является ряд деталей. “В разных сферах речевого общения экспрессивный момент имеет разное значение и разную степень силы, то есть, он повсюду: абсолютно нейтральное высказывание невозможно”, а “нейтральное значение слова, отнесенное к определенной действительности в определенных реальных условиях речевого общения, порождает искру экспрессии” [Бахтин, 1979, с.264-266].

Так, по мнению Бахтина, “речь всегда субъективна”, а “эмоция, оценка, экспрессия чужды слову языка и рождаются только в процессе его живого употребления в конкретном высказывании. Значение слова само по себе внеэмоционально и определяется экспрессивностью, “прежде всего предметно-смысловыми заданиями (замыслом) речевого субъекта (или автора)”. Однако возникает вопрос, как оценить и охарактеризовать с этой точки зрения часть лексики, отмеченной в словарях пометами, характеризующими слово с точки зрения эмоционально-экспрессивной наполненности и т.д.

“Суть субъективности в том, – утверждает Бахтин, – что любое предложение, даже сложное, в неограниченном речевом потоке может повторяться неограниченное число раз в совершенно тождественной форме, но как высказывание ни одно предложение, даже однословное, не может повториться: оно всегда новое высказывание” [Бахтин, 1979, с.286].

Человеческая сущность заключается в “человеческой специфике всегда выражать себя (говорить), то есть создавать текст” [Бахтин, 1979, с.287]. “Даже на мертвых вещах, соотнесенных с человеком, лежит отблеск субъективности” [Бахтин, 1979, с.291].

В зависимости от ситуации слово может обладать различной “интенсивностью” или экспрессией воздействия.

В своих исследованиях Бахтин уделяет внимание экспрессивности. Именно “экспрессивная сторона”, “степень экспрессивной насыщенности”, “индивидуальная экспрессия”, “неповторимость индивидуального контекста высказывания”, по его мнению, определяет субъективность в речи.

Бодуэн де Куртенэ тоже обращал внимание на субъективность. “В языке или речи человеческой отражаются различные мировоззрения и настроения как отдельных индивидов, так и целых групп... В каждом языке мы можем выделить и определить наслоения и пережитки различных мировоззрений, или следовавших друг за другом в порядке хронологического, или же отражающих собою различные стороны явлений природы и общественной жизни, наслоения религиозные, метафизические, общественные, юридические, общественно-исторические и т.д.” [Б. де Куртенэ, 1963, с.79].

Языковед различает:

- 1) “внешнюю сторону языка, фонетическую”;
- 2) внеязыковую сторону – сторону семантических представлений;
- 3) морфологическую сторону, являющуюся основной характеризующей чертой человеческого языка.

Семантические представления как явления психического характера несут информацию о физическом, социальном и “внутреннем” психическом мире. Таким образом, Б. д. Куртенэ, не употребляя термин “субъективность”, утверждал, что “любой язык несет в себе информацию” о субъекте речи, поскольку речь имеет психическую и социальную природу.

Анализируя творческий путь Л.В.Щербы, М.И.Матусевич замечает, что “под влиянием своего учителя Бодуэна де Куртенэ Щерба в начале своей научной деятельности разделял многие предрассудки и заблуждения субъективной идеалистической психологии” [Матусевич, 1957, с.5]. Впоследствии Л.В.Щерба отказался от своих ранних взглядов, но ранние увлечения определили его подход к языку. По мнению ученого, языковая система существует на общеязыковом уровне (на уровне языковой абстракции), а “психофизиологическая речевая организация владеющего языком субъекта” – это индивидуальное проявление языковой системы. А поскольку на индивидуальном уровне речевая организация способна “отличаться от языка-системы”, то это можно объяснить субъективными факторами, которые неотделимы от речевого функционирования [Щерба, 1974, с.27]. Каждый конкретный индивид отличается от другого “индивидуальной речевой системой” [Щерба, 1974, с.27-28].

Такие отличия прослеживаются как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях. На коллективном уровне такие отличия, особенности “детерминируются социально (семейными, профессиональными, местными особенностями) и проявляются они при сопоставлении с языковой нормой” [Щерба, 1974, с.34-35].

Индивидуальная речевая система есть проявление языковой системы на индивидуальном уровне.

Таким образом, “индивидуальная речевая система” в учении Л.В.Щербы представляет собой субъективный момент или фактор в языке: “... мы имеем полное право сказать, что вообще все формы и сочетания слов нормально создаются нами в процессе речи в результате весьма сложной игры сложного речевого механизма человека в условиях конкретной обстановки данного момента” [Щерба, 1974, с.25].

Проблема субъекта и субъективности нашла отражение в работах Л.С.Выготского. Но эту проблему Выготский рассматривал в плане эстетики текста. “Эстетический объект приобретает свой специфический характер лишь через воспитание, чувство и фантазию воспринимаемого субъекта” [Выготский, 1987, с.11].

Субъективность и объективность “художественного текста (текста, речи) – одна из важнейших деталей, поскольку переживаемое эстетическое чувство” переживается (всегда) субъектом. “Мысль, – считает Выготский, – никогда не равна прямому значению слов”. Мысль всегда значительно глубже, шире, чем та же мысль в вербальной материализованной форме, но от этого слово не теряет своей субъективности” [Выготский, 1987, с.11].

Субъект и субъективность как лингвистическая категория рассмотрена в работах В.В.Виноградова. В частности, субъективность рассматривается Виноградовым в учении о семантике слова. Значение слова, считает ученый, тесно связано с культурной, профессиональной средой функционирования.

“Одни и те же названия в разные эпохи обозначают разные предметы и разные понятия. С другой стороны, каждая социальная среда характеризуется своеобразием своих обозначений. Одни и те же предметы по-разному осмысливаются людьми разного образования, разного мировоззрения, разных профессиональных навыков. Поэтому одно и то же слово как указание на предмет включает в себя разное содержание в речи разных социальных и культурных групп” [Виноградов, 1972, с.16-17]. Это положение, выдвинутое Виноградовым, нам представляется особенно важным для формирования субъективности как лингвистической категории.

Кроме информации о субъекте речи, по утверждению ученого, “слово переливает экспрессивными красками социальной среды, отражая личность (индивидуальную или коллективную) субъекта речи, характеризуя его оценку или иной общественной группы. Этот круг оттенков, выражаемых словом, называется экспрессией слова”. “Экспрессия слова, – продолжает Виноградов, – всегда субъективна, характерна и лична – от самого мимолетного, до самого устойчивого, от взволнованности мгновения до постоянства не только лица, ближайшей его среды, но и эпохи, народа, культуры” [Виноградов, 1972, с.21].

Информация о субъекте речи включает в себя и отношение субъекта речи к окружающему миру, и прагматическую сторону высказывания.

Субъективность также заключается и в способности создавать и воспринимать образные смыслы, – “...образность отдельных слов и постоянных сочетаний... ничтожна по сравнению со способностью языка создавать образы из сочетания слов...” [Виноградов, 1972, с.20].

По мнению В.В.Виноградова, нейтральная лексика на уровне языковой абстракции потенциально обладает определенной экспрессией, которая активизируется в речи. “Нет слов и языковых форм, которые не могут стать материалом для образа” [Виноградов, 1972, с.119].

Таким образом, экспрессия, оценка, эмоциональность, отношение к окружающему миру и т.д. в сумме составляют внутренний мир человека, средством выражения которого является язык, слово. “Языком человек не только выражает что-либо, он им выражает самого себя”. [Виноградов, 1972, с.20].

Слово же, по мнению академика Виноградова, “...обладает не только грамматическими и лексическими, предметными значениями, но оно в то же время выражает оценку субъекта... Само предметное значение слова до некоторой степени формируется этой оценкой, и оценке принадлежит творческая роль в изменениях значений” [Виноградов, 1972, с.21].

Таким образом, в своем учении о слове В.В.Виноградов обращал особое внимание на эмоциональную, образную, экспрессивную сторону значения. По мнению ученого, слово практически не существует в “очищенной” от субъективности форме. **Субъективность – неотъемлемый элемент семантической структуры слова** (разрядка наша – Я.М.).

С точки зрения Р.А.Будагова субъективность – самореализация субъекта посредством речи. Именно в речи субъект выражает себя, свое отношение к окружающему миру. “Речевая деятельность даже в самых своих простейших проявлениях есть соединение индивидуальных восприятий с общей природой человека” [Будагов, 1976, с.77].

Ю.С.Степанов же считает, что “в содержании человеческой речи, кроме основной информации – мысли, почти всегда можно найти содержательное положение говорящего, и, наконец, отношение к сообщаемому, одобрение или неодобрение, равнодушие, восхищение, иронию и т.п., одним словом, информацию эмоциональную” [Степанов, 1965, с.21].

Субъективность – то, что свойственно языку изначально, считает И.В.Арнольд. “Язык представляет собой не в переносном, а в прямом смысле единственный случай, когда субстанция предмета по своему происхождению и сути является субъективной, непосредственно зависимой от субъекта. Как объект науки язык в этом смысле уникален, ибо одновременно является результатом

переживания сознания человека, объектом его исследования и предметом его описания” [Арнольд, 1973, с.116].

Говоря же о субъективном характере языка, “...обычно имеют в виду не тот очевидный факт, что язык есть произведение человеческого интеллекта, а тот факт, что в языке выражаются или целиком субъективные восприятия человека, или в сочетании с некоторой объективной информацией одновременно и элементы субъективной оценки этой информации” [Арнольд, 1973, с.116].

Субъективный фактор В.Кузьмин видит не только в сознании, но и в подсознании: “... ибо в качестве общего признака всех их выступает определенная зависимость от субъекта” [Кузьмин, 1976, с.23].

Особенность субъективного, считает В.Кузьмин, заключается в том, что “субъект отражает объективный мир не пассивно и безразлично, а активно и целенаправленно, и это отражение определенным образом переживается субъектом, по особому преломляется в его чувствах и мыслях” [Кузьмин, 1976, с.23]; а “сознание как отражение действительности неразрывно связано с речью” [Кузьмин, 1976, с.29].

Таким образом, по мнению В.Кузьмина, субъективная оценка не только свойственна любому художественному произведению, но она “несет в себе эстетический идеал, который ...отражает субъективную оценку действительности” [Кузьмин, 1976, с.51-52].

Дальнейшая разработка понятия субъективности как лингвистической категории производилась в самых разных направлениях лингвистики, в частности, в семасиологии.

Так, Д.Н.Шмелев пишет: “Каждое слово, благодаря самым разнообразным ассоциациям, связано для нас с другими словами и представлением о многочисленных предметах и явлениях действительности, нередко даже таких, которые, казалось бы, никак не соотносены с тем, что данное слово конкретно обозначает” [Шмелев, 1964, с.52]. Далее ученый цитирует Ж.Вандриеса, который утверждал, что “слово никогда не всплывает в нашем сознании одиноко. Даже когда только одно слово в одном значении присутствует в нашем сознании, то другие, остающиеся в тени, масса понятий и эмоций, связанных с ним тончайшими нитями, каждую минуту готовы ворваться в наше сознание. Слова, проходящие через наше сознание, находятся в непрерывной связи со всей нашей интеллектуальной и эмоциональной жизнью” [Шмелев, 1964, с.47].

Семантическая структура слова, которая, по мнению Шмелева, содержит в себе экспрессию, реализует свои эмоционально-образные возможности на речевом уровне, т.е. в контексте, но “экспрессивные возможности слова обуславливаются сферой его употребления, и присущими ему эмоциональными оттенками, и его связями с другими словами. Их реализация зависит от конкретных условий применения данного слова, т.е. от контекста в широком смысле” [Шмелев, 1964, с.53]. Более того, “в определенных условиях различные ассоциативные наслоения обволакивают “рациональные” значения слов, иногда даже как будто отстраняют их на второй план...” [Шмелев, 1964, с.56].

Н.Е.Комлев, развивая эту идею Д.Н.Шмелева, предлагает свою модель, согласно которой в слове, помимо основной (стержневой, ядерной) информации (мысли), присутствуют следующие компоненты: представление, мировоззрение, чувство, уровень знания, культурный компонент, компонент поля.

Рис. 1

[См.: Комлев, 1969, с.110].

Комментируя эту модель, автор, в частности, пишет: “представления – это субъективные картины действительности, зависящие от индивидуальных особенностей: опыта, возраста, научной подготовки и др. Из этого следует, что семантическое содержание слов у разных говорящих не всегда совпадает” [Комлев, 1969, с.109].

В современной лингвистике имеются фундаментальные исследования семантической структуры слова, в которых детально исследованы все компоненты этой структуры. Субъективность, или

субъективные моменты значения слова, по-разному представлены в этих работах. Например, Д.Н.Шмелев предлагает термин “эмоциональные представления”, “экспрессивная окраска”, “эмотивное значение” (Новиков), “эмотив” (Шаховский).

Ученые, для которых важны сведения о закономерности употребления слова в ходе организации высказывания, употребляют другие термины: “потенциальные семы” (Гак), “открытые семы” (Гивзбург), “семантические ассоциации” (Апресян), “представления” (Комлев).

“Возражения многих авторов содержат в основном опасения, что некие субъективные, коммуникативно иррелятивные моменты станут главным компонентом значения. Действительно, коннотации в значительной части своей несут субъективный характер, но они имеют социальную значимость” [Комлев, 1969, с.103].

Кроме вышеуказанных авторов, достаточно детально и многоаспектно описана структура значения слова в работах Л.М.Васильева, В.Г.Гака, Э.В.Кузнецовой, Ж.П.Соколовской, А.А.Уфимцевой и др.

Лексическое значение слова – сложное (многоплановое), которое включает несколько составляющих, то есть представляет собой специфическую структуру. [Соколовская, 1979, с.4].

В лингвистике принято разграничивать термины: лексема – многозначное слово; семема – отдельное значение лексемы, или лексико-семантический вариант.

Ж.Соколовская предлагает выделить такие компоненты семемы: предметно-логическое ядро, которое выражает соотношенность с понятием; оттенки значения, “соотнесенные с понятием”, ассоциациями, закрепленные за словом; грамматическую характеристику, охватывающую значение, части речи и систему словоизменения; эмоционально-экспрессивную окраску; сочетаемость (лексическую и синтаксическую) или конфигуративные признаки [Соколовская, 1979, с.6-8].

Субъективный компонент в данной структуре представлен оттенками значения и эмоционально-экспрессивной окраской.

В работах В.Н.Телия субъективность, субъективные моменты значения представлены коннотацией. Коннотация как явление многоаспектное представляет интерес для ученого только с семантической, психолингвистической точки зрения. В своих исследованиях автор делает акцент на антропоцентричность и субъективно-ориентированный план исследования. Коннотация в работах В.Телия определяется как “семантическая сущность, узусально или окказиально входящая в семантику языковых единиц и

выражающая эмотивно-оценочные и стилистически маркированные отношения субъекта речи к действительности при ее обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект” [Телия, 1986, с.8].

Ю.Н.Караулов рассматривает субъективность в плане прагматики текста. “Прагматика представляет собой наиболее общий, всеобъемлющий уровень анализа и включает все личностные, психологические факторы, которые отличают один коммуникативный факт от другого, все вопросы цели, практических результатов и ценности для коммуникантов” [Человеческий фактор в языке, 1991, с.101].

С точки зрения В.Г.Гака, “... если мы хотим постичь не только структуру, но и функционирование языкового знака, мы должны принять во внимание все три стороны известного семантического треугольника... При анализе семантики слова в реализации, т.е. в речи на первый план выступают отношения обозначения... Эти отношения непостоянны, поскольку при выражении мысли в речи один и тот же денотат может быть подведен под различные понятия и, следовательно, получить различное словесное обозначение. Итак, языковой знак меняет свою сущность в зависимости от угла зрения: рассматриваемый в системе, он представляет собой отношение означающего к означаемому...” [Гак, 1971, с.79].

Г.В.Колшанский в работах, посвященных соотношению объективных и субъективных факторов в языке, избирает иной, фило-софско-гносеологический план исследования. По мнению ученого, проблема “субъективного и объективного в языке “затрагивает основы мировоззрения и связанные с пониманием не только сущности сознания, но и основного вопроса философии об отношении сознания и бытия...” [Колшанский, 1975, с.7]. Ученый считает, что только в речи индивид может реализовать себя как субъект, как личность: “.. язык является прежде всего выражением некоего творчества субъекта, вследствие чего любому речепроизводству должен быть приписан субъективный фактор, отражающий отношение субъекта к предмету своего высказывания” [Колшанский, 1975, с.7]. Исследователь обращает внимание и на то, что “поскольку высказывание есть всегда результат речевой деятельности, то уже изначально детерминировано как субъективный акт по форме и содержанию” [Колшанский, 1974, с.27].

Исследуя язык как универсальное средство самореализации и существования субъекта под гносеологическим углом зрения, Г.В.Колшанский утверждает, что в пределах ситуации предмет

всегда мыслится конкретно и однозначно ... Но будучи внутренним, а потому субъективным образованием, мыслительное содержание в таком виде не может быть передано другому. Условием общения является возможность превращения внутреннего во внешнее, субъективного в объективное. Это может быть достигнуто в том случае, если для этой цели будут применены материальные носители информации. Система таких материальных носителей составляет язык. Применение этих материальных средств позволяет объективизировать внутреннее субъективное содержание... [Колшанский, 1990, с.102-103].

Р.И.Павиленис, разрабатывая теорию языка, замечает, что неучет ... такого не просто лингвистически, а концептуально компетентного субъекта делает неконструктивным сам проект построения теории языка, а главную задачу его – выяснение способности человека понять язык – принципиально неразрешимой... [Павиленис, 1983, с.260].

В работах Н.А.Рудякова, посвященных проблеме субъекта и субъективности, был сделан важный вывод, что субъективные элементы (субъективные моменты значения слова) являются одной из главных единиц образного содержания художественного произведения. Субъективность, по определению Н.А.Рудякова, – информация, которая заключает в себе “непроизвольно выражаемые сведения о самом говорящем – о строе мысли и чувства или принадлежности к определенной культурной, профессиональной или территориальной среде” [Рудяков, 1989, с.12]. Субъективный, личностный момент присущ не только содержанию литературно-художественного произведения. “Это свойство обнаруживается и в других словесных, нехудожественных выражениях. В частности, в живой речи” [Рудяков, 1989, с.12].

И наконец, такие, как С.М.Кибардина, Ю.М.Ломов, Е.Б.Аристова, Н.И.Мещанинов и др. рассматривают субъект и субъективность в плане логического членения предложения, с точки зрения синтаксиса предложения, членов предложения. В частности, подлежащее рассматривается как субъект, дополнения как объект. Некоторые лингвисты выделяют будущее время глагола, или личные местоимения, или возвратные глаголы как показатель субъекта и субъективности. Но здесь необходимо обратить внимание на то, что выделяются два основных типа субъекта:

- 1) субъект – носитель сознания, субъект высказывания;
- 2) субъект – член предложения, носитель активности в предложении, подлежащее по отношению к сказуемому, дополнению и др. членам предложения.

Таким образом, учитывая информацию о субъективности, которая имеется в современной лингвистической литературе, субъективность как лингвистическую категорию можно представить в виде следующей модели (т.е. вся информация о субъекте и субъективности может быть распределена по 12 рубрикам, см. схему “субъективность”).

Данная модель представляет собой попытку систематизации всех подходов и взглядов на субъективность как языковую категорию. Но учитывая всю сложность и многоплановость проблемы, обратим внимание на то, что количество пунктов может быть изменено в зависимости от подхода к проблеме, степени обобщения и детализации.

-
- 1) философско-гносеологический подход; диалектический подход, субъектно-объектные отношения в языке; антиномия субъект-объект (Г.И.Колшанский, Р.И.Павленис, А.В.Брушлинский);
 - 2) внутренняя форма слова (В.Гумбольдт, А.А.Потебня, В.В.Виноградов, Г.О.Винокур, Н.А.Рудяков);
 - 3) в лексико-грамматической структуре языка (Э.Бенвенист, Л.В.Щерба, В.В.Виноградов, В.В.Химик);
 - 4) коннотация; добавочные смыслы (Л.Блумфильд, Ю.С.Степанов, Н.П.Комлев, В.Н.Телия, В.И.Говердовский);
 - 5) психический фактор (Л.Шпитцер, К.Фосслер, Б. де Куртенэ, Л.С.Выготский, А.Н.Леонтьев, С.Л.Рубинштейн, В.К.Вилюнас, А.В.Брушлинский);
 - 6) поэтическое слово; текст; речь; художественный текст (М.М.Бахтин, Л.С.Выготский, Л.В.Щерба, Г.О.Винокур, Ю.А.Ларин, Ю.С.Степанов, Н.П.Комлев, Н.А.Рудяков, Л.А.Новиков);
 - 7) человек (субъект) и “картина мира”; “субъективная картина мира”; “индивидуальная языковая картина мира” (Г.В.Колшанский);
 - 8) в языковой структуре; в семантической структуре слова; “потенциальные семы”, “скрытые семы”, “семантические ассоциации”; на уровне семантической структуры слова (В.В.Виноградов, Д.Н.Шмелев, Ж.П.Соколовская, Э.В.Кузнецов, В.Г.Гак);
 - 9) синтаксическая структура предложения; синтаксический субъект; актуальное и логическое членение предложения; модальность; обращение; подлежащее и дополнение; личные и безличные предложения; (Е.М.Галкина-Федорук, Н.И.Мещанинов, Е.И.Истрина, Е.Б.Аристова, П.А.Лекант, Ю.А.Лопашова, Л.В.Хованская, В.В.Виноградов, В.З.Панфилов);
 - 10) на морфологическом уровне: личные, безличные местоимения, возвратные глаголы, глаголы будущего времени, падежи (Э.Бенвенист, Ж.Вандриес, Л.В.Хованская, В.В.Химик);
 - 11) эмоциональное отношение; эмотив; эмоциональное наслаение, эмоциональная окраска (Е.Ю.Мягкова, Т.А.Графова, В.И.Шаховский);
 - 12) психологический субъект в синтаксической структуре предложения (Г.Габеленц, Г.Пауль, Ф.Ф.Фортунатов).

Попытка описания субъективности как языковой категории была осуществлена В. Гумбольдтом. И вот уже почти два столетия эта проблема остается открытой. Описание субъективности в этой главе не претендует на решение этой проблемы, а является лишь попыткой систематизации знаний о субъективности в современной лингвистике.

В процессе описания данной категории в ее историческом развитии и описание ее на современном этапе развития науки определились основные положения, которые отразились в данной главе.

Во-первых, представлена четкая дифференциация и размежевание понятий индивид и индивидуальное, субъект и субъективность как философских категорий, с одной стороны, и лингвистические категории, с другой стороны.

Во-вторых, в процессе описания субъективности как лингвистической категории наметились две основные группы: 1) группа показателей, которые определяют субъективность на уровне языка или языковой абстракции и 2) группа – это субъективность, которая обнаруживается в исследовании языкового фактора на уровне речи.

В-третьих, поскольку описание субъективности в языке, даже в самой сжатой форме, заняло бы достаточно большой объем (в процессе описания форм выражения субъективности в языке и речи было обнаружено около 70-ти пунктов (форм)), то возникла необходимость прибегнуть к более сжатым формам изложения материала и создать модель “субъективности как языковой категории”, которая бы отражала в полном объеме информацию о субъективности как языковой категории. В результате этого было выявлено 12 основных групп (подходов) к этой проблеме.

Таким образом, в результате описания языковых явлений с позиции наличия в них субъективности оформилась реальная картина данной проблемы в современной лингвистике.

Продолжая исследования данной проблемы на конкретном языковом материале, в последующих главах будет осуществлена попытка более детального и глубокого исследования некоторых форм проявления субъективности.

Глава вторая

Способы выражения субъективности в словарях

“Словарь” – это вселенная, расположенная в алфавитном порядке”.

А.Франс

“...я знаю, например, что независимо от клеймённых русских словарей в нашей жизни выработался свой полноплечный словарь, имеющий мало сходства с клейменными... Рядом с клейменными словарями существует толковый интимно-бытовой словарь, который приводит и отлично объясняет смысл даже тех выражений, перед которыми клейменный словарь стоит, уставая лбом в стену. Вот к этому-то неизданному, но превосходнейшему словарю я всегда и обращаюсь, когда мне нужно вложить персты в язы”.

М.Е.Салтыков-Щедрин

“...чем выше культура, тем богаче язык. Количество слов и их сочетаний находится в прямой зависимости от суммы впечатлений и представлений: без последних не может быть ни понятий, ни определений, а стало быть, и поводов к обогащению языка”.

А.П.Чехов

В первой главе данного исследования субъективность была рассмотрена как философская и языковая категории. Как было отмечено, одной из форм существования субъективности в языке есть субъективные моменты значения слова. Это те компоненты, которые, по определению Н.А.Рудякова, дают сведения о личности субъекта речи – о его отношении к окружающему миру, о принадлежности к определенной культурной, профессиональной или территориальной среде [Рудяков, 1988, с.142]. Словари (здесь и в дальнейшем речь будет идти о толковых словарях, академических и двуязычных) представляют собой сложную и динамическую систему, некий универсум языкового и историко-культурологического характера, в котором отразилось знание о мире, отношение

человека к окружающему миру, его (человека) духовность, т.е. информация культурологического, морально-эстетического, мировоззренческого, теологического и др. плана. Таким образом, система словарей может рассматриваться как отдельный и самостоятельный объект исследования с точки зрения лингвистического отражения различных форм существования субъективности (субъективности как лингвистической категории).

Целью настоящей главы является исследование форм лексикографического отражения субъективности в системе словарей и определение закономерностей проявления субъективных моментов значения слова, их классификации. В наших исследованиях это будет попытка словарных помет, иллюстративного материала, анализ лексико-семантической структуры слова в словарях славянских языков.

Материалом исследования послужили такие словари:
САР-1 – Словарь Академии Российской (1-е издание);
САР-2 – Словарь Академии Российской (2-е издание);
СЦСРЯ – Словарь церковно-славянского и русского языка (1-е издание);
Словарь В.И.Даля – Толковый словарь живого великорусского языка В.И.Даля;
Словарь Грота – Словарь русского языка: 1-й т. Под ред. Я.К.Грота;
Словарь Д.Н.Ушакова (ТСУ) – Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н.Ушакова;
Словарь С.И.Ожегова – Словарь русского языка С.И.Ожегова под ред. Н.Ю.Шведовой (18-е издание, стереотипное);
БАС – Словарь русского литературного языка в 17 т.;
МАС – Словарь русского языка в 4-х т. (3-е издание, стереотипное);
СУМ – Словник Української мови в 11-ти т. и др.

1. Субъективность как характерная особенность процесса эволюции дефиниций

За последние десятилетия системный подход утвердился во всех областях науки, в лингвистике и семасиологии в частности. Характерной особенностью современного научного знания, как утверждает В.П.Кузьмин, является системность [Кузьмин, 1976, с.15].

Система в “Философском энциклопедическом словаре” определяется как “совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которая образует определенную целостность и единство” [ФЭС, с.610-611].

Всякая деталь, явление должно рассматриваться как представитель своего вида, рода. Вид же должен быть рассмотрен в развитии. “Иными словами, вещь должна быть раскрыта как часть систем, в которые она входит, как совокупность всех ее действительных отношений. Только тогда будет по-настоящему понята индивидуальность и неповторимость данного явления, когда будет выяснено, а что же в нем составляет общее с другими явлениями и в каком направлении развивается вся система, к которой она принадлежит”.

Системность – явление сложное, многогранное, многоаспектное. У нее свои мировоззренческие и прикладные аспекты. Понимание всех этих аспектов оказалось принципиально важным для решения как теоретических, так и практических вопросов.

Существует несколько определений понятия системы, но постоянным остается то, что система представляет собой определенное множество взаимосвязанных элементов, образующих устойчивое единство и целостность, обладающих интегральными свойствами и закономерностями.

Неотъемлемым элементом любой системы является понятие структуры, где структура – “внутренняя организация целого, характер взаимоотношений между элементами”.

При определении понятия системы необходимо учитывать теснейшую взаимосвязь с понятиями целостности, структуры, связи, элемента, отношения, подсистемы, процесса и др. Поскольку понятие системы имеет чрезвычайно широкую область применения, то практически каждый объект может быть рассмотрен как система или подсистема системы более высокого порядка.

Исходя из этого, о толковых словарях (и в словарях вообще) можно говорить как о системе, обладающей определенной структурой, целостностью, единством, взаимосвязью элементов и т.д., которой свойственны “мировоззренческие, методологические и прикладные аспекты”.

На необходимость исследования субъективных моментов значения слов как элементов лексикографической системы неоднократно указывали многие ученые. Но субъективный момент по-разному интерпретировался разными учеными. Л.В.Щерба, например, указывал на необходимость выявления тончайших нюансов значения слова и фиксации их в словарях: “Слова в академическом или нормативном словаре – наоборот, служат для взаимопонимания членов определенного человеческого коллектива, составляют единую сложную ткань, единую систему, которая, к

сожалению, бывает очень плохо отражена, а то и вовсе не отражена в существующих словарях этого типа” [Щерба, 1974, с.20], а причина тому – в “неспособности выражать какие-либо оттенки мысли” [Щерба, 1974, с.277].

Создание словарей обусловлено социально. Перед составителями словарей каждый раз вставала проблема удовлетворения социальных, научных, культурных и др. потребностей общества... Каждый словарь явился этапом формирования картины мира, отражал знание человека о мире.

Таким образом, в толковых словарях, кроме объективной действительности, кроме информации, отражающей объективную картину мира, отразились субъективные моменты слова, т.е. уровень представлений, знаний о мире, отношений к миру.

К субъективным моментам значения слова в словарях относятся следующие элементы:

1) в предисловиях к словарям изложены основные цели и задачи словарей. Например: в предисловии к САР-1 так сформулированы цели и задачи: “Развеянное обилие языка славянорусского во множестве разных книг древних, так и новейших писателей, было главною причиною трудности в прямомъ нашего языка употреблении... Но сие самое обилие (слов) въ единый составъ приведенной, облегчить каждого трудъ (писателя, переводчика) въ познании точного смысла употребления языка..., откроетъ непосредственно правила к утверждению его нужных и послужить к приведению в совершенство всехъ наукъ словесныхъ...” [САР-1, ч.1, с.6]. В предисловии к словарю под ред. Д.Н.Ушакова имеется указание на то, что “после Октябрьской революции, когда с победой класса, формирующего свою новую пролетарскую интеллигенцию..., так расширился круг пользующихся письменной речью, нужда в толковом словаре русского языка, рассчитанном на широкого читателя, указывающем нормы употребления слов и близкой к современности, должна особенно живо ощущаться” [ТСУ, с.6].

2) в словаре отразилась идеология данной государственной системы в данную эпоху. Л.В.Щерба писал, что, работая над словарем, живя в социалистическом обществе, нельзя игнорировать тот факт, что существует буржуазное общество и это не может не отразиться в словаре.

Кроме этого, в толковом словаре (в САР-1, в частности) отразились субъективные моменты значения слова, в которых содержится информация о принадлежности составителей словаря

к определенному сословию. Так, все составители словарей САР-1 и САР-2 принадлежали к высокому, дворянскому сословию, что отразилось в толковании таких слов, как “император”, “государь”, “дворянин” и др. Также использованы пометы типа “безобразно”, “неблагопристойно”, “бесчестно”, которые характеризовали факт действительности с позиций социально-культурных воззрений дворянства. В подтверждение этому отметим, что в предисловии к словарю содержится следующая информация: (сложность составления словаря заключалась в том, что необходимо было) “...определять первообразный и точный смыслъ словъ..., отличать слова в сообществе благопристойныхъ людей слышимыя отъ словъ между простонародіемъ только употребляемыхъ...” [САР-1, т.2, с.5-6];

3) поскольку словарь был создан в определенную эпоху, то в словаре отразился исторический опыт и научное знание о мире на момент создания словаря. Таким образом, в содержании дефиниций отразились знания о мире – научная картина мира, и знание или незнание определенной информации (персонажей, в частности) свидетельствует об уровне просвещенности, о культурном уровне (см. анализ слов. статей “гроза”);

4) в словаре через систему помет отразились территориальные, социальные, национальные, культурные, профессиональные, религиозные и др. особенности функционирования слова;

5) в словаре отразились экспрессивные компоненты значения.

Поскольку слово (лексическая единица) обладает различными параметрами нормативно-социальной оценки, то социальная оценка “хорошо-плохо” представлена не только с помощью помет, т.е. за пределами нормы, но свойственна самой норме. Например, в значениях слов:

ДЕБЕЛЫЙ – (содержится компонент с оценкой “плохо”) – не в меру упитанный;

ГРАВИТЕЛЬ – (содержится компонент с оценкой “плохо”) – тот, кто похищает чужое добро и т.д.;

ТОЛПА – неорганизованное сборище людей; и т.д. (В связи с этим В.Н.Телия предлагает полную макрокомпонентную структуру значения слова и выделяет ее прагматические зоны:

- а) грамматический компонент;
- б) денотативный, собственно дескриптивный, макрокомпонент;
- в) оценочный макрокомпонент;
- г) мотивационный;
- д) эмотивный макрокомпонент;
- е) стилистические компоненты значения слова отразились в

иллюстративном материале, в котором содержится информация, указывающая на особенности применения, функционирования (см. анализ словарной статьи “баба”);

7) некоторые субъективные моменты значения слова не отразились в словарях. Так в словах:

- /1/ высокий - /2/ длинный;
- /1/ - полный - /2/ толстый (по отношению к человеку), в словах - 2 содержит отрицательная экспрессия по отношению (на фоне) к словам 1 и т.д.

Эволюция дефиниций представляется весьма важным фактором отражения субъективных моментов значения слова в словарях. Те изменения, которые претерпевает словарная статья (дефиниция), являются показателем изменения знания человека о природе факта.

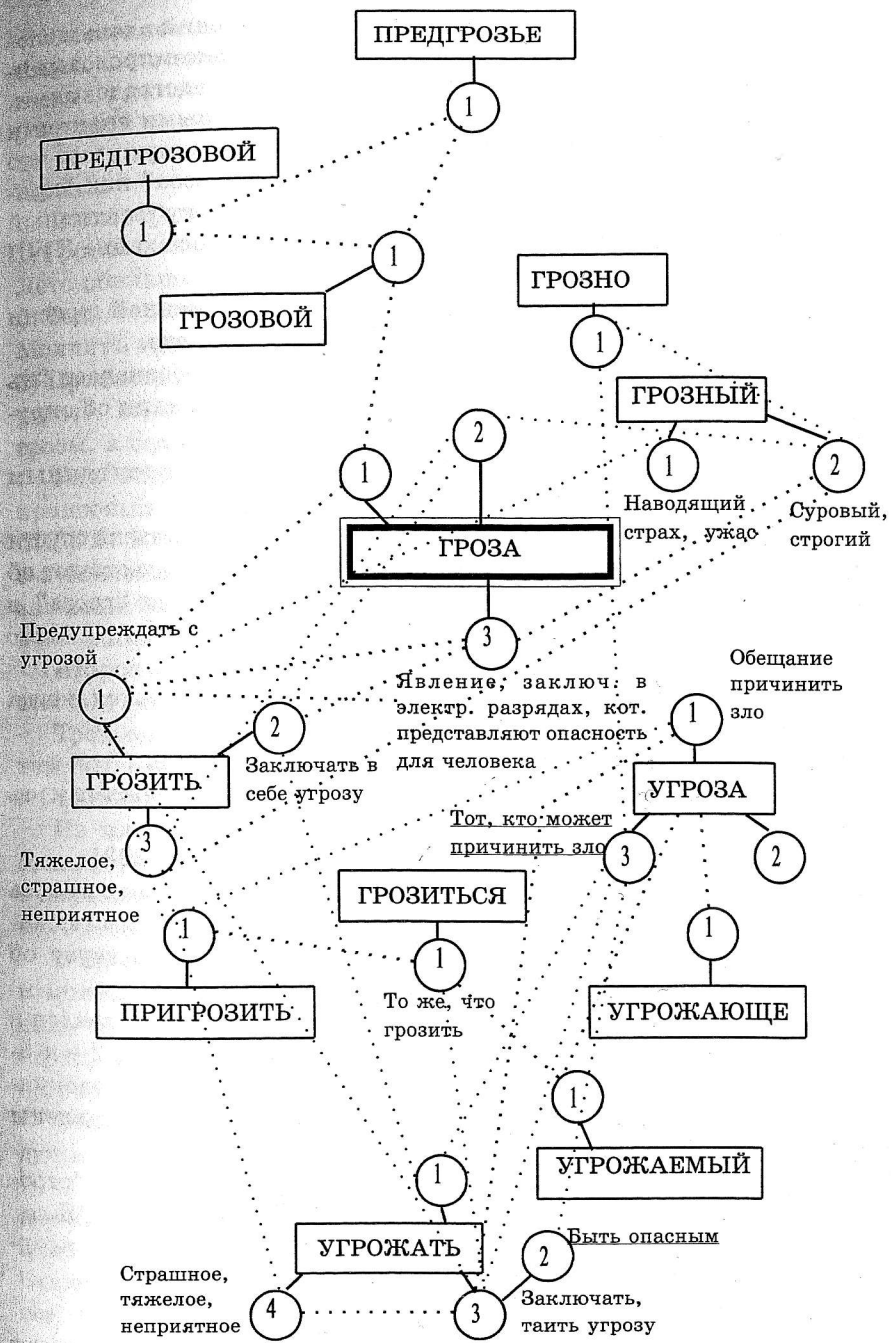
Субъективные моменты значения слова обнаруживаются при сопоставлении словарных статей и при тщательном анализе их. При сопоставительном анализе словарных статей обнаруживаются следующие формы отражения субъективных моментов значения слова:

- 1) изменение порядковости толкования значений;
- 2) изменения в использовании помет;
- 3) изменения содержания толкования слова (семантической структуры слова);
- 4) изменения в использовании иллюстративного материала.

Однако заметим, что учет эволюции дефиниций не только в словарях, но и при анализе произведений словесного искусства способствует выявлению актуализации одного из значений слова (речь идет о многозначном слове) в речи персонажа, дает в результате качественно новый анализ образа, персонажа и произведения словесного искусства в целом.

Исходным пунктом в исследовании динамики словарных статей возьмем толкование слова “гроза” в САР-1. В этом словаре слово “гроза” имеет следующую дефиницию:

- 1) Приближение опасности, беды, Яко зде стояще чрезь реку в грозе сей сотворимъ съ ними мирь...
- 2) Строгость. Дети портятся, если нетъ на нихъ грозы. Держать кого въ грозе.
- 3) Зри угроза...
- 4) *Громъ с молнією. Гроза наступаетъ. Гроза несколько часовъ продолжалась. Грозою убило человека...
- 5) Въ отношении къ лицу: человекъ строгий, содержащий другаго въ страхе. Гроза ваша идетъ... [САР-1, т.2, с.354].

Поскольку последовательность фиксации значений слова в слове представляет собой сложное явление социально-мировоззренческого, научного характера, которое связано с представлениями, ассоциациями, "внутренней формой" слова, научными знаниями об объективной действительности и т.д., то можно утверждать, что факт толкования в первом значении /1/ слова "гроза" как "приближение опасности, беды" представляет собой субъективный момент значения слова, т.е. понимание значения слова конца XVIII века.

Второе значение – "строгость" отражает в определенной степени социальные элементы взаимоотношения этого периода.

В 4-м значении использована помета, которая обозначает "въ смысле переносномъ", что информирует о представлении об окружающем мире.

Толкование слова "гроза" в САР-2 является идентичным толкованию в САР-1.

В словарной статье в СЦСРЯ, который был создан полвека спустя отразились определенные изменения, которые свидетельствуют об определенных изменениях в сознании народа. Слово "гроза" в СЦСРЯ толкуется следующим образом:

- 1) Стар. Опасность, беда...
- 2) Строгость, страхъ. Держать людей въ грозе. Дети портятся, когда нет на нихъ грозы.
- 3) *Строгий человекъ, содержащий другихъ въ страхе...
- 4) Угроза. Они учили Царю говорить сердито и невежливо, съ угрозами...
- 5) Громъ с молнією. Гроза наступаетъ. [СЦСРЯ, т.1, с.293].

Обратим внимание на то, что содержание 1-го значения осталось практически неизменным, но оно приобрело весьма важный показатель – помету "стар." ("старинное"), что свидетельствует об изменении в понимании народом факта действительности.

Второе значение приобрело компонент, который представлен в форме синонима к слову "строгость" – это слово "страх". 2-е и 5-е значение слова в САР-1 представлено в виде некоторой совокупности значений, т.е. в одном семантическом ряду представлены "строгость" и "страх".

В 3-м значении использована помета и определяется как "строгий человек"; что частично отражено во 2-м значении СЦСРЯ.

Слово "гроза" в 4-м значении в САР-1 СЦСРЯ в САР-1 представлено в 3-м значении.

Значение слова "громъ с молнією" перенесено с 4-го значения в САР-1 в 5-е значение в СЦСРЯ, но в данном случае присутствует весьма важный фактор – 5-е значение в СЦСРЯ утратило помету (*отенок значения) и выступает как самостоятельное значение, но пока представлено на периферии семантической структуры слова.

В словаре Я.К.Грота "гроза" толкуется как:

- 1) Громъ с молніей... Гроза разразилась в минуту отъезда нашего..., Лето обильное грозами...;
- 2) Беда, бедствие, опасность. Дойдетъ и къ намъ гроза опустошения. Молчить гроза военной непогоды...;
- 3) Предметъ, наводящий ужасъ: кара, наказаніе, каратель, гневъ, угроза, строгость. Могучий левъ, гроза лесовъ... Бойся богатого грозы, а бедного слезы... [Словарь Грота, с.910].

Как видим, в содержании словарной статьи слова "гроза" произошли существенные изменения по сравнению с САР-1 и СЦСРЯ. В 1-м значении слово "гроза" – это "громъ съ молніей". 5-е значение в СЦСРЯ в словаре Я.К.Грота представлено в 1-м значении без помет, что свидетельствует об определенном изменении в сознании народа и знании об окружающей действительности.

Второе значение – "беда, бедствие, опасность" в определенной степени синтезирует 1-е, 2-е значение в САР-1 и 1-е и 4-е в СЦСРЯ.

Третье значение – "предмет, наводящий ужас" информирует о том, что 1-е, 2-е, 3-е и 5-е значение в САР-1 и 1-е, 3-е и 4-е значения в СЦСРЯ интегрировали в 3-е значение в словаре Я.К.Грота.

Из пяти значений в САР-1 и СЦСРЯ значение слова "гроза" трансформировалось в три значения с существенными изменениями в значениях слова. А значение – "гром с молнией" "перекочевало" с 5-го значения в САР-1 на 1-е в словаре Я.К.Грота.

В словаре Д.Н.Ушакова "гроза" – 1) Бурное ненастье с громом и молнией. Г. застала нас в поле.//перен. чего. Разрушительная сила чего-н. (книжн.поэт.). 2) Существо или предмет, внушающий страх, ужас... 3) только ед. Суровое, устрашающее обращение, острастка (разг.) ... [ТСУ].

Отметим, что словарь Д.Н.Ушакова отражает следующий весьма существенный этап формирования значения слова.

В первом значении слово "гроза" толкуется не как "гром с молнией", а как "бурное ненастье с громом и молнией". Т.о., в центр, ядро значения перемещается "ненастье", вытесняя тем самым "гром с молнией" как ядерный элемент значения. К тому же в 1-м значении зафиксирован оттенок значения –

“разрушительная сила” с пометой “книжн. поэт.”, точка указывает на определенное отражение в сознании народа и фиксацию в литературе информации об окружающей действительности. 3-е значение – “существо, внушающее страх, ужас”. В 3-м значении зафиксирована помета “разг.”, что указывает на изменения функционирования слова.

В МАСе слово “гроза” – 1) Атмосферное явление, заключающееся в электрических разрядах между облаками или между облаком и земной поверхностью, сопровождаемых громом... // перен. Бурные события, потрясения... // перен. Сильные душевные потрясения, переживания... 2) Беда, опасность... // Бурное проявление своего недовольства, раздражения, гнева... 3) перен. Тот, кто внушает страх, наводит ужас...” [СРЯ, 1989].

Итак, только в МАСе впервые указана природа грозы как явления геофизического характера. Наличие такой информации свидетельствует о развитии науки, знаний природы явлений окружающего мира и т.д. А 1-е значение слова “гроза” в словаре Д.Н.Ушакова в МАСе представлено как оттенок 1-го значения. Наблюдаются существенные изменения в значении слова даже в более ограниченных хронологических рамках: между периодами создания САР-1 и словаря Я.К.Грота около ста лет, между созданием словаря Д.Н.Ушакова и МАСа около двадцати.

Таким образом, мы исследовали картину трансформации, динамики значения слова “гроза” от САР-1 до МАСа, и, как оказалось, в каждом словаре значения слова претерпевали определенные изменения. Такая трансформация, эволюция значений является следствием изменений (обогащения) знаний о мире и изменения отношения человека к миру.

Уместным будет отметить, что процесс изменения сознания народа, который отразился в словарях, нашел отражение и в художественной литературе.

Так, в драме А.Н.Островского “Гроза” Кабанова говорит: “Ведь от любви родители строги-то к вам бывают, от любви вас бранят-то, все думают добру научить... (Кабанова сыну): Ну какой ты муж? Посмотри ты на себя? Станет ли тебя жена бояться после этого? Тебя не станет бояться, меня и недавно. Какой порядок в доме будет?...”. Слово “Гроза” в данном высказывании Кабановой не употребляется, но мысли Кабановой отражают одно из значений слова в САР-1, т.е. “2. Строгость. Дети портятся, если нет на них грозы”. Тихон Кабанов в сцене прощания с Катериной говорит: “Да как знаю я теперича, что недели две грозы надо мной не

будет, кандалов этих на ногах нет...”. Следовательно, в представлении Тихона “гроза” – 5. В отношении к лицу: человек строгий, содержащий другого в страхе”.

В одной из сцен: “Катерина (с ужасом), – говорит, – Гроза! Побежали домой поскорее!

Варвара: Я не знала, что ты грозы боишься...

Катерина: Как, девушка, не бояться! Всякий должен бояться. Не то страшно, что убьет тебя, а то, что смерть тебя вдруг застанет, как ты есть со всеми грехами...” [Островский, 1973, с.251].

Так, в понимании Катерины “гроза” – это прежде всего “1. Приближение опасности, беды..., и 4. Громъ с молніей... Грозою убило человека...” в САР-1.

И, наконец, 4-е и 5-е в САР-1 и СЦСРЯ активизируется в диалоге Кулигина и Дикого.

Кулигин: ...Вот хоть бы теперь возьмем: у нас грозы частые, а не заведем мы громовых отводов.

Дикой: Да гроза-то что такое по-твоему, а? Ну говори!

Кулигин: Электричество.

Дикой: (топнув ногой) Какое еще там электричество! Ну как же ты не разбойник! Гроза то нам в наказание посылается, чтобы мы чувствовали, а ты хочешь шестами да рожнами какими-то, прости господи, бороняться...” [Островский, 1973, с.279-280].

Характеризуя данное явление, отметим, что человек как продукт своей эпохи является носителем сознания этой эпохи. Для эпохи Кабановой (поры ее молодости, ее формирования) был актуальным САР-1, а для Катерины – нового поколения – более актуален СЦСРЯ, т.е. уровень сознания, который отразился в СЦСРЯ. Таким образом, конфликт в драме “Гроза” между Катериной и Кабановой (“темным царством”) значительно шире – это конфликт между двумя типами сознания, двумя эпохами, двумя поколениями. Исследование этого конфликта возможно только с учетом информации, которая содержится в словарях, т.е. которая отражает не только состояние сознания народа в данную эпоху, но и динамику сознания, которую можно выявить, исследуя трансформацию значений в толковых словарях, в частности САР-1 – СЦСРЯ – Словарь Я.К.Грота.

Итак, как показал анализ динамики, эволюции дефиниций, каждой эпохе свойственно свое мировоззрение, которое отразилось в словарях. Динамика же есть отражение процесса сознания мира человеком, его отношения к миру, другими словами, в динамике отражаются субъективные моменты значения слова.

2. Отражение субъективных моментов значения слова в системе словарных помет

Важным фактором отражения и фиксации субъективности вообще и субъективных моментов значения слова в частности в словарях является наличие словарных помет. История становления системы словарных помет как элемента лексикографической системы берет свое начало с теории "О трех стилях" М.В.Ломоносова, в которых отразилась социальная и экспрессивная дифференциация лексических единиц. Именно эта теория была полностью учтена при создании первых академических словарей.

При создании Словаря церковно-славянского и русского языка эта теория была значительно развита, расширена, в данном словаре отразились пометы, указывающие на принадлежность (прикрепленность) слова к определенной культурной, профессиональной и социальной сфере.

Кроме этого, в СЦСРЯ лексические единицы характеризуются функционально-стилистической прикрепленностью. Но в виду того, что не существовало учения о языковой норме, все предыдущие, и словарь В.И.Даля в том числе, не были нормативными. Первым нормативным словарем стал Словарь под редакцией Я.К.Грота.

Возвращаясь к словарю В.И.Даля, отметим, что этот словарь, в отличие от всех предыдущих, был словарем живого, великорусского языка. Поэтому он был сориентирован на территориально-функциональную лексику. В предыдущих словарях территориальная характеристика слов не была представлена. В связи с этим в словаре В.И.Даля глубоко разработана система помет, характеризующая слово с точки зрения территориальной, социальной, профессиональной прикрепленности.

Необходимо отметить, что, кроме унифицированной общезыковой нормы, существуют определенные языковые нормы для каждой социальной, территориальной и др. сфер. С этой точки зрения словарь В.И.Даля отражает в определенной степени специфику языковой нормы для каждой из сфер.

Все лексикографические пометы (грамматические частично) содержат в себе информацию, указание на специфику функционирования по отношению к общезыковой норме. Функционально-стилистическая маркировка слов в словаре информирует о представленности слова в определенной сфере употребления.

В виду того, что система словарных помет была тщательно продумана, разработана и применена в словаре Я.К.Грота, можно считать, что именно с этого словаря начинается история

нормативных словарей. В словаре Я.К.Грота пометы группируются по определенным признакам, и важное место среди всех прочих занимают пометы, указывающие на состояние говорящего и на отношение его к предмету речи.

Таким образом, система словарных помет, разработанная и примененная в словаре Я.К.Грота, развивается, совершенствуется и успешно применяется в современной лексикографии.

Словарные пометы в словаре Я.К.Грота (и в современных словарях) можно сгруппировать по следующим признакам:

1) территориальные (т.е. пометы, указывающие на территориальную особенность функционирования слова):

- обл. - областное;
- датск. - датское; заимствованное из датского;
- моск. - московское;
- польск. - польское;
- донск. - донское;

2) профессиональные (т.е. пометы, указывающие на область промышленности, науки, экономики и т.д., в которой применяется данное слово);

- мор. - морское;
- социол. - социология;
- горн. - горное дело;
- ком. - коммерческое;
- арт. - артиллерийское;

3) социальные (т.е. пометы, указывающие на функционирование в определенной социальной сфере);

- арго. - арготическое;
- бурсацк. - бурсацкое;
- школьн. - школьное выражение;

4) культурные (культурно-национальные, пометы, указывающие на культурно-национальную особенность применения):

- евр. - еврейское;
- американск. - слово одного из языков американских индейцев;
- казак. - казацкое (также содержит в себе элементы социальной среды);

5) пометы, указывающие на эпоху, с которой они соотносятся:

- хр. э. - христианская эра;
- др.-греч. - древне-греческий;
- языч. - языческий;
- дореволюц. - дореволюционное;

6) религиозные (пометы, указывающие на применение в определенной религиозной среде):

- библи. - употребительное в Библии;
- церк. - церковное;

7) экспрессивные (пометы, указывающие на экспрессию лексических единиц устной и частично письменной речи):

- ласк. - ласкательное;
- бран. - бранное;
- грубо-прост. - грубо-просторечное;
- фам. - фамильярное;
- груб. шутка - грубая, неприличная шутка;

8) стилистические (пометы, указывающие на стилистическую особенность применения слова (в письменной речи)):

- канц. - канцелярское;
- книжн. - книжное;
- ритор. - риторическое;
- народн.-поэт. - народно-поэтическое;

9) определены оттенки значения и переносные значения слова (см.: Словарь Я.К.Грота).

Особое место в системе словарных помет занимают экспрессивные (экспрессивно-стилистические) пометы.

Экспрессивность (применительно к словарю), с точки зрения В.Н.Телия, - совокупность, продукт, выражение некоего итога, созданного целым рядом субъективно фиксированных и эмоционально окрашенных отношений субъекта речи к обозначаемому [см.: Человеческий фактор в языке, 1991, с.8].

Экспрессивно-стилистические единицы фиксируются на фоне экспрессивно-нейтральных слов.

Экспрессивность языковых единиц (субъективный момент) отражается в языке и фиксируется в словарях.

Все экспрессивные единицы (экспрессивно-стилистическая, маркированная лексика) имеют свою внутреннюю дифференциацию. Дифференциальным признаком, определяющим шкалу отношений (отношений к окружающему миру, психических состояний), является степень эмоциональной наполненности слова и "знак" ("плюс" или "минус"), которым "заряжена" конкретная лексическая единица. Точкой отсчета при такой дифференциации является нейтральная лексическая единица, которая представлена в словаре без пометы.

На экспрессивность лексических единиц было обращено внимание при составлении первых словарей. Так, в САР-1

использованы пометы "простонародное", "просторечие" - "среди простонародья токмо употребляемое". Такое выделение пометами слов, по утверждению Р.М.Цейтлин, обусловлено тем, что "в общей массе слова "простонародные" отличаются большей экспрессивностью, резкостью и грубостью сравнительно с просторечным, к которым относится разговорная лексика..." [Цейтлин, 1958, с.30].

В качестве шкалы отношений может быть рассмотрена экспрессивность с точки зрения отношения к миру (оценочный фактор - с позиций "хорошо-плохо") и с точки зрения определения интеллектуального и культурного уровня говорящего. Эти шкалы определяются полюсами: интеллигентность; беспристрастность отображения мира (отображение, сопровождающееся эмоциональными реакциями: выбор безразличной для манеры речи); выбор, индивидуализирующий речевое поведение субъекта речи; количественная или качественная норма, характерная для картины мира языкового коллектива (отклонение от этой нормы; безобразная // ассоциативно-образная номинация) в той или иной степени её прозрачности для восприятия.

Т.Г.Винокур предлагает свою шкалу стилевых окрасок. Уместным будет отметить, что со времени выхода в свет книги Ш.Балли "Французская стилистика" экспрессивность рассматривается как стилистическая проблема. Согласно точке зрения Т.Г.Винокур, шкала стилевых окрасок выглядит следующим образом:

"грубость - фамильярность - интимность";
"возвышенная торжественность - деловая официальность";
"порицание - возмущение - негодование";
"радость - веселье - ликование" и т.д. [см.: Человеческий фактор в языке, 1991, с.23-24].

Ю.Д.Апресян в связи с этим выделяет "прагматические" и "стилистические" пометы, к которым относятся такие, как вежл(ивое), вульг(арное), груб(ое), презр(ительное) и т.д., а шут(ливое) и иронич(еское) характеризует эмоциональный тон речи [см.: Человеческий фактор в языке, 1991, с.23-28].

Т.А.Графова, кроме "прагматически ориентированной информации - презр., пренебр., и др., указывает на то, что составляющее семантическое содержание эмотивных помет представляет собой многоаспектную ситуацию, появление которой предполагает одно-временное взаимодействие разноплановых, но взаимообусловленных параметров - компонентов. В этом плане Т.А.Графова выделяет: 1) ролевой, связанный с представителем X тем, что он выше Y по морально-нравственному или социально-статусному аспекту;

2) ценностный, связанный со значимостью для X нарушаемых норм межличностных или социальных отношений;

3) эмоциональный, варьирующий в широком диапазоне (раздражение, злость, возмущение, гнев и т.д.) и представляющий собой эмоциональное состояние, лежащее в основе более сложного по своему характеру эмоционально-оценочного отношения [см.: Графова, 1986, с.15-151].

Словарно-оценочные пометы, считает Н.А.Лукьянова, являются одним из способов лексикографического описания коннотативного компонента значения экспрессивных лексических единиц. Эмоционально-оценочные пометы относятся к разряду стилистических помет, поскольку характеризуются одновременно и функционально-стилистической прикрепленностью [см.: Человеческий фактор в языке, 1991, с.163].

В.Н.Телия предлагает следующую шкалу дифференциации словарно-оценочных помет:

а) к первой группе относятся слова, вызывающие социально-положительные эмоции, чувства: жалость, сострадание, сочувствие, соболезнование, одобрение, радость и т.д.;

б) слова, вызывающие социально-негативные эмоции, чувства: досада, недовольство, огорчение, возмущение, негодование, гнев, раздражение, злость, ожесточение и т.д.

В связи с этим экспрессивы, выражающие позитивные эмоциональные оценки, маркируются следующими пометами:

1) собственно оценочными, указывающими на то, что соответствующая эмоциональная оценка заключена в значении лексемы: ласковое, ласкательное, почтительное, уважительное, вежливое, ласкательно-снисходительное и т.д.;

2) соответственно оценочными: неодобрительное, пренебрежительное, презрительное, насмешливое, осудительное, бранное, грубое, грубопросторечное, уничижительное, порицательное, осудительное, фамильярное, ругательное, презрительно-уничижительное, прерзительно-бранное;

3) размерно-оценочными: уменьшительно-ласкательное, уменьшительно-уничижительное, уменьшительно-пренебрежительное и т.д.

Как показывают исследования, взгляды на проблему отражения в словарях эмоционально-экспрессивной лексики не совпадают. В.И.Шаховский по этому поводу пишет, что некоторая неопределенность эмотивной информации в лексикографическом описании является в данном случае следствием неразработанности шкалы

эмоциональных состояний не только в лингвистике и семасиологии, но и в психологии и физиопсихологии [Шаховский, 1987, с.155].

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что эмоционально-экспрессивная лексика является неотъемлемой частью системы словаря. Так в словарях САР-1 и САР-2 словарные пометы, указывающие на экспрессию, широко представлены. Например: **женишца** – сл. уничижительное; то же, что въ просторечии женка; **дѣвчина** – простонародное, низкое, то же, что дѣвка; **образина** – увелич. простонародное. Лицо большого оклада, непригоже, дурное и т.д.

Поскольку система помет в СЦСРЯ была значительно разработана и расширена по сравнению с первыми словарями, особенно в словаре Я.К.Грота, то слово получило более точное описание с точки зрения экспрессивности. Характерно то, что во всех словарях, особенно в словаре Я.К.Грота и во всех последующих толковых словарях, использовано сразу несколько помет для характеристики одного из значений или оттенка значения слова. Например: **докуда** – нар. простореч. До которого мѣста, до котораго времени?; **дѣдко** – простонар. 1. ласк. отъ слова дедъ; **буркалы** – простореч., бран. Глаза; **бурса** – устар., презр. Духовное училище, семинария...; **вскипятиться** – разг., фам. Прийти в ярость...; **бабник** – разг. презр. Любитель ухаживать за женщинами; **балбес** – разг. през. Рослый, бестолковый и рассеянный молодой человек...; **балда** – 3. прост. бран. Бестолковый глупый человек и т.д.

Несмотря на разногласия по поводу определения групп помет, на то, что по-разному представлена идея маркировки слов в разных лексикографических теориях, в которой создается словарь, на специфику целей, которые преследовали составители словаря (т.е. на специфику эпохи, в которой создается словарь; идеологию словаря и т.д.), можно однозначно утверждать, что словарные пометы, эмоционально-экспрессивные в частности, отражают (фиксируют) мир человека (субъекта), его взгляды, духовное состояние, его отношение к миру. Дефиниции с их смысло-содержательной наполненностью, с эмоционально-экспрессивным потенциалом не существуют сами по себе, а отражают сложный и противоречивый мир человека. Словарные пометы, эмоционально-экспрессивные в частности, являются субъективными моментами значения слова, т.е. "...теми компонентами, которые дают сведения о личности

субъекта речи – о его отношении к окружающему миру, о принадлежности к определенной культурной, профессиональной или территориальной среде”. Субъективные моменты значения слова в словаре, с нашей точки зрения, включают такие компоненты, как коннотация, прагматика, ценностный, оценочный, ролевой, эмоциональный компоненты, стилевые окраски и др., к которым отнесены, в частности, эмоционально-экспрессивные пометы.

3. Иллюстративный материал как форма отражения субъективности в словарях.

Одним из важных факторов отражения субъективных моментов значения слова в словарях, как было отмечено выше, является иллюстративный материал.

О проблеме использования иллюстративного материала в словарях Л.В.Щерба писал: “Важно показать... те реальные значения слова, из которых вытекает его употребление в языке. Слово многогранно, и эта многогранность может быть показана на употреблении слова, может быть раскрыта путем подбора хороших соответствующих примеров” [Истрина, 1951, с.86].

Проблема использования иллюстративного материала связана с широким кругом вопросов структуры, объема, содержания и границ понятия. Иллюстративный материал призван подтверждать толкование и отражать специфику употребления слова.

Кроме объективной информации, которая отражается в иллюстративном материале, в нем обнаруживаются и субъективные моменты значения слова. Субъективными моментами значения слова в иллюстративном материале можно считать “информацию о субъекте речи, о его отношении к окружающему миру и принадлежности к определенной среде” [Рудяков, 1988, с.142].

В качестве иллюстративного материала в словарях используются примеры из художественной литературы, наиболее употребительные обороты, наиболее яркие фразеологические единицы, в состав которых входит конкретное слово.

Таким образом, толковый словарь посредством иллюстративного материала отражает определенные закономерности употребления слова, характерную специфику словесного (контекстуального) употребления.

Специфика употребления в словарной статье иллюстративного материала делится на два типа:

- 1) иллюстративный материал, который выражает широкоупотребительные формы, утвердившиеся в народном сознании;
- 2) иллюстративный материал, который отражает индивидуальный факт употребления данного слова.

В словарной практике зачастую используются несколько примеров в качестве иллюстративного материала в толковании одного понятия. Объясняется это многовариантностью употребления слова и необходимостью отразить самые характерные из них.

Для анализа возьмем иллюстративный материал к слову “баба” и проследим, как в толковых словарях (в иллюстративном материале) отразились субъективные моменты значения слова.

Так, в САР-1, САР-2 и Словаре церковно-славянского и русского языка в качестве иллюстративного материала использованы тексты летописей, переводов церковной литературы, а также наиболее употребительные формы живого языка. Так, в САР-1 слово “баба” в 1-м значении – “мать отцова или материна” – содержится информация о степени родства, – “воспоминание приемля о сущей в тебе нелицемерной вѣрѣ, я же вселися въ бабу твою Люду”.

В 3-м значении содержится информация о том, что “въ общенародном употреблении значить вообще женщину низкаго состояния” – пример, – “баба крестьянская”. В данном иллюстративном материале содержится информация, указывающая на социальное положение – “крестьянская”.

В словаре церковно-славянского и русского языка во 2-м значении с пометой “церк.” – “повивальная бабка”. – “Рече царь Египетскій бабамъ Еврейским...”, – егда бабите Евреаныннам”. – содержится информация о роде занятий – “бабить” – принимать новорожденных.

В словаре В.И.Даля в иллюстративном материале широко представлена информация об отношении к “бабе”, социальном положении и умственных качествах, о ее положении в обществе по отношению к мужчине; о том, что баба преимущественно жительница деревни; о ее хозяйственных качествах и т.д. Например: “у бабы волосъ дологъ, умъ коротокъ; бабы умы разоряют дома; где чертъ не сладить, туда бабу пошлетъ; приехала баба из города, привезла новостей три короба; баба плачить, да кто ей верить? курица не птица, баба не человекъ; встреча бабы с пустыми ведрами – къ неудаче” [Даль, с.32-33].

В 3-м значении слова “баба” в словаре В.И.Даля – “жена” содержится важная информация (комментарий автора), указывающая на отношение мужа к жене: “...крестьянин редко назовет въ

глаза свою жену разве хозяйкою. Бабу бей что молотом, сделаешь золотом. Собака умней бабы – на хозяина не лаесть. Бабе волю дать – не унять. Мужикъ безъ бабы пуще малых деток сирота...” [Даль, с.32-33]. Т.о., в словаре В.И.Даля (в иллюстративном материале) отразилось не только народное понимание значения слова, но и специфика употребления, формы употребления, фразеологизмы и т.д. В иллюстративном материале содержится информация об отношении к женщине, положении в обществе и др. субъективные моменты значения слова.

В словаре Я.К.Грота в качестве иллюстративного материала широко использованы материалы художественной литературы. Так, в 1-м значении слово “баба” – народное название замужней женщины вообще, иллюстративный материал к этому толкованию отсутствует.

Во 2-м значении – “Замужняя женщина низшаго сословія. Бранятся бабы, кучера. Евг. Онегин”.

В 4-м значении “вообще женщина в несколько презрительномъ смысле. Чертъ ли сладить съ бабой гневной. Пушк. Ск. о м. цар.” [Грот, с.88-89].

В толковании слова “баба” в Словаре Я.К.Грота представлен переносный смысл – “мужчина съ слабымъ и нерешительнымъ характеромъ”; – иллюстрации нет.

В словаре под. ред. Д.Н.Ушакова в 1-м значении слово “баба” – “в устах господ (прежде) и крестьянском быту – замужняя крестьянка ... Долго не мог распознать какого пола была фигура – баба или мужик.” На фоне слова “мужик” в слове “баба” содержится информация о социальном статусе женщины – “бабы”.

В 3-м значении “баба” – “вообще женщина (разг. вульг.) – Вздорная баба. Здоровенная баба” содержится информация о характере поведения;

2) увеличительно-уничжительная характеристика и т.д. Т.о., примеры (иллюстративный материал) отражает определенный стереотип, закрепленный в сознании народа. Это стереотип понимания и отношения народа к факту действительности.

В МАСе 3-е значение слова “баба” – “прост., обычно пренебр. Женщина вообще”. Здесь использована в качестве иллюстративного материала цитата из романа И.С.Тургенева “Отцы и дети”: “Базаров также обратил внимание на Одинцову. Что это за фигура? – проговорил он. На остальных баб не похожа”. Анализируя данную цитату, можно говорить об отрицательном отношении Базарова к Одинцовой, поскольку применительно к ней (Одинцовой)

употреблены слова “фигура” и “баба”, в значении которых содержится отрицательная экспрессия, а во-вторых, учитывая социальное положение Одинцовой, которая принадлежала к дворянскому сословию, к ней слово “баба” по социальным и языковым нормам XIX века было неприменимо, поскольку “баба” – “женщина-крестьянка” и “женщина низкого сословія” и т.д.

Кроме объективной информации о слове и субъективных моментах значения слова, которая содержится в иллюстративном материале словарной статьи (т.е. информации о субъекте речи, о его отношении к миру, а также о его культурной, социальной и др. принадлежности), в иллюстративном материале словаря содержится информация идеологического, мировоззренческого, культурного, религиозного и др. характера.

Например:

иммунитет – 2. Изъятие кого-н. из-под действия некоторых законов.

Хотя в буржуазных странах члены парламента, пользуясь иммунитетом, не могут быть арестованы, депутатов-коммунистов все-таки часто арестовывают [ТСУ];

индустриальный – ... Из страны аграрной он (СССР) стал страной индустриальной. СТЛ (Сталин) [ТСУ];

Кризис – ... нынешний экономический кризис разворачивается на базе общего кризиса, возникшего в период империалистической войны, подтачивающего устой капитализма [ТСУ];

Рабство – 2. Состояние, положение раба... Нет больше в нашей стране тяжелого и унижительного рабства трудящихся, подневольного труда на капиталистов и помещиков и т.д. [ТСУ].

Таким образом, мы попытались рассмотреть специфику отражения субъективных моментов значения слова в иллюстративном материале толковых словарей.

На основании наших исследований можно сделать вывод, что в словарях, кроме динамики значений и системы помет, иллюстративный материал также отражает субъективные моменты значения слова.

Как показали исследования, в иллюстративном материале отражился широкий спектр субъективных моментов значения слова, который является неотъемлемым элементом системы и структуры словаря.

Можно предположить, что в виду исторической специфики нынешнего времени некоторые дефиниции в толковых словарях будут изменены. Будет изменен, очевидно, и иллюстративный

материал, который будет отражать объективную действительность конца XX века.

4. Отражение субъективности в словарях современных славянских языков.

Как было отмечено выше, субъективные моменты значения слова являются неотъемлемым элементом системы словарей. На материале анализа словарных статей мы попытались исследовать и описать формы отражения субъективных значений слова в словарях. С этой точки зрения словари современных славянских языков представляют несомненный интерес.

Субъективные моменты значения слова в словарях современных славянских языков представлены широко и многоаспектно. В данном разделе предлагается анализ аспектов отражения субъективных моментов значения слова в словарях – это фиксация субъективных моментов значения слова в словарях с помощью помет и в толкованиях слова.

В качестве материала исследования взяты толковые словари и двуязычные переводные словари современных славянских языков. Двуязычные словари представляют особый интерес в плане исследования этой проблемы.

В лексикографических работах (в толковых словарях, академических словарях, двуязычных переводных словарях) отражаются субъективные моменты значения слова в форме системы помет, которую можно разбить на две группы:

а) пометы, отражающие отношение субъекта речи к определенной территориальной, профессиональной, культурной, социальной среде и др.;

б) пометы, отражающие отношение субъекта речи к окружающему миру и предмету речи.

Необходимо отметить, что существует группа помет, указывающих на принадлежность субъекта речи к определенной сфере, которые имеют место в словарях всех славянских языков, например: “geol.” – геология, “anat.” – анатомическое выражение, “elektr.” – электротехника, “biur.” – канцелярское слово, “cerk.” – церковное слово, “bud.” – строительное слово, “дит.” – детское слово, “жарг.” – жаргонное слово, “школ.” – школьное слово, “gw.” – областное слово и др.

Ко второй группе помет относятся экспрессивно-стилистические пометы. Например: “ласк.” – ласкательная форма, “ирон.” – ироническое слово, “фам.” – фамилярное слово, “iron.” – в ироническом смысле, “pojor.” – уничижительное слово, “pieszez.” – ласкательная форма, “pogard.” – презрительно, “шегов.” – шеговито – шутливое выражение и т.д.

Но наряду с “общеупотребительными” пометами, которые представлены во всех славянских словарях, существует ряд помет, которые встречаются только в словаре конкретного языка, что отражает специфику не только данного языка, но и культурно-историческую, мировоззренческую и др. специфику народа в целом. Например: “подигр.” – поддиривательно – насмешливое выражение – в словаре болгарского языка; “rzod.” – редкое слово, выражение, “zgt.” – увеличительная форма; “warz.” – выражение варшавского арго в словаре польского языка; “euf.” – эвфемизм; “lid.” – народное выражение; “noodh.” – неспециальное выражение; “nesov.” – слова, выражающие понятия и явления зарубежной действительности, “nespr.” – неправильное выражение; “ob.” – выражение обиходно-разговорного чешского языка; “pohad.” – сказочное; “pedrev.” – слова и выражения, употреблявшиеся до Великой Октябрьской социалистической революции”, “trpny vuznam” – страдательное значение (страдательный залог глагола в толковых словарях представлен в иной форме) в словаре чешского языка; “зах.” – західно-українське слово; “уроч.” – урочисте слово” в словаре украинского языка и т.д.

Эти факты можно объяснить спецификой и уровнем развития лексикографии каждого языка, а также отсутствием на вооружении лексикографов теории отражения субъективных моментов значения слова в словарях и целями, которые преследуют составители словарей.

Субъективные моменты значения слова зафиксированы в толковых и двуязычных словарях. В толкованиях слов в разных словарях отражаются особенности понимания и толкования данного слова на данном этапе развития общества и языка. Экспрессивно-стилистические пометы широко представлены в толковых словарях славянских языков, но поскольку каждое общество (народ или этнос) предполагает свои социальные, морально-этические, нравственные и др. нормы поведения, то, следовательно, и в языке есть свои языковые нормы, характеризующие его (язык) с точки зрения функционирования. Например: “бомба ...З перен. розм. Дивовижна новина;

4. перен., жарт. прибл. Сила, клас" [СУМ, т.1, с.216];
 "духач" – 1. розм. Музикант, який грає на духовому інструменті" [СУМ, т.1, с.137];
 "вояж – уст., шутл. Вояжор" [Русско-белорусский словарь, 1953, с.72];
 "стерва – 1. падаля, уст. Падла,...
 2. перен., бран. Сцєрва" [Русско-белорусский словарь, 1953, с.661];
 "верицата (веритаца му!) – разг. Будь он проклят!" [Българско-русск. фразеологичен речник, 1974, с.71];
 "хохол – pot. (разговорное), przejst (устар.), zart (шутл.) Ukrainiec" [Большой русско-польский словарь, 1970, т.2, с.1392];
 "холоп" – 1. устар. В др. Руси лицо, находящееся в зависимости...
 2. устар. Крепостной слуга...
 3. в перен. знач. През. Прислужник..." [СРЯ, 1988];
 "холоп – 1. hist. (истор.) – poddany;
 2. przest. (крепостной слуга) sluga dworski;
 3. przen. (в перен. знач.) Ponbecznik (прислужник), slugus, pachotek" [Большой польско-русск. словарь, 1987].
 "бунтовать – 1. bourit (борьба), povstavat (восстание), протестовать protestovat, bourit se бушевать. hvor. Vztekat se, zurit, rabit.
 2. (народ) zast. (устарелое) obl. (областное), stvar, buntovat" [Русско-чешский словарь, 1978].

Таким образом, каждая конкретная дефиниция в толковом словаре и трансформация дефиниций в переводных словарях манифестирует с помощью помет и специфики толкования слова своеобразие видения мира, понимания объективной действительности каждым конкретным народом, другими словами, обнаруживаются субъективные моменты значения слова.

Русские реалии, не имеющие соответствия в польском языке, транслируются с соответствующими пояснениями. Например: "берданка – berdanka (Karabin), [Большой русск.-польск. словарь, 1970];

"кокошник – kokosznik (ozdobny kobiecy ubior glowy) - украшенный женский головной убор [Большой русск.-польск. словарь, 1970].

Польские эквиваленты русского слова или его значения располагаются в следующем порядке: сначала дается самый общий эквивалент, подходящий с более ограниченной сферой употребления. Например:

Волтовня – pot. (разговорное слово) gadanina, raplanina; gadanie (ср. легкий разговор) [Большой русск.-польск. словарь, 1970].

Таким образом, определяется иерархия значений слова в польском языке при переводе русского слова, обладающего определенной экспрессией.

При рассмотрении специфики отражения субъективных моментов значения слова отметим, что в украинском языке наблюдается более четкое размежевание литературного и нелитературного языков. В чешском же языке смягчено противопоставление литературности и нелитературности тем, что часть выражений разговорного нелитературного языка употребляется в разговорном варианте литературного языка.

Стилистическое расслоение современного литературного украинского языка по сравнению с чешским языком имеет свою специфику. В первую очередь, в украинском языке не существует лексического слоя разговорного нелитературного языка, свойственного чешскому языку; то, что в украинском языке принадлежит к разговорному стилю, не соответствует чешскому нелитературному разговорному языку. Лексика разговорная нелитературная (об.) чешского языка является стилистически более низкой по отношению к "украинскому разговорному". Украинское просторечие не соответствует разговорному нелитературному чешскому языку: разговорный нелитературный слой чешского языка стилистически несколько выше украинского "просторечия". В связи с этим стилистические слои разговорной литературной лексики в чешском и разговорном украинском не совпадают. Нижняя черта разговорности проходит немного ниже, чем нижняя черта разговорности литературного языка тех лексических элементов, которые в чешском языке принадлежат к категории разговорных нелитературных.

Таким образом, поскольку слова и выражения разговорного нелитературного чешского языка равноценных эквивалентов в украинском языке не имеют, то они сопровождаются соответствующей стилистической характеристикой, которая приводится за эквивалентом. Например:

"blazen" – 1. Божевильный, причинный: prep. (перен.) expr. ...

2. zast. (sasek.) блазень...

3. ob. (общеразговорное), expr., posetilec (посетитель), блазень, дупень, телепень; o zene (о жене) дурепа..." [Cesko-ukrajnsky slovník, 1988].

Исходя из этого, можно утверждать, что при сопоставлении чешского и украинского (или русского) обнаруживается специфика не только с точки зрения стилистического расслоения, но и с точки

зрения отражения субъективных моментов значения слова, менталитета, культуры (в широком и узком смысле слова) и т.д.

Итак, нами рассмотрены некоторые аспекты отражения субъективных моментов значения слова в словарях современных славянских языков, в результате чего были обнаружены следующие формы фиксации субъективных моментов значения слова в словарях:

1) как в толковых словарях русского языка, так и в толковых словарях современных славянских языков (в предисловиях) изложены основные цели и задачи словаря;

2) толковые словари славянских языков отражают знание о мире (т.е. составляют специфическую языковую картину мира конкретного народа, в которой отражаются: общественно-политическая, культурная, религиозная, географическая и др. особенности народа и языка, которую описывает конкретный словарь);

3) во всех словарях славянских языков широко представлены системы помет, которые указывают на специфику функционирования, применения каждого слова, экспрессивно-стилистическое своеобразие (эмоционально-экспрессивная наполненность слова). Все системы помет в словарях делятся на две группы:

а) пометы, которые представлены во всех или нескольких словарях современных славянских языков;

б) пометы, которые представлены только в одном (конкретном) языке;

4) каждый словарь характеризуется степенью отражения и разработки системы помет и спецификой маркировки слов. Так, в чешском словаре помета "exрг." охватывает около 30% лексич. материала, что свидетельствует о глубокой разработке проблемы экспрессивности в языке, степени и специфике экспрессивности каждого из значений слова и т.д.

Таким образом, исследуя субъективные моменты значения слова на материале словарей современных славянских языков, мы выявили новый аспект отражения субъективности в словарях. Последние опыты проводились в синхронии. Очевидно, что диахронический аспект содержит более глубокую информацию о субъективных моментах значения слова в словарях современных славянских языков.

Одной из форм выражения субъективности в языке является фиксация субъективности в системе толковых словарей. В процессе исследований обнаружилось, что, помимо толкования слова (буквального значения слова), в словарной статье (семантической

структуре слова) обнаруживаются субъективные моменты значения слова. То есть, кроме объективной информации об окружающем мире, реальной действительности, содержится информация о субъекте речи. Эту информацию и назовем субъективностью в словарях.

Информация о субъекте речи обнаруживается не только в словарной статье, но и в системе словарных помет, иллюстративном материале.

Примечательным с точки зрения фиксации субъективности в системе словарей является факт эволюции дефиниции.

Как показали исследования, в основе изменений толкования слова лежит развитие общества и познание человеком окружающего мира. В изменении содержания словарных статей обнаруживаются субъективные моменты значения слова.

Если учитывать изменение содержания словарных статей при анализе художественных произведений, то раскрывается возможность новой интерпретации произведений словесного искусства. Так, на материале драмы "Гроза" была продемонстрирована специфика понимания факта объективной действительности и отношения к нему персонажей.

Другим важным моментом отражения субъективности в словарях является субъективность, которая обнаруживается при сопоставлении толковых словарей современных славянских языков, а также при анализе двуязычных словарей. В процессе исследований были обнаружены языковые явления, которые отражают субъективность на уровне этноса. Так, первым фактом обнаружения субъективности являются различия в системе словарных помет; вторым – специфика толкования слова в каждом языке.

Таким образом, говоря о субъективности в системе словарей, можно утверждать, что субъективность есть неотъемлемый элемент каждого словаря, поскольку каждый словарь отражает свою эпоху, свое мировоззрение. Не вызывает сомнения и тот факт, что современная эпоха (эпоха последних десятилетий XX века) внесет существенные изменения в толкования многих слов, что с точки зрения фиксации субъективности в словарях будет представлять определенную научную проблему и интерес.

Дальнейшая научная разработка проблемы отражения субъективности в словарях и применение в лексикографической практике откроет новые перспективы как в лексикографии, так и в интерпретации художественного текста.

Глава третья.
Субъективность как элемент структуры модели
“языковой картины мира”.

*“Путник по середине луга,
куда бы он ни кинул взор,
всегда пребудет в центре круга
и будет замкнут кругозор.”
К.И.Чуковский.*

*“...лингвистика, последовавшая за Соссюром, впала в другую
крайность (по сравнению с языкознанием XIX в.) – она
потеряла говорящего человека”.
Л.В.Сахарный.*

В первых главах была осуществлена попытка систематизировать и описать субъективность как языковую категорию. Но среди концепций, развивающих идею “субъективного” характера языка, видное место занимает теория лингвистической относительности Сэпира-Уорфа, которая строилась на идеях В. ф. Гумбольдта. “Мир, – утверждает Сэпир, – в котором живут говорящие на разных языках, представляет собой разные миры..., только язык служит руководством к восприятию социальной действительности” [см.: Колшанский, 1990, с. 71].

В лингвистических и логико-философских течениях XX века в связи с развитием системного подхода во всех областях познания по-разному освещалась проблема субъективного в языке, но все теории и концепции так или иначе связывались с проблемой картины мира.

Наряду с описанием “физической”, “химической”, “ядерной” и др. картин мира “языковая картина мира” занимает особое место в виду неразрывной связи с проблемой “отражения” и с проблемой универсальности “языковой картины мира”. Объясняется эта специфика “незеркальностью” языкового отражения объективной действительности (“незеркальностью” отражения предмета в понятии). В связи с этим ученые по-разному решают сложную и

многоплановую проблему соотносительности мира вещей и мира отражающих их понятий.

“Подлинная сложность “отражения”, – утверждает Г.В.Колшанский, – исключает возможность прямого “наложения” системы понятий на систему предметов и явлений реального мира [Колшанский, 1975, с.175]. В связи со “сложностью и многоплановостью” проблемы отражения в языке “объективной картины мира” был выдвинут тезис о невозможности построения “модели мира”. Но наряду с этим существуют противоположные мнения, в которых утверждается точка зрения о возможности построения “лингвистической модели мира”. Так, В.А.Звегинцев пишет, что процесс познания – это деятельность мысли на построение (в сознании) модели мира, данного в опыте. Язык при этом – в деятельности общения – объективизирует эту модель, делая ее основой общения. Смысловое содержание возникает как результат мыслительного акта, посредством которого человек ставит ту или иную “вещь” в связь со своей внутренней моделью, а через посредство языка – с внутренними моделями других людей. Так возникает лингвистическая модель мира, засвидетельствованная тем или иным языком [Колшанский, 1975, с.176].

Руководствуясь этим положением, мы осуществим попытку моделирования “языковой картины мира”.

1. Плоскостной вариант решения проблемы.

Компонентный анализ является важным этапом моделирования языковой картины мира.

Основным средством изображения модели языковой картины мира является таблица или матрица. Лингвистическая таблица или матрица, – утверждает Ю.С.Степанов, – есть изображение на плоскости соотношения каких-либо множеств объектов. Так как плоскость двумерна, то матрица строится на двоичном основании, и описываемых с ее помощью множеств тоже два. Элементы одного множества символизируются отметками по вертикальной оси, другие по горизонтальной. И.А.Бодуэн де Куртене утверждал, что “два” является числом высокого напряжения, поддерживаемого постоянно напоминающей о себе действительностью, парностью и противоположностью как в физическом, так и общественном и индивидуально-психологическом мире [см.: Соколовская, 1993, с.41]. Ж.П.Соколовская считает, что таблица, матрица позволяет дать в наглядном, графическом представлении две основные

особенности структуры: ее целостность, которая определяет “рамки”, границы соответствующей системы и иерархию отношений между единицами системы в рамках, границах этого целого [Соколовская, 1993, с.41-42].

Таблица или матрица как средство моделирования позволяет в пределах обозримого пространства представить сложное, многоплановое языковое явление – семантическую структуру слова в частности или лексико-семантическую систему как цельное образование.

Первым этапом моделирования языковой картины мира является таблица №1 (по Соколовской).

Данная таблица представляет собой “самые общие параметры семантических отношений в лексике, устанавливаемых на основе системы категорий и сфер бытия” [Соколовская, 1993, с.53].

Таблица №1 представляет “общую схему модели семантических отношений в лексике”.

бытие	сущий
пространство	пространство
время	временной
движение	движущийся
отдельное	отдельный
качества	качественный
количество	количественный
отношения	относящийся

“Наполнение” таблицы №1 представляет собой схему второго предметно-концептуального порядка, т.е. таблицу №2 [см.: Соколовская, 1993, с.66].

Уместным будет отметить, что таблица №2 представляет собой обобщенную схему, которая может быть “расшифрована” и “углублена”, детализирована в зависимости от проникновения в “глубины” семантики.

Если прибегнуть к “детализации” и “углублению” в семантические отношения и представить семантическое пространство как

один из возможных вариантов иерархии семантических объединений слов данного континуума, то схема наполнения 2-го предметно-концептуального порядка интегрирует в схему наполнения 3-го идеографического порядка [Соколовская, 1993, с.68].

Таким образом, схема наполнения “3-го идеографического порядка” развилась из плоскостной модели-матрицы №1 на основе более детального описания лексической семантики.

Исходя из сказанного, можно утверждать, что “картина мира” в виде совокупности представлений человека об окружающей его реальной действительности, в виде системности знания с категориями познания и сферами бытия как самыми общими параметрами входит в структуру лексико-семантической системы языка:

- во-первых, в виде “смыслового каркаса”, представленного в модели матрицей или таблицей;
- во-вторых, в виде “материалов наполнения первого, концептуального, и второго, предметно-концептуального, порядков”;
- в-третьих, в виде идеографической, семантической парадигмы или “материалов наполнения третьего, идеографического порядка” [см.: Соколовская, 1993, с.70].

“Сеть отношений” в структуре лексико-семантической системы представляет собой сложную иерархическую упорядоченность со сложным многоступенчатым, многоярусным устройством, в основе которого лежит “смысловой каркас”, но по-прежнему эта сеть отношений представляет собой плоскостное решение проблемы.

Следующим этапом описания “картины мира” и проникновения в “глубины” семантической структуры слова будет компонентный анализ. Компонентный анализ есть рефлексия, поиск кирпичиков, элементарных слагаемых сложной сети семантических отношений на основе проникновения в суть диалектических соотношений “единицы” и “структуры”, “части” и “целого” и т.д.

Для дальнейших исследований необходимо ввести понятия “семантической структуры слова”, “лексемы”, “семемы”, “семы”.

В современной лингвистике есть целый ряд исследований, в которых подробно описывается семантическая структура слова. В первую очередь необходимо выделить работы таких исследователей, как Л.В.Васильев, В.Г.Гак, Г.Г.Ивлева, С.Д.Кацнельсон, Н.Г.Комлев, Э.В.Кузнецова, Ю.В.Рождественский, Ж.П.Соколовская, А.А.Уфимцева, Д.Н.Шмелев.

В исследованиях по семантике лексическое значение слова трактуется по-разному. В связи с этим выделяются разные виды значений: структурное (отношение между знаками), сигнифика-

тивное, или семантическое (отношение знаков к сигнификатам, то есть к выражаемым мыслям), денотативное (отношение знаков к денотатам, к обозначаемым явлениям и предметам), прагматическое (отношение знаков к внеязыковой реакции, вызываемой этим знаком) [Соколовская, 1979, с.3]. Таким образом, лексическое значение слова представляет собой сложное явление, включающее несколько составляющих, представляющее собой специфическую структуру [Соколовская, 1979, с.4]. Сложность этого явления заключается в том, что “значение слова выступает как диалектическое единство языкового и внеязыкового содержания. Будучи прикреплено к определенному звуковому комплексу, оно вместе с ним образует слово, являющееся единицей языка и в качестве таковой связанное фонетически, грамматически и синтаксически с другими словами. Будучи отображением каких-то явлений внеязыковой действительности (в том числе, конечно, и психической жизни человека), оно включает в себя понятие об этих явлениях, которое представляет его “внутренний стержень” [Шмелев, 1964, с.75].

В зависимости от того, что является предметом рассмотрения, “структура слова как единства всех его значений и грамматических форм” или “структура каждого отдельного значения” [Соколовская, 1979, с.5], в семантике принято разграничение терминов: лексема – многозначное слово; семема (или лексико-семантический вариант) – отдельное значение лексемы. Кроме этого, выделяется понятие “сема” – элементарный компонент смысла.

Семантическая структура слова по-разному рассматривается исследователями. В нашем исследовании мы принимаем точку зрения, согласно которой “за одним и тем же словом может быть закреплено не одно, а несколько взаимосвязанных и определенным образом ограниченных значений” [Шмелев, 1964, с.82]. При этом имеется в виду, что отдельные компоненты лексемы, ее семемы, не сводимы к “общему значению” [Туркина, 1977, с.3], таким образом, каждое значение лексемы включает в себе денотат (обозначаемое – предмет, явление – экстралингвистический элемент, на который указывает слово) и сигнификат (означаемое – понятие, выраженное в слове), но все эти “значения многозначного слова объединяются в семантическое единство... на основе общих семантических ассоциаций (метафора, метонимия, функциональная общность)” [Шмелев, 1964, с.94], все эти значения заключают в себе один или несколько семантических признаков (сем), благодаря которым семема принадлежит к одной и только к одной

лексеме. “Лексема, то есть слово как единое целое, в совокупности всех его форм и значений, является основной единицей лексического уровня языка” [Общее языкознание: Внутренняя структура языка, 1972, с.412]. Основной предельной единицей лексико-семантического яруса является семема, или лексико-семантический вариант [Соколовская, 1979, с.5], равный по содержанию отдельному значению слова [Общее языкознание: Внутренняя структура языка, 1972, с.412]. Семема, будучи предельной единицей лексико-семантического яруса на синтагматической оси, не является простейшей при парадигматическом сопоставлении с другими семемами. Она представляет собой структуру и включает ряд компонентов. Компонентами семантической структуры семемы являются: предметно-логическая часть; грамматическая оформленность значения, эмоционально-экспрессивная окраска – “...не окраска слова как звукового комплекса, а та призма, сквозь которую воспринимается “смысл”, связанный с данным звуковым комплексом” [Шмелев, 1964, с.111]; “оттенок значения”, соотносящийся не с понятием (сигнификатом), а с ассоциациями, закрепленными за словом; лексическая и семантическая сочетаемость или семантическая мотивированность словарных связей, проявляющаяся в том, что смысл зависимого слова в словосочетании становится элементом основного слова [Соколовская, 1979, с.6-7]. При анализе художественного произведения или при моделировании языковой картины мира следует уделить особое внимание предметно-логической части как важнейшему компоненту лексического значения.

Уместным будет отметить, что феномен иерархии семем внутри лексемы, как и иерархия сем внутри семемы основывается на мировоззренческой специфике словаря, на знании человека о мире.

На основе категорий познания и сфер бытия Ж.П.Соколовской предложена иерархия, парадигма сем: а) родосемы – Р – соотносимые с категориями познания (восемь родосем: “бытие”, “пространство” и т.д.); б) видосемы первого порядка – В1 (семы, соотносимые с основными моментами содержания категорий познания); в) видосемы второго порядка – В2 (семы, соотносимые с моментами дальнейшего членения содержания каждого из широких понятий); г) видосемы третьего порядка – В3 (соотносимые с дальнейшим членением каждого из моментов содержания широких понятий на понятия); д) видосемы четвертого порядка – В4 (семы, соотносимые с выделением в каждом из понятий каждого широкого понятия) [Соколовская, 1993, с.100-101].

Компонентный анализ предполагает “описание участка семантического континуума – общей семей”.

Ж.П.Соколовская обращает внимание на то, что принципиально важным для принятия предполагаемой модели, для осмысления ее места в общей структуре лексико-семантической системы является положение о том, что общая схема (табл. 1) и схемы наполнения 2-го и 3-го порядков (табл. 2 и 3) не навязывают совокупности слов данного языка, а восстанавливаются из словарных формулировок существующих словарей [Соколовская, 1993, с.102].

Еще одним важным моментом описания семантической структуры является определение многозначности и разрешение ее в том случае, если в семемах представлены семы (хотя бы одна), которые являются общими для всех семем, т.е. представлен общий семантический компонент.

В связи с этим выделяют шесть типов семантической структуры лексемы:

- 1) предметно-понятийно-пресупозитивный;
 - 2) пресупозитивно-ассоциативный;
 - 3) образно-ассоциативный;
 - 4) ассоциативно-экспрессивный;
 - 5) ассоциативно-этимологический;
 - 6) комбинированный, или синтетический
- [Соколовская, 1993, с.113-130].

Для того чтобы представить семантическую структуру лексемы и соотнести ее с “картиной мира”, предлагается рассмотрение структуры многозначного слова “гроза” и определение общих сем для всех семем. Слово “гроза” в “Словаре русского языка” под ред. Евгеньевой представлено следующим образом:

Гроза, – ы, ж. 1. Атмосферное явление, заключающееся в электрических разрядах между облаками или между облаком и земной поверхностью (молния), сопровождаемое громом. Сильный ветер внезапно загудел в вышине, деревья забушевали, крупные капли дождя резко застучали, зашлепали по листьям, сверкнула молния, и гроза разразилась. Тургенев, Бирюк. Люблю грозу в начале мая, Когда весенний первый гром, Как бы резвясь или играя, Грохочет в небе голубом. Тютчев, Весенняя гроза. // перен. Бурные события, потрясения. Военная гроза. (Шуйский): Весть важная и если до народа Она дойдет, то быть грозе великой. Пушкин, Борис Годунов. // перен. Сильные душевные потрясения, переживания. Боже мой, что слышалось в этом пении! Надежды, неясная боязнь гроз, самые

грозы, порывы счастья – все звучало, не в песне, а в ее голосе. И.Гончаров, Обломов.

2. Беда, опасность. Грозы не чуя между тем, Мазепа козни продолжает. Пушкин, Полтава. И Прошка тоже чувствовал грозу, нависшую над ним в Выселках. Короленко, Прохор и студенты. Бурное проявление своего недовольства, раздражения, гнева со стороны того, кто имеет над другим какую-н. власть, силу. Для того, чтобы прийти в школу, ему (взрослому) нужно преодолеть свой страх и дичливость, выдержать семейную грозу и насмешки товарищей. Л.Толстой, Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы. Тихон Павлович видел, что домашние боятся его и ждут грозы. М.Горький, Тоска.

3. перен.; кого-чего. Тот, кто (или то, что) внушает страх, наводит ужас. (Чуб) стиснул в руке кнут – страх и грозу докучливых собак. Гоголь, Ночь перед рождеством. – Среди вас находится доблестный партизан, гроза белых Андрей Осипович Бредюк, – сказал Алеша Маленький. Фадеев, Последний из удэге. Он был грозой нашего района, Мальчишка из соседнего двора. Ваншенкин, Мальчишка. [СРЯ, 1985, т.1, с.348].

Компоненты 1-го значения слова “гроза” представлены следующим образом:

- I. 1. 'явление';
 2. 'атмосферное';
 3. 'заключающееся в разрядах';
 4. /в разрядах/ 'электрических';
 5. 'между облаками';
 6. /между/ 'облаком и земной поверхностью';
 7. 'сопровождаемых громом';
- //перен. 1. 'события';
2. /события/ 'бурные';
 3. 'потрясения';
- //перен. 1. 'потрясения';
2. /потрясения/ 'сильные';
 3. /потрясения/ 'душевные';
 4. 'переживания';
- II. 1. 'беда';
2. /проявление/ 'бурное';
 3. /проявление/ 'недовольства';

	САР-I	САР-II	СЦСРЯ	Словарь В.И.Даля	Словарь Я.К.Грота	Словарь Д.Н.Ушакова	БАС	МАС	Словарь С.И.Ожегова
1	1. Приближение опасности, беды.	1. Приближение опасности, беды.	1. ¹ Устар. Опасность, беда.	3. ¹ Угроза, грозить, угрожать... //Предвещать дурной исход... //Опасность, беда..." //Строг., сердитый человек //Гром и молния.	4. ¹ Гром с молнией.	4. ¹ Бурное ненастье с громом и молнией. //перен. Разрушительная сила чего-нибудь...	4. ¹ Гром с молнией, дождём, градом.	4. ¹ Атмосферное явление. //перен. Бурные события. //перен. Сильное душевное потрясение.	4. ¹ Атмосферное явление. Бурное ненастье.
2	2. Строгость	2. ² Строгость	2. ² Строгость, страх	2. ² Угроза. Острастка. Строгость.	1. Беда. Бедствие. Опасность.	5. ² Существо или предмет, внушающие страх, ужас.	5. ² О существе, предмете, внушающем страх.	1. ² Беда, опасность. //Бурное проявление своего неудовольствия.	3. ² перен. О человеке, о ком-нибудь, о чём-нибудь.
3	3. Угроза.	3. ³ Угроза.	5. ^{*3} Строгий человек, содерж. другого в страхе.	2+3 ³ //Строгий, жестокий, суровый человек, сердитый... //Несущий гром и молнии...	5. Предмет, наводящий ужас... Кара. Наказание, строгость, гнев, угроза, кара...	2. ³ Суровость, страх. Обращение. Разг.	3 ³ +2 ³ Суров., устраш. действие, обрац. с кем-либо; угрозы. ♦ гроза над кем...	5. ³ перен. Тот, кто внушает страх.	
4	4.* Гром с молнией.	4. ^{*4} Гром с молнией.	3. ⁴ Угроза.						
5	5. Строгий человек.	5. ⁵ Строгий человек.	4. ⁵ Гром с молнией.						

I¹ – порядковый номер данного значения в САР-I.

I¹ – порядковый номер, под которым представлено значение в данном словаре.

– эволюция I-го значения

– эволюция III-го значения

– эволюция V-го значения

– эволюция II-го значения

– эволюция IV-го значения

4. /проявление/ 'раздражения';

5. /проявление/ 'гнева';

6. 'того, кто имеет власть';

7. /того, кто имеет/ 'силу';

III. перен. 1. 'тот, кто внушает страх';

2. 'наводит ужас'.

В первом значении "гроза" – атмосферное явление, заключающееся в атмосферных разрядах...". На первый взгляд в 1-м значении не содержится компонент "опасность для человека", но этот компонент легко восстанавливается (реконструируется) при анализе толкования этого слова в Словаре Я.К.Грота и Словаре Д.Н.Ушакова. Например: "грозою убило человека". Таким образом, "гроза" – явление, представляющее опасность для человека.

В первом оттенке этого значения – "бурные события, потрясения", то есть события, которые представляют 'опасность для человека'.

Во 2-м оттенке значения "сильные душевные потрясения, переживания" – содержится та же сема – 'опасность для человека'.

Во 2-м значении – "беда, опасность" тоже представлена сема 'опасность для человека'.

В оттенке 2-го значения сема 'опасность для человека' представлена в словосочетании "бурное проявление гнева со стороны того, кто имеет власть".

В 3-м значении "тот, кто внушает страх, ужас" тоже содержится сема 'опасность для человека'.

Таким образом, сема 'опасность' представлена во всех семемах многозначного слова за исключением первого, которое легко восстановить. Легкая восстанавливаемость этой семы доказывает ее наличие в сознании и подсознании человека.

Исходя из этого, можно утверждать, что слово "гроза" является многозначным.

В результате более тщательного исследования и проникновения "в глубины семантики" слова "гроза" обнаруживается сема, которая не представлена в семемах, но так или иначе соотносится со всеми компонентами семантической структуры лексемы, а главным образом с семой 'опасность для человека' – это сема, которая представлена во 2-м значении, т.е. "кто имеет власть", для находящегося во власти, способного быть "грозой". "Гроза" представляет "опасность для человека, находящегося во власти "грозы", не защищенного от "грозы". Следовательно, можно утверждать,

что сема 'опасность для человека', находящегося во 'власти' 'грозы', является "упаковочным" компонентом [см.: Соколовская, 1993, с.118], компонентом, который является связывающей нитью для всех компонентов лексемы.

Таким образом, "гроза" как явление, сопровождаемое громом и молнией, представляет опасность для того, кто находится в ее власти.

Схематически семантическую структуру слова "гроза" можно изобразить следующим образом /см. схему сл. "гроза"/:

1. 'атмосферное', 'явление', 'заключающееся в разрядах', 'электрических', 'сопровождаемых, громом...'

2. 'беда', 'опасность'

// 'проявление', 'гнева', 'раздражения', того, 'кто имеет власть', 'силу'...

3. перен. Тот, кто 'внушает страх' // 'наводит ужас'...

Штриховой линией выделены компоненты, которые содержат общую сему.

Если принять данную схему за модель (конструкцию) семантической структуры слова, то можно попытаться построить схему идеолексемы, то есть структурно аналогичное явление, но с более высоким уровнем абстракции и обобщения. Идеолексема – "Образ, представленная общая *Идея* о каком-то фрагменте объективной действительности" [Соколовская, 1993, с.204]. Идеолексема, как утверждает Ж.П.Соколовская [см.: Соколовская, 1993, с.204], не имеет структуры, представленной в виде иерархии сем, но можно предположить, что идеолексема как определенное семантическое образование предполагает внутреннюю структуру, в которой возможен поиск более детальных внутренних конструктов и связей между ними.

Итак, идеолексема как объединение слов вокруг определенного ядра, внутреннего компонента (семантического стержня), с нашей точки зрения, представляет следующую модель (см. модель сл. "гроза").

2. Решение проблемы в трехмерном пространстве.

Ю.С.Степанов утверждает, что нет ничего более естественного, как представить себе язык в виде пространства или объема, в котором люди формируют свои идеи. В своем реальном бытии, – продолжает он, – язык равномерно разворачивается в этих трех измерениях: семантике, синтактике и прагматике... Сама

трехмерность языка – главный источник языковых проблем для лингвистики, философии и искусства слова [Степанов, 1985, с.3].

Учитывая богатый опыт разработки проблемы моделирования языковой картины мира в плоскостном, двухмерном пространстве, можно перейти к решению этой проблемы в трехмерном пространстве. Такая необходимость обуславливается тем, что двухмерное пространство (система координат X и Y) не дает полной и адекватной картины языка с его глубокими, сложными динамическими процессами. И, с другой стороны, построение объемной (геометрической) модели языка в изометрии является возможным в связи с фундаментальными исследованиями в области как начертальной и аналитической геометрии, так и в области моделирования трехмерного пространства (исследования Н.И.Лобачевского, в частности), в связи с достижениями в области компьютерной графики. О необходимости (гипотетического) представления объемной модели высказывались многие ученые, философы. Так, в прошлом веке видный немецкий философ Ф.Ницше, рассуждая о возможности моделирования языка (одна из проблем, решению которой мыслитель посвятил всю жизнь), пришел к видению этой модели в геометрии двойного круга – (по аналогии) “структура космоса и жизненного пути, принцип организации дионисийского театра, строения книг и даже в технике афористического письма” [Проблема сознания, 1989, с.25]. Миру телесности, как и миру идей, следует приписывать динамические характеристики, так как он имеет не только плоскостную, но и объемную геометрию сил: то, что положения равновесия он никогда не достигает, свидетельствует, что оно невозможно. Но в одном неопределенном пространстве оно может быть достижимо. Только в шароподобном пространстве. Что же это за пространство движения, вступая в которое всякий субъект достигает психоматического и космологического единства? – вопрос, на который пытался ответить философ [Проблема сознания, 1989, с.25].

Л.Витгенштейн, ссылаясь на тезис, что “образ есть модель действительности” [Витгенштейн, 1958, с.34], пытаясь представить объемную языковую картину мира, сравнивает лингвистические выражения с проекцией в геометрии. “Геометрическая фигура может проецироваться различными способами: каждый из этих способов соответствует особому языку, но проектированные свойства самой фигуры остаются неизменными, какой бы из этих способов мы не приняли” [Витгенштейн, 1958, с.13]. Перенося проблему модели языка в область планетарно-атомарных, пространственных

форм, философ утверждает, что изобразить в языке нечто “противоречащее логике” так же невозможно, как нельзя в геометрии посредством ее координат изобразить фигуру, противоречащую законам пространства или дать координаты несуществующей точки. Мы можем, пожалуй, пространственно изобразить огромный факт, противоречащий законам физики, но не атомарный факт, противоречащий законам геометрии [Витгенштейн, 1958, с.37].

Таким образом, в решении проблемы моделирования языка (языковой картины мира) все больше утверждается тенденция геометрического (стереометрического) подхода.

Проблему моделирования языковой картины мира (и языка в целом, со всеми уровнями абстракции) лингвисты решают, пытаясь представить мир языка в наиболее обобщенной, цельной форме. Но для всех рассуждений характерна попытка представить модель именно в “сферической” или “планетарной” форме. Об этом высказывались Л.Вайсбергер, Ш.Балли, Н.Хомский, В.В.Виноградов, И.И.Ревзин, Ю.Н.Караулов, Ю.С.Степанов, Ж.П.Соколовская и др.

Так, Л.Вайсбергер утверждает, что объективно данный мгновенный срез с картины мира человека состоит из столь громадного числа отдельных явлений, что он не в состоянии охватить каждое из них; лишь наиболее выдающиеся звезды получают наименование. Чтобы духовно овладеть всем остальным, человек должен некоторым образом упорядочить это множество [Соколовская, 1993, с.7-8]. Вайсбергер сравнивает языковую картину мира с образом звездного неба, т.е. сферической моделью (формой).

Лексико-семантическую систему языка В.В.Виноградов, по словам Ю.В.Рождественского, видит “не плоскостной, а сферической моделью, если угодно, планетарного типа” [Соколовская, 1993, с.30-31].

Точку зрения В.В.Виноградова разделяет Ж.П.Соколовская, рассматривая проблему системного описания лексической семантики: “Понимание системы и структуры в их философском значении позволит создать образ Системы мудрой, Системы – Основы, которая одна только и обеспечивает все творческие возможности человека в пользовании языком, Системы как единой, живой ткани, как модели сферического, если угодно, планетарного типа, объединяющей все парадигмы языкознания [Соколовская, 1993, с.43].

Ю.Н.Караулов, исследуя плоскостную модель языковой картины мира, утверждает, что если подниматься от внешних

грамматических форм языка к более внутренним (“идеологическим”) и более сложным конструктивным формам слов и их сочетаний; если признать, что не только элементы речи, но и композиционные приемы их сочетаний, связанные с особенностями словесного мышления, являются существенными признаками языковых объединений, то структура литературного языка предстанет в гораздо более сложном виде, чем плоскостная система языковых соотношений Соссюра... А личность (языковая), включенная в разные из этих “субъективных” сфер, и сема, включая их в себя, сочетают их в особую структуру [Караулов, 1985, с.90-91].

Таким образом, Ю.Н.Караулов предполагает объемную модель языковой картины мира, исследует структуру и идеографически описывает лексико-семантическую систему языка, но по-прежнему “объемная”, “планетарная” модель, которая бы адекватно отражала мир языка со всей его сложностью и глубиной, не представлена.

Интересным представляется исследование в этой области Ю.С.Степанова, который, разделяя идеи Р.Карнапа, осуществляет попытку моделирования языка в трехмерном пространстве. Но в модели, предложенной Ю.С.Степановым, трехмерность пространства представлена посредством “разложения” (дифференциации) парадигмы. “Можно ли из трех разных картин языка сложить одну целую? – задается вопросом исследователь. – Представляется, что это можно сделать, используя модель, которая будет представлять прежде всего те объективные параметры языка, которые легли в основу каждой парадигмы” [Степанов, 1985, с.278]. Таким образом исследователь предлагает три наиболее общих подхода к языку в виде трех парадигм:

- 1) “философия имени”;
- 2) “философия предиката”;
- 3) “философия эгоцентрических слов” [Степанов, 1985, с.278].

В связи с этим лингвист предлагает три разные модели, которые между собой взаимосвязаны.

Первая модель – “Язык-1” представляет примитивно-рафинированное языковое явление, в котором субъект-говорящий не представлен (представлен в форме пассива). В 1-м “Языке” говорящий, утверждает Степанов, может говорить о чем-то, но не может говорить о самом себе [Степанов, 1985, с.287].

Вторая модель (“Язык-2” с семантикой и синтактикой) отличается от 1-й более развитой синтактикой. Но координаты говорящего в “Языке-2” по-прежнему отсутствуют. Существенной новой

чертой “Языка-2” становится **сочетаемость** (разрядка Ю.С.). Субъект, как утверждает автор, в “Языке-2” представлен частично или представлен как “возможный”, но не обязательно присутствующий [Степанов, 1985, с.287].

Следующим этапом описания языка является введение модели “Язык-3”, в которой обязательно представлен элемент “Я – говорящий” [Степанов, 1985, с.305].

В точку пересечения трех типов “Языка” Ю.С.Степанов ставит “Я – говорящий”, все остальные координаты соотносятся с данной осью координат [Степанов, 1985, с.307].

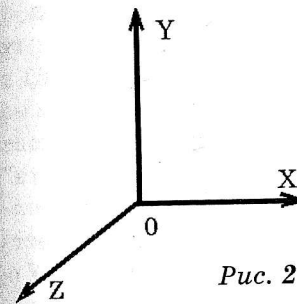

Рис. 2

Таким образом, “Я – говорящий” (antropos), по Ю.С.Степанову, становится в центре всей парадигматики, и “Я” определяется как “сущность внешнего мира”. Следовательно, можно утверждать, что модель, предложенная Ю.С.Степановым, является антропоцентричной.

Но, развивая идею “Языков-1, -2 и -3”, ученый утверждает о возможности существования “Языка-4”, “Языка-5” и т.д. до “Языка-n”. Следовательно, такая тенденция построения моделей приведет в конце концов к невозможности построения такой модели, поскольку не будут очерчены “границы” модели. Но, как считает исследователь, “Язык-n” становится чрезмерно большой абстракцией от предметного естественного языка, зато (по общему мнению) делается удобным инструментом моделирования возможных миров, модальных логик и т.п. [Степанов, 1985, с.314].

Используя опыт вышеупомянутых исследователей, а также опыт создания модели в двумерном пространстве модели-матрицы, опыт идеографических словарей и т.д., можем перейти к построению следующей модели – Модели объемной, сферообразной, динамичной...

Для построения объемной модели используем сферу – как геометрическую фигуру. Сферической представляется наша модель потому, что многие ученые склонялись к той мысли, что единственно возможной моделью “картины мира” является сфера как одна из самых совершенных геометрических фигур. И, с другой стороны, по этому принципу устроен Мир, Вселенная, начиная от атомарного, заканчивая планетарным, Метагалактическим уровнями.

Попытаемся изобразить сферу (оболочку) и назовем ее Макросферой. Макросфера в нашей модели представляет собой всю языковую действительность, т.е. в её состав входит нормированная и ненормированная часть, так как обе эти части представляют собой единое целое, единую языковую реальность. Другими словами, Макросфера – “языковая картина мира”, которая (вбирает в себя) отражает все языковые факты конкретного языка.

Макросфера имеет синхронно-диахроническую природу, так как каждый язык есть результат деятельности многих поколений и одновременно обслуживает общество в данную эпоху.

Для того чтобы макросферу привести в определенный порядок и систематизировать, ее необходимо разбить на восемь равных частей по вертикали. Каждая из восьми частей (объединений) в модели будет отражать одно из идеографических полей согласно таблице 2 [Соколовская, 1993, с.30-31]. Таким образом, в основе каждой части “лежит содержание одной из категорий познания” [Соколовская, 1993, с.47]. Следовательно, согласно схемам наполнения 2-го и 3-го идеографического порядка 1 – бытие, 2 – пространство, 3 – время, 4 – движение, 5 – отдельное, 6 – качество, 7 – количество, 8 – отношения.

Другими словами, таблице №3 (схеме наполнения 3-го идеографического порядка) придана сферическая, шарообразная форма (рис.3.а).

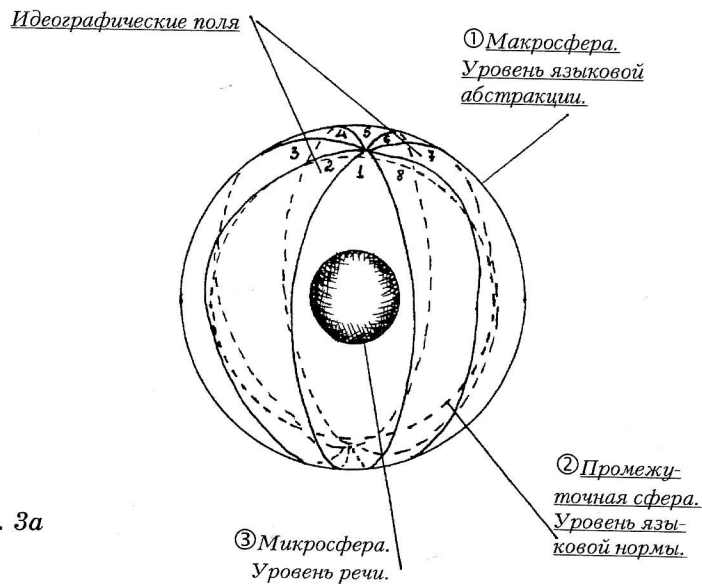

Рис. 3а

Макросфера, как уже отмечалось выше, имеет сложную структуру: ее оболочка представляет собой “сетку”, “каркас”.

1. Макросфера. Уровень языковой абстракции.
2. Промежуточная сфера. Уровень языковой нормы.
3. Микросфера. Уровень речи.

Представим внутреннюю структуру модели. Поскольку, вслед за Касаресом, принята модель, которая отражает уровни абстракции в отношении языковых единиц – рис.4, то по аналогии в нашей модели уровни 2 и 3 тоже будут изображены в сферической форме и будут соответствовать элементам 2 и 3 на рис.3, где 1 – уровень языковой абстракции, 2 – уровень нормы, 3 – уровень речи.

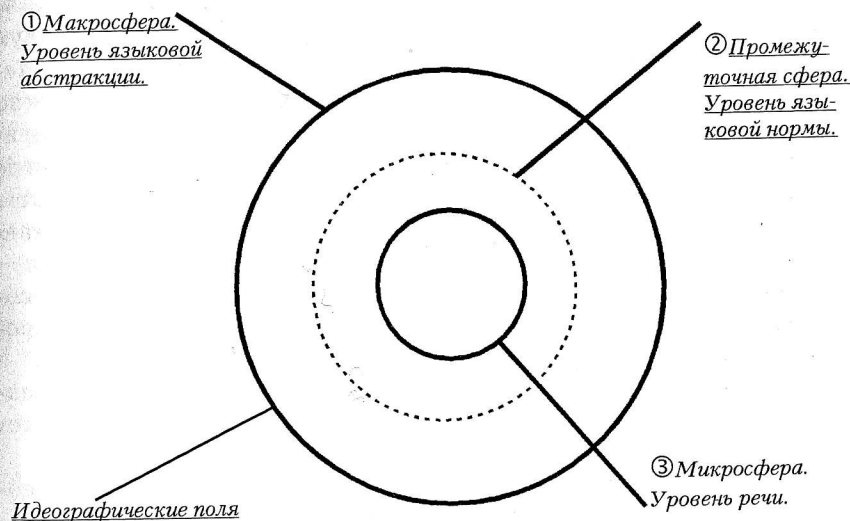

Рис. 3б. (Внутренняя структура. Разрез).

Микросфера и макросфера находятся в тесной связи и представляют собой единое целое.

Микросфера – (уровень индивидуальной речи) представляет собой макросферу в миниатюре, в которой отражается макросфера структурно целиком, но не в полном объеме, поскольку каждый субъект (человек) не является носителем всего языка, всего его объема, полной языковой парадигмы (и семантической тоже), а лишь определенной его части.

Языковая норма занимает промежуточное положение, т.е. субъект воспринимает языковую действительность только через призму нормативности, и, с другой стороны, сам существует, реализуя

себя посредством речи – тоже при непосредственном влиянии нормы.

Как отмечалось выше, макросфера состоит из идеографических полей. Идеографические поля в свою очередь состоят из микрополей. Идеографическое поле – это объединение значений слов, в основе которого лежит одно из широких понятий содержания категорий познания. В соответствии с этим может быть выделено 52 микрополя [Соколовская, 1990, с.47].

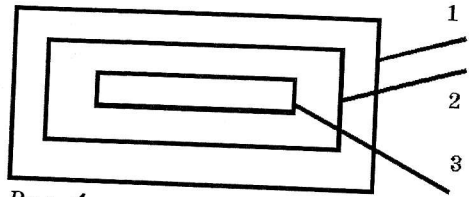

Рис. 4.

Следующей ступенью классификации может быть выделение тематических групп [см.: Соколовская, 1990, с.47] и т.д. Исследуя таким образом семантическую структуру слова, можно проникнуть в глубь семантики до уровня семы. Для описания макросферы используем понятие идеолексемы. Идеолексема, по Ж.П.Соколовской, – еще более высокий уровень абстракции, чем семантема – уровень представлений, образов, идей [Соколовская, 1993, с.196]. Идеолексема – самое крупное самостоятельное образование в пространстве идеополя. Идеолексема как самостоятельное формирование на макросфере представляет собой семантическое “скопление”, “пятно” с большой “семантической массой” в центре (по аналогии со звездными скоплениями) и с уменьшением “плотности” на периферии (см. рис.5).

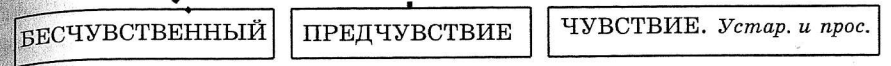
Таким образом, вся “ткань”, “сеть” макросферы “усыпана” идеолексемами типа идеолексемы “чувство” (рис.5).

Несмотря на то, что идеолексема представляет собой достаточно высокий уровень абстракции и обобщения, она обладает достаточно жесткой внутренней структурой и иерархией. Исходя из этого, можно утверждать, что идеолексема может рассматриваться как явление системного характера.

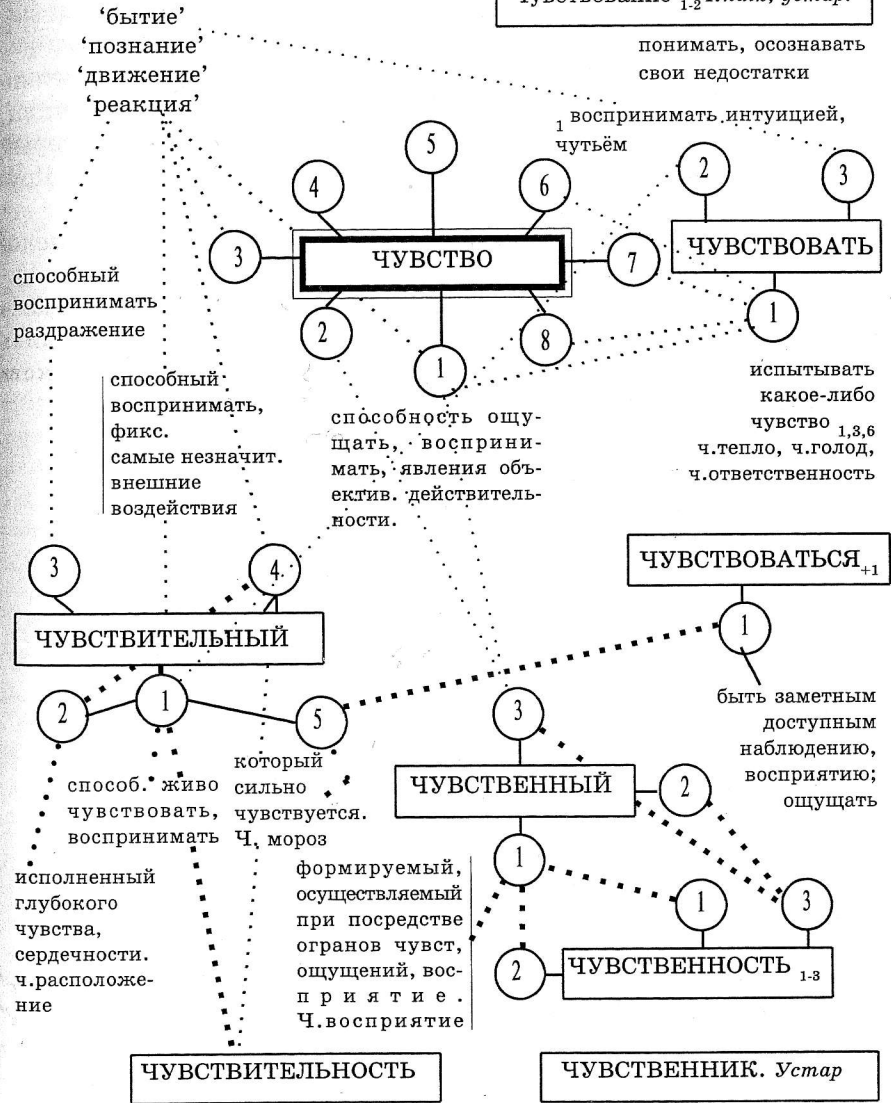
Таким образом, вся система словаря, МАСа в частности, может быть расписана, “расположена” на поверхности макросферы в форме идеолексем и компонентов идеолексем.

Необходимо отметить тот факт, что макросфера, как и вся языковая система, имеет динамические свойства. Первой динамической чертой можно назвать динамику диахронического характера, т.е. в результате развития языка (человека вообще) все компоненты структуры макросферы, начиная от семы и заканчивая

Эпидигматические связи
(по Ж.Соколовской).

Чувствование_{1,2} Книж, устар.
понимать, осознавать свои недостатки

идеолексемой, находятся в постоянном движении. Одни компоненты появляются, другие исчезают, некоторые компоненты перемещаются к центру, ядру идеолексемы, другие от ядра к периферии и т.д. Материальным доказательством этому может послужить динамика (эволюция) дефиниций. Другой динамической чертой является текст, который представляет собой (в момент говорения) динамику связей между компонентами идеополей и идеолексем.

Вторую разновидность динамики рассмотрим подробнее.

С точки зрения Есперсена, "...свободное выражение можно определить как (последовательное) соединение языковых единиц, созданное на данный случай по определенному образцу, который возник в подсознании говорящего..." [Есперсен, 1958, с.18]. Другими словами, это есть синтагматика.

Руководствуясь этим положением, изобразим эту последовательную связь в данной модели.

Для удобства моделирования и большей наглядности изобразим модель в горизонтальном разрезе и попытаемся представить "последовательность связей". В качестве анализируемого текста возьмем стихотворение А.Блока:

1 2 3 4
 Превратила все в шутку сначала,
 5 6 7 8
 Поняла — принялась укорять,
 9 10 11 12
 Головою красивой качала,
 13 14
 Стала слезы платком вытирать.

И, зубами дразня, хохотала,
 Неожиданно все позабыв,
 Вдруг припомнила все — зарыдала,
 Десять шпилек на стол уронив.
 Подурнела, пошла, обернулась,
 Воротилась, чего-то ждала,
 Проклинала, спиной повернулась
 И, должно быть, навеки ушла...

Что ж, пора приниматься за дело,
 За старинное дело свое.
 Неужели и жизнь отшумела,
 Отшумела, как платье твое? [Блок, 1981, с.218].

Слово "превратила" обнаруживаем в идеополе "движение"; "все" — "бытие"; "в шутку" — "отношение"; "сначала" — "время"; "поняла" — "движение"; "принялась" — "движение"; "укорять" — "движение"; "головой" — "бытие"; "красивой" — "качество"; "качала" —

"движение"; "стала" — "движение"; "слезы" — "бытие"; "платком" — "бытие"; "вытирать" — "движение" и так далее (см. рис.6).

Для того чтобы представить динамику модели, ее можно сравнить со сферой, внутренняя поверхность которой покрыта маленькими кусочками зеркал... внутрь сферы проникает тонкий луч света, который отражается от стенок сферы, образуя многократно преломленную (отраженную) линию. Но отражается луч внутри сферы не хаотично, а согласно законам семантики, синтаксиса, грамматики, синтагматики и т.д., т.е. законам языка. Таким образом, линия моделирует "траекторию" мысли, которая возникла и осуществилась в сознании автора текста на уровне подсознания, на уровне идей.

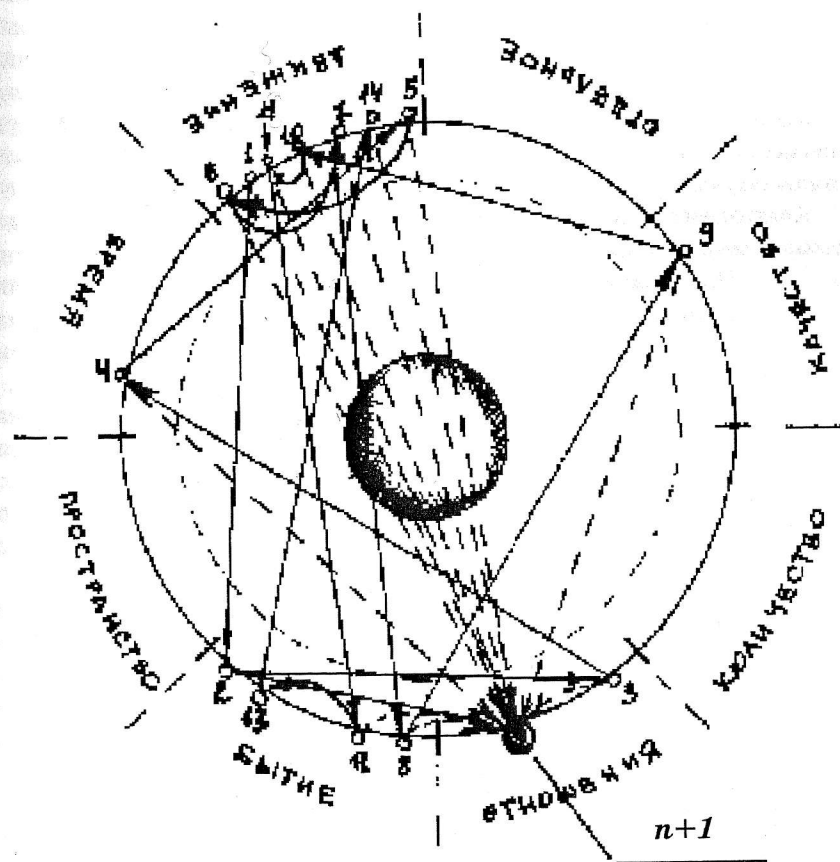

Рис. 6

Схема-модель мысли образуется в сознании говорящего и в аналогичной форме отражается в сознании реципиента (слушателя, читателя). Но в сознании каждого реципиента она имеет определенные "отличия". Эти отличия на фоне однотипной формы образуют свой специфический и неповторимый рисунок, узор. Эта специфика определяется многими факторами, которые будут рассмотрены в П.3.

Таким образом, мы попытались схематически изобразить процесс (последовательность связей между идеолексемами), который происходит в сознании говорящего при чтении и понимании текста.

Анализируя стихотворение, мы отметили, что между компонентами макроструктуры возникают связи. Если эти связи рассмотреть целостно, то увидим, что эта структура по форме напоминает купол собора, внутри которого есть "скелет", на который он надет. Специфика структуры макросферы в том, что с точки зрения геометрии эти связи не упорядочены и, на первый взгляд, хаотичны (поскольку геометрия строения предполагает четкую симметрию, пропорции и т.д.), но с точки зрения лингвистики эти связи оправданы и закономерны.

Компоненты (элементы) макросферы всегда образуют внутри-компонентную иерархию. На уровне языка эта иерархия достаточно жестка. На уровне речи компоненты системы актуализируются, но актуализируется не весь компонент идеополя, т.е. идеолексема, а только отдельные его участки, слагаемые. На уровне индивидуального восприятия актуализируются отдельные компоненты, в результате чего происходит передача информации (взаимопонимание). Но, как отмечалось выше, структура взаимосвязей у реципиента практически никогда не повторяет структуру источника информации (говорящего). Это объясняется культурной, национальной, территориальной, возрастной и др. принадлежностью, опытом каждого индивида и т.д.

Следующим, весьма важным, фактором структуры модели является компонент $n+1$, который представляет собой неотъемлемый элемент структуры художественного текста (где n – количество моментов, слов в тексте и, следовательно, на поверхности макросистемы). Специфика данного компонента заключается в том, что он не всегда представлен в художественном тексте (синтагматической цепи), но он присутствует и подчиняет себе все элементы художественного текста. Такое явление, с точки зрения геометрии, можно объяснить как суммарный показатель всех векторных величин, а с точки зрения лингвистики как результат способности

человеческого мозга к ассоциативно-образному и эстетическому восприятию действительности.

Компонент $n+1$, или образ, который является неотъемлемым элементом модели, несет на себе основную эстетическую функцию (нагрузку) художественного текста, идею художественного произведения. Таким элементом в анализируемом стихотворении является слово "любовь" в идеополе "отношение" (см. рис.6).

Таким образом, если рассматривать текст как уникальную систему взаимосвязей с учетом интегральных качеств, то элементу $n+1$ следует уделить особое внимание. Слагаемое, идею, элемент $n+1$ некоторые исследователи называют "ключевыми элементами", "ключевыми словами", "стержневыми", "сквозными элементами", "внетекстовыми элементами" художественного текста и т.д.

Итак, плоскостную модель-матрицу мы попытались представить в объемной, сферической форме и изобразить ее графически.

Эту модель будем считать самодостаточной, поскольку она включает в себя все языковые уровни: уровень языковой абстракции, уровень нормы, уровень речи. К тому же все другие языковые явления (фонетические, морфологические, синтаксические, грамматические и т.д.) можно описать с помощью этой модели.

Следующим этапом исследования будет определение места "субъективности" как языковой категории в структуре модели.

3. Определение места субъективности в структуре модели.

А.Эйнштейн утверждал, что наука стремится систематизировать наши переживания и уложить их в логическую систему. Модель языковой картины мира в трехмерном пространстве представляет собой попытку систематизации знаний о мире и языке и является обозримой, наглядной моделью.

Анализируя языковую модель картины мира в трехмерном пространстве и определяя в ней место субъективности, обратим внимание на следующие моменты.

Во-первых, в данной модели определено место говорящего и его положение по отношению к языковой норме и языку как таковому. Говорящий, или уровень речи, представляет собой микросферу или язык в миниатюре, т.е. его фокусную проекцию, которая отражает собой индивидуализированный факт языка или язык в его функциональном проявлении.

Во-вторых, язык во всем его объеме и многообразии на уровне речи отражается только лишь фрагментарно. Субъективный момент в данном случае – это разница между компонентной наполненностью макросферы и микросферы. В этой разнице обнаруживается уровень познания человеком окружающей среды, его интеллектуальный уровень, его понимание и отношение к окружающему миру вообще и предмету речи в частности.

В-третьих, рассматривая идеолексему на уровне индивидуальной речи, отметим, что она отражается в сознании говорящего не в полном объеме, а лишь частично, фрагментарно и в речи активизируется не вся идеолексема, а ее определенный участок, ее микрополе.

В-четвертых, рассматривая модель на семном уровне, обратим внимание на то, что слово (семема) в речи говорящего представлена не в полном объеме (с полным набором сем), а лишь частично, в зависимости от интеллектуального уровня, принадлежности к определенной среде, в зависимости от целого ряда прагматических установок, возрастного, культурного уровня говорящего и т.д. Другими словами, семы осознанно и подсознательно “отсеиваются”, “отбираются” говорящим, как и идеолексема в идеополе, как и лексема в идеолексеме, активизируются определенные компоненты и в речи выступают на передний план, а в компонентной структуре слова перемещаются от периферии к центру, ядру семантики слова. Зачастую активизируются семы, которые занимают периферийное место в семеме. Таким образом, в зависимости от того, какие семы выступают в роли семантических доминант, в семантической структуре слова обнаруживается субъективный момент значения слова. Для обнаружения этой семантической деформации необходимо использовать толковый словарь и семантическую структуру слова, представленную в словаре. В данном случае толковый словарь выступает в роли лакмусовой бумажки, которая способствует обнаружению специфики семантической структуры слова на уровне индивидуальной речи.

В-пятых, компонент $n+1$ (новый, образный смысл), который является неотъемлемым элементом не только художественной, но и зачастую любой речи, представляет идею высказывания (в произведении словесного искусства – идейно-образное содержание). В новом компоненте ($n+1$) обнаруживается субъективный момент значения слова. В художественном тексте такой элемент почти всегда является сквозным, системообразующим элементом. При более детальном исследовании нового, идейно-образного смысла

обнаруживается система взаимосвязей или соотносительностей с другими стержневыми или сквозными словами, а также и со всеми остальными компонентами, которые играют рецессивную роль, но выполняют неотъемлемую и важную функцию в системе соотносительностей и идейно-образном содержании произведения. При более детальном исследовании элемента $n+1$ обнаруживается спектр субъективных моментов значения слова, которые в итоге дают цельную языковую картину субъекта речи, его место в системе общественных ценностей, его видение окружающего мира, предмета речи, его внутренний мир.

Итак, языковая модель картины мира устроена по принципу строения атома и Вселенной, по принципу развития общества и человека, по принципу устройства мира. Язык устроен так, как устроен МИР в целом. Языковая модель картины мира отражает диалектическое единство **объективного и субъективного**. Динамика же языковой картины мира системы отражает диалектическую природу языка.

Рассматривая элемент $n+1$ (новое, идейно-образное содержание произведения словесного искусства), необходимо указать на то, что данный элемент может быть представлен как предмет самостоятельного исследования. Новое, идейно-образное содержание художественного произведения; соотносительность как средство выражения субъективного момента значения слова в художественном произведении; художественный текст как уникальная эстетическая система, система соотносительностей – эти и другие вопросы будут рассмотрены в IV главе.

В данной главе осуществлена попытка моделирования языковой картины мира и определения в ней субъективности. Языковая модель картины мира представляет собой сферическую форму (глобус), на котором размещен *весь* лексический состав языка. Но слова размещены не хаотично и беспорядочно, даже не в алфавитном порядке, а в форме семантических гнезд, “пятен” или идеолексем. Ткань макросферы представляет собой лексико-семантические “скопления”. Макросфера представляет собой наивысший уровень языковой абстракции. Речь (синтагматика) как функциональное или динамическое качество системы или, другими словами, отражение на макросфере тех процессов, которые происходят в микросфере, в сознании говорящего, и представляет собой цепь взаимосвязей идеолексем (идей). В результате анализа этих связей обнаруживается прагматическая, эстетическая, психолингвисти-

ческая сторона высказывания. Одной из черт, характерных для данной модели, является интегральное качество, или элемент $n+1$, другими словами, новое, идейно-образное содержание художественного текста. Исходя из этого, можно утверждать, что данная модель является попыткой синтеза структуралистического и эстетико-стилистического подхода к языку и художественному тексту, в частности. Следующим важным моментом является попытка рассмотрения языка и художественного текста с точки зрения проявления в нем объективного и субъективного как антиномии, имеющей диалектическую природу.

Глава четвертая

Субъективность в художественном тексте

“Я чувствую, конечно, все несовершенство этих моих “опытов”; однако полагаю, что путь в них найден правильный – путь лингвистический, путь разыскания значений: слов, оборотов, ударений, ритмов и тому подобных языковых элементов, путь создания словаря, или, точнее, инвентаря, выразительных средств русского литературного языка. И если люди с лучшим литературным образованием и тонким вкусом, с тонким чутьём языка пойдут по этому пути, они найдут настоящий метод толкования поэтических произведений”.

Л.В.Щерба

Художественный текст всегда таит в себе глубокую перспективу для анализа.

Опыт описания и моделирования языковой картины мира как плоскостной, так и объемной, а также опыт анализа художественного текста открывает новые возможности системно-структурного анализа произведений словесного искусства, в котором будет учтена и семантическая структура слова, и новое, идейно-образное содержание.

Из всего широкого спектра субъективности, представленной в языке и в художественном тексте, в частности, мы избрали предметом исследования новое, идейно-образное содержание как форму выражения субъективности в художественном тексте.

Анализ текста с точки зрения нового, идейно-образного содержания, т.е. нового компонента, которое приобретают языковые единицы в результате внутритекстовой соотнесенности, раскрывает широкую и качественно новую перспективу не только для анализа художественного текста, но и для таких областей исследования, как логика, философия, литературоведение, культурология и т.д.

1. К проблеме общих закономерностей строения произведения словесного искусства

Несмотря на то, что на сегодняшний день создана и широко развита система понятий, которая описывает и определяет все виды и жанры искусства, по отношению к произведению словесного искусства такая система понятий недостаточно разработана.

Так, в архитектуре существует понятие “архитектоники”, которое определяет, является ли данное сооружение произведением искусства архитектуры. Архитектоника в Словаре русского языка определяется, как “соразмерное расположение частей, гармоническое сочетание их в одно целое”. В Словаре иностранных слов “архитектоника – 1. Художественное выражение закономерностей строения, присущих конструктивной системе здания. 2. Общий эстетический план, принципиальная связь его частей...”.

Произведение музыкального искусства определяется гармонией.

Гармония – “1. Согласованность, стройность в сочетании чего-либо; 2. Муз. область выразительных средств музыки...”.

В искусстве существует понятие “пластики”. Пластика – “...3. Гармония, согласованность движений и жестов; 4. в хореогр. Совокупность телодвижений, соответствующих характеру и манере танца”. Произведения живописи строятся по законам “гармонии”, “пластики”, “архитектоники” и т.д., которые в определенной степени выражают одну и ту же сущность.

Следовательно, все виды искусства: живопись, музыка, танец, архитектура, театр и др. – строятся по законам архитектоники, пластики, гармонии.

В живописи существует понятие монументальный – “основательный, глубокий по содержанию”.

Исходя из этого, можно сказать, что все, что передается на холсте в пределах одного эстетического пространства, построено по законам перспективы, цветовой и световой гармонии, и к тому же все элементы (детали, изображение на холсте) представляют собой замкнутую систему, обладающую определенной структурой. Таким образом, в гармоничных отношениях находятся все объекты, предметы, элементы предметов, которые заполняют одно эстетическое пространство и представляют собой произведение искусства. Передний, средний и задний план произведения находятся в гармоничном соотношении, т.е. построены по законам перспективы. Необходимо отметить, что идейно-образная сторона произведения искусства тоже находится в гармонии со всеми остальными

элементами произведения, хотя она по своей природе значительно более сложная и противоречивая. Другими словами, наблюдается гармония плана выражения и плана содержания. И все, даже мельчайшие детали плана содержания и плана выражения, находятся в гармоничном взаимоотношении. Этим законам подчинены и простые по количеству элементов и технике исполнения натюрморты, и сложнейшие (баталистические, к примеру) полотна, насчитывающие сотни и тысячи изображенных фигур.

Также необходимо отметить, что все виды искусства соотносятся с понятием “академический”. Академичность предполагает высшее проявление, совершенство гармонии, архитектоники, пластики и т.д. Например: “академический театр”, “академический балет”, “академический рисунок” и т.д.

Однако все эти термины применяются по отношению к произведениям словесного искусства только частично, косвенно или вообще не применяются. Иногда эти термины подразумеваются или используются в литературной критике, в теории литературы, хотя официально эти понятия в теории анализа художественного текста не утвердились.

Итак, подобно произведению живописи или любому другому виду искусства, произведения словесного искусства (будь это новелла или роман, четверостишие или поэма) построены по определенным принципам и законам, которые свойственны всем видам и жанрам искусства.

В последнее время в работах Ю.М.Лотмана, Д.Н.Шмелева, Н.М.Шанского осуществлена попытка упорядочить знания о природе словесного искусства. Но наиболее интересными в этом плане, с нашей точки зрения, являются работы Н.А.Рудякова, в которых предполагается существенно новая концепция проблемы анализа произведения словесного искусства – осуществляется системно-структурный подход.

Поскольку каждая система предполагает составные части и элементы, то составными, системообразующими элементами художественного текста являются семы (минимальные компоненты значения), которые (по аналогии с другими видами искусства) образуют систему соотносительностей. В этой системе соотносительностей всех элементов произведения словесного искусства и содержится ключ к интерпретации художественного текста.

Таким образом, при анализе художественного текста на уровне элементарных смыслов (сем) и установлении определенной внутритекстовой иерархии и соотносительности обнаруживаются

субъективные моменты значения слова в художественном тексте, исследованию которых посвящены следующие разделы.

2. Новое, идейно-образное содержание как форма выражения субъективных моментов значения слова в художественном тексте.

В главе III была рассмотрена модель языковой картины мира, где указывалось на то, что элемент $n+1$ является новым, идейно-образным содержанием высказывания, место которого можно определить в структуре модели.

В предыдущем параграфе указывалось на то, что все элементы (компоненты) любого художественного произведения, представленные в одном эстетическом пространстве, образуют сложнейшую парадигму соотношений, в результате чего раскрывается целый ряд композиционных, стилистических, жанровых особенностей произведения. Исследование соотношенностей языковых единиц в художественном тексте, семантических преобразований языковых единиц, новых образных смыслов, которые являются субъективными моментами значения слова, представляет определенный научный интерес.

Новое, идейно-образное содержание языковых единиц является результатом семантических преобразований (языковых единиц) в художественном тексте. Новое, идейно-образное содержание языковых единиц является результатом субъективного отражения реального мира. Основной причиной и следствием функционирования языковых единиц, а также возникновения различных семантических трансформаций является контекстуальная соотношенность. Только в тексте существуют предпосылки актуализации лексического значения слова и возникают новые специфические значения, а заодно и эстетический эффект.

Таким образом, соотношенность языковых единиц в художественном тексте должна рассматриваться как средство выражения особых эстетических значений, или образной информации, что является образной языковой закономерностью. Из этого следует, что художественный текст должен рассматриваться как способ организации связи, соотношенности всех компонентов словесной канвы произведения, а не отдельных ее частей. Индивидуально-художественное значение слова может развиваться на протяжении целого текста и завершиться лишь в конце произведения, но возможно также, что

слово приобретает особую художественную значимость в пределах микроконтекста (словосочетания) или контекста предложения.

Можно сделать вывод, что контекстуальная или синтагматическая соотношенность языковых единиц является необходимым условием возникновения у них семантических преобразований, появления нового, индивидуально-художественного смысла, эстетической значимости. Обнаружение соотношенности элемента текста возможно только в результате сопоставления его с коррелятом на уровне языковой нормы, который представлен в словаре.

Положение о соотношенности языковых единиц как об условии их семантических преобразований, в результате чего возникает новое, идейно-образное содержание языковой единицы (единицы текста), представлено в работах Б.А.Ларина, который писал, что семантические обертоны образуются из взаимодействия совокупности слов [Ларин, 1973, с.36]. Б.А.Ларин ввел термин “комбинаторные приращения”, который получил свое развитие в работах Е.Куриловича, М.В.Никитина и др.

Семантическое варьирование слова определяется содержанием самого выбранного слова. Сочетаемость слов – не основная причина, а лишь необходимое условие семантических преобразований, т.е. значения слов не возникают из исключительного многообразия в процессе отношений. Из этого следует, что новое, контекстуальное значение, или идейно-образное содержание вычленяется из буквального значения и представляет собой его дальнейшую интерпретацию. Новое значение в данном случае содержится в определенных связях, отношениях уже существующих элементов лексико-семантической системы языка.

Итак, можно сделать вывод, что все элементы художественного текста вступают между собой в определенные отношения, в результате чего появляется (обнаруживается) новый, идейно-образный смысл, который в свою очередь может быть предметом самостоятельного исследования.

Н.А.Рудяков, вслед за А.А.Потебней, утверждает, что в произведении словесного искусства наблюдаются те же стихи, что и в слове с внутренней формой: и здесь, помимо содержания мысли о предмете или событии, имеет место “Отношение содержания мысли к сознанию”, то есть субъективный, личностный момент – то, в чем обнаруживается личность субъекта, автора или персонажа, строй его мысли и чувства или, иначе, – состояние его сознания, состояние духа [Потебня, 1976, с.11].

Субъективный момент, считает исследователь, не является свойством, присущим только содержанию литературно-художественного произведения. Это свойство обнаруживается и в других словесных, нехудожественных выражениях, в частности, в живой речи [Рудяков, 1989, с.12]. Речь человека, помимо предметной или событийной информации, включает в себе еще и непроизвольно выражаемые сведения о самом говорящем – о строе его мысли и чувства или о принадлежности к определенной культурной, профессиональной или территориальной среде [Рудяков, 1989, с.12].

С другой стороны, когда речь идет об отношении автора художественного произведения к предмету изображения с позиции идеала, важно уяснить, что такое отношение характеризуется двумя моментами: пониманием предмета изображения, то есть оценкой его с позиции истины; и оценкой его с точки зрения должного и желаемого. Определяющим среди этих моментов является понимание, оно обуславливает оценку – чем глубже понимает автор то, что изображает в художественном произведении, тем больше это понимание соответствует объективной действительности [Рудяков, 1989, с.22]. Вся эта информация содержится в словесной форме. Словесная же форма как способ существования художественного произведения представляет собой связанное целое, систему, каждый элемент которой мотивирован, образен, потому что служит общей художественной цели; и второе, специфическим свойством словесной формы художественного произведения является функциональное положение языковых средств, проявляющееся в их семантике, в художественно-образительных “приращениях смысла”, которые развиваются в системе целого эстетического объекта (или в пределах единого эстетического пространства). В центре такой системы всегда стоит художественный образ или просто образ – это образ субъекта. Художественный образ – единица, то есть составная часть содержания художественного произведения [Ларин, 1973, с.52].

Следовательно, субъективность или субъективный момент значения слова являются материальным средством выражения или условием существования субъекта. Материальным средством выражения субъективных моментов значения во многих случаях служит смысловая соотношенность слов в общенародном языке [Рудяков, 1993, с.52].

Таким образом, выделим два типа соотношенности. Первая – соотношенность языковых элементов одного произведения, в результате чего обнаруживается новый образный смысл (тот же

элемент, который является неотъемлемым элементом всех видов и жанров искусства); вторая – соотношенность слов в общенародном употреблении, когда значение слова осознается на фоне других слов, соотносительных с данным словом по смыслу [Рудяков, 1993, с.52].

Рассмотрим для примера стихотворение С.Есенина “Ах, метель...”

Ах метель такая, просто черт возьми!
Забивает крышу белыми гвоздями.
Только мне не страшно, и в моей судьбе
Непутевым сердцем я прибит к тебе.

Фразеологизм “черт возьми” – разг. восклицание удовлетворения, досады, негодования.

Забивать – вбивать глубоко, до конца;
не страшно (от страшный) – вызывающий чувство страха;
судьба – 1. Стечение обстоятельств, не зависящих от воли человека, ход жизненных событий;

2. Доля, участь;

3. История, существование кого-, чего-л. (книжн.);

4. Будущее, то, что случится, произойдет (книжн.);
непутевый – (разг.) Легкомысленный, беспутный, разгульный.

Прибить 1. Прикрепить гвоздями;

2. Плотно прижать: Пыль прибило дождем.

3. Двигая, толкая, довести куда-л. Волной прибило.

Прибить (прост.) Побить, наказывая.

Композиционная особенность данного стихотворения заключается в том, что его исходную часть составляет первое двустишие, основная часть стихотворения – 3 и 4 строки.

В системе образных смыслов данного стихотворения отмечаются следующие моменты. Прежде всего, исходная часть стихотворения “забивает крышу белыми гвоздями”, будучи соотношенной со словосочетанием “метель такая”, (где “метель” – “сильный ветер со снегом, вьюга”), приобретает новый, образный смысл, обусловленный актуализацией в слове “гвоздь” семы ‘цвет’, характерный для семемы “снег”.

Определяющую роль в системе образных смыслов данного стихотворения играет соотношенность (в исходной части) 2 и 4 строк (в основной части), общим семантическим компонентом которых являются однокоренные слова: “забивают” и ”прибить”. Однако в отличие от общенародного употребления, где слово “прибить” 1 –

“прикрепить гвоздями”, соотнесено со словами “судьба”, то есть “ход жизни, событий, не зависящих от воли человека”, “сердце” – перен. Это орган как символ переживаний, чувств, настроений человека и, наконец, местоимение “к тебе”, приобретает новый, образный смысл: быть связанным с кем-то чувством самоотверженной, сердечной привязанности, то есть чувством любви.

Для примера возьмем еще одно стихотворение С.Есенина

“Снежная замять крутит бойко...”

* * *

Снежная замять крутит бойко
По полю мчится чужая тройка.

Мчится не тройка, чужая младость.
Где мое счастье? Где моя радость?

Все укатилось под вихрем бойким
Вот на такой же бешеной тройке.

Для анализа данного стихотворения используем модель предыдущего стихотворения.

Крутит – 1. кругообразно вертеть.

Замять (от местí).

Мчатся – Очень быстро ехать, “нестись”.

Чужой 1. Не собственный, принадлежащий другим, не свой.

2. Не родной, не из своей семьи, посторонний.

3. Далекий по духу, по взглядам, не имеющий близости с кем-чем-либо, чужой.

Счастье 1. Чувство и состояние полного, высшего удовлетворения.

2. Успех, удача.

Радость 1. Веселое чувство, ощущение большого душевного удовлетворения.

2. То, что вызывает такое чувство.

Укатиться, – катясь, попасть куда-н.

Вихрь. Порывистое, круговое движение ветра.

Бойкий 1. Расторопный, ловкий.

2. Быстрый, живой.

3. Оживленный, людной.

“Такая же” 1. Именно эта, подобная данной.

Бешеная 2. перен. Большой силы, напряжения, яростная.

Тройка 3. Упряжка из трех лошадей.

Композиционная особенность данного стихотворения заключается в том, что его исходную часть составляют первые 3 строки, последующие строки – основную часть стихотворения.

В системе образных смыслов данного стихотворения следует отметить прежде всего использование автором слов и словосочетаний, создающих динамику текста: “крутит бойко”, “мчится чужая тройка”, “мчится чужая младость”, “под вихрем бойким”, “на бешеной тройке”. Далее соотносительными являются строки, включающие слово “тройка”. Если в первом выражении “По полю мчится чужая тройка”, слово “тройка” употребляется в буквальном значении: “упряжка из трех лошадей”, то в последующих двух (III и IV) строках это слово, будучи соотнесенным со словом “младость”, (“период человеческой жизни, предшествующий зрелому возрасту”), приобретает в тексте новый, образный смысл: тройка – период жизни человека, предшествующий зрелому возрасту.

Определяющую роль в разрешении этого противоречия играет соотнесенность его заключительных строк “Все укатилось под вихрем бойким, Вот на такой же бешеной тройке” со словами “счастье” (чувство и состояние “полного, высшего удовлетворения”) и “радость” (“веселое чувство, ощущение большого душевного удовлетворения”). Результатом такой соотнесенности является возникновение в слове “тройка” нового, образного смысла: тройка – это чувство и состояние большого, полного, высшего удовлетворения, то есть молодость для поэта – это счастье и радость.

Важно подчеркнуть антонимическую соотнесенность в тексте слов “чужая” в выражении “чужая тройка”, “чужая младость”, “1. не собственная, принадлежащая другим, не своя” и притяжательного местоимения “моя” – “принадлежащая мне, имеющая отношение ко мне”, в которой заключено основное противоречие стихотворения: в чем же прелесть этого периода в жизни человека и автора, в частности.

Таким образом, новое, идейно-образное содержание произведения обнаруживается в результате соотнесенности со словами в одном синтагматическом ряду (в одном тексте), а также в результате соотнесенности со значением слова в общепринятом употреблении. В результате анализа такой соотнесенности обнаруживается субъективный момент значения слова, в котором, в свою очередь, “высвечивается” субъект (автор или персонаж) – его отношение к окружающему миру, а также его принадлежность к определенной среде.

Более подробному анализу произведений словесного искусства, в результате которого обнаруживаются субъективные моменты значения слова, материальным средством выражения которого является соотнесенность, посвящен следующий параграф.

3. Отражение субъективных моментов значения слова в художественном тексте

(На материале произведений словесного искусства).

Как указывалось выше, материальными средствами выражения образного содержания слова является его соотнесенность с другими словами в общенародном языке или же в пределах данного литературно-художественного произведения.

В лирическом произведении авторское отношение к факту объективной действительности выражается путем соотнесенности языковых средств, выступающих, с одной стороны, в исходной части стихотворения, и, с другой стороны, в его основной части. Результатом такой соотнесенности является возникновение нового, образного смысла, который выражает новизну авторского отношения к изображаемому факту. Среди соотносительных языковых средств, выражающих новый, образный смысл, выделяются основные (ключевые) и второстепенные.

Для примера рассмотрим следующее стихотворение Е.Евтушенко.

* * *

У трусов малые возможности.
Молчаньем славы не добыть.
И смелыми из осторожности
Подчас приходится им быть.

И лезут в соколы ужи,
Сменив, с учетом совершенности,
Приспособленчество ко лжи
Приспособленчество ко смелости.

Системообразующую роль в организации стилистической системы стихотворения “У трусов малые возможности...” играет слово “трус”, т.е. “трусливый, робкий человек”, с которым семантически соотнесены другие языковые средства данного текста.

Так, в исходной части стихотворения (1 строфа) с этим словом соотнесено выражение “и смелыми из осторожности”, где слово

“смелый” употреблено в значении “не поддающийся чувству страха, не боящийся опасностей”; “храбрый, отважный”; а слово “осторожность” означает “крайняя осмотрительность в своих действиях и поступках”. Использование автором такого сочетания слов внутренне противоречиво, поскольку актуализируется в семеме “осторожность” семантических признаков “крайняя осмотрительность”, “в своих действиях” исключает появление признаков слова “смелый”. Поэтому в исходной части слова “трусов” и выражение “смелости из осторожности” воспринимаются как синонимы (в отличие от общенародного употребления, где “трусливый” и “смелый” – антонимы).

В основной части стихотворения (II-я строфа) соотносится прежде всего устаревшее, народно-поэтическое слово “соколы”, характеризующее мужчину, юношу, отличающегося удалью, отвагой, красотой, и слово “ужи”, примененное в качестве контекстуального антонима к слову “соколы”. Необходимо отметить отрицательную экспрессию, которая выражается в употреблении слова “лезут” “и лезут соколы в ужи”, где “лезть” – означает настойчиво продвигаться куда-либо, проникать, не считаясь с запретом, препятствиями.

Наконец, самую важную роль играет соотнесенность со словом “трус” последних двух строк стихотворения:

“Приспособленчество ко лжи
приспособленчество ко смелости”,

где “приспособленчество” – “пренебрежит. поведение приспособленца”, то есть “беспринципного человека, который приспособляется к обстоятельствам, маскируя истинные взгляды”.

Таким образом, слово “трус”, сохраняя свое буквальное значение, приобретает в тексте новый, образный смысл: беспринципный человек, приспособляющийся к обстоятельствам. В этом новом, образном смысле находит выражение новизна авторского отношения к изображаемому явлению.

Следующим важным субъективным моментом стихотворения является **композиция**.

Композиционная особенность стихотворения Е.Евтушенко “О простоте” заключается в том, что его исходную часть составляют эпиграф и 1 строфа, в которых изложен факт объективной действительности, послуживший поводом для выражения авторского отношения в основной части (1 и 2 строфы) стихотворения.

Авторское отношение к факту объективной действительности материализуется путем соотнесенности языковых средств данного

текста. Так, в исходной части стихотворения в выражении “уютно быть не сценой – залом” антонимически соотнесены слова “сцена”, то есть “специальная площадка, на которой даются театральные представления; театральные подмости”, “зал” – “большое помещение для многолюдных собраний, для занятия чем-либо и других целей”. Однако в тексте эти слова употребляются не в прямом, а в переносном значении, поскольку соотносятся со словом “уютно” (“безл. в знач. кому. Об ощущении уюта, испытываемом кем-либо”), в котором актуализируется сема “одушевленное”, т.е. характерное только для этих живых существ. Тем самым слова “сцена” и “зал” контекстуально приобретают значение одушевленных предметов.

Соотносительными являются также слова “заумь” (“и называть спокойно “заумь” ту пьесу, что умней тебя”), то есть “что-либо намеренно усложненное, замысловатое и непонятное (непонятое)”, и, с другой стороны, – “непонимание” (“тогда новое непонимание не превосходство, а вина”), то есть “отсутствие понимания; неспособность, неумение понять кого-, чего-л.". В результате такой соотнесенности актуализируется сема “субъективное”, то есть зависящее от сознательной деятельности индивида.

В основной части стихотворения соотносятся слова “великого” (“что суть великого темна”), то есть “выдающегося по своему значению, по своим достоинствам”, а “темна” – “неясная, непонятная”, и “превосходство” (“не превосходство, а вина”) – “обладание более высоким достоинством по сравнению с кем-, чем-л.; преимущество”. Хотя оба эти слова имеют общий семантический компонент (слово “достоинство”), актуализация семантических признаков этого слова различна: в первом случае актуализируется положительное качество (см. “достоинство”), а во втором – отрицательное.

Наконец, определяющую роль в организации стилистической системы данного произведения играет соотнесенность эпиграфа стихотворения “иная простота хуже воровства” и второй строфы стихотворения:

”Как хорошо и как уютно,
Сбежав от сложностей в кусты,
Держаться радостно за юбку
Румяной няни – простоты”.

В эпиграфе стихотворения значение слова “простота” соответствует представлению и характеризует “разг. недалекого, наивного человека”, где “недалекий” – “не очень умный, ограниченный”, а

слово “наивный” – “не имеющий жизненного опыта, простодушно-доверчивый”. Заметим, что в таком значении в слове “простота” актуализируются объективные признаки, не зависящие от сознательной деятельности индивида.

Во втором случае “простота” образует новый образный смысл, обусловленный соотнесенностью этого слова с выражением “сбежав от сложностей в кусты”, где слово “сложности” – “то, что требует большого труда, усилий; трудности”, а фразеологизм “в кусты” (спрятаться, уйти и т.д.) – “ирон. испугавшись, уклониться от чего-л.” (“уклониться” значит “перен. Перестать придерживаться чего-л., отклониться от чего-л. первоначального, главного, правильного”).

Таким образом, слово “простота” приобретает в тексте новый, образный смысл и характеризует человека, сознательно ушедшего от трудностей, приспособившегося к обстоятельствам (“как хорошо” – “приспособиться к окружающей обстановке, доставляющей удовлетворение, наслаждение”) и как уютно... (о наличии уюта где-л.).

Следует особо обратить внимание на возникший новый, образный смысл, который характеризуется не только преобразованием предметно-логической части семантической структуры слова “простота”, но и изменением его эмоционально-экспрессивной окраски, которая находит выражение в соотнесенности со словом “вина”, то есть, “проступок, преступление”.

Следующим моментом, на который следует обратить внимание – это **семантический сдвиг** в стержневом слове, которое в результате языковой соотнесенности приобретает новый образный смысл, что в свою очередь дает представление о **строге мысли и чувств автора, персонажа**.

Так, для стихотворения “Нет, мне ни в чем не надо половины!” характерны следующие моменты.

Прежде всего, соотнесенность в исходной части стихотворения (первые две строфы) слов и выражений, которые означают часть чего-либо: “половина” (в выражении “нет, мне ни в чем не надо половины”) – “одна из двух равных, вместе составляющих целое, частей чего-л.”; “деlež” (“не соглашаюсь на дележ”) – “разг. Раздел, распределение по частям”; “часть” (“нет, жизнь, меня ты не заластишь частью”) – “доля целого”; и, с другой стороны “я не хочу ни половины счастья, ни половины горя не хочу”, где “половина”, будучи соотнесено с абстрактными существительными “счастье” – “состояние удовлетворенности жизнью, испытываемое

чем-л.", "горе" – "душевное страдание, глубокая печаль, скорбь", также означает часть чего-либо. Однако заметим, что все эти слова включены в предложения с отрицанием и, следовательно, означают что-либо взятое в полном объеме. Этот же образный смысл имеют выражения: "Мне – дай все небо!", "Землю всю положи!", "Все полностью!", где семема "все" определяет что-либо как не раздельное, взятое в полном объеме: целое, полное, а семема "полностью" означает "в полном составе, в полном объеме, целиком".

Таким образом, в исходной части стихотворения "Нет, мне ни в чем не надо половины" происходит актуализация сем 'целое', 'полное'.

В основной части стихотворения (III строфа):

"Хочу лишь половину той подушки,

Где, бережно прижатое к щеке,

Беспомощной звездой,

звездой падучей,

Кольцо мерцает на твоей руке..."

где "хочу" – "испытываю желание, охоту, ощущаю потребность, необходимость в чем-л."; "лишь" употребляется для выделения, ограничения в значении: только, единственно; "кольцо" – "предмет, имеющий форму обруча, носимый на пальце как украшение или как символ брака". В слове "половина" наблюдается семантический сдвиг, в результате которого возникает образный смысл. Сохраняя свое буквальное значение, это слово означает также что-то исключительно необходимое для самого поэта – существование любимой женщины. В этом новом, образном смысле, который образовался в результате семантического сдвига в слове "половина", находит выражение новизна действительности, его представление об идеале.

Другим интересным стихотворением, с этой точки зрения, является стихотворение "Пустота". В этом стихотворении выделяются следующие моменты. Во-первых, это – соотношенность в исходной части стихотворения строк "Есть пустота от смерти чувств и от потери горизонта", где "пустота" – "перен. состояние душевной опустошенности, отсутствие интересов, стремлений" (поскольку слова "смерть" ("перен. гибель, уничтожение чего-л.", "чувство" – "способность переживать, отзываться душой на жизненные впечатления", "потеря" – "лишение чего-л.; утрата", "горизонт" – "перен. круг знаний, идей, интересов" характеризуют душевное состояние человека), и выражения "когда глядишь на горе сонно, и сонно

радостям ты чужд", в котором выражается отношение к состоянию человеческой души: "горе" – "душевное страдание, глубокая печаль, скорбь", "радость" – "чувство удовольствия" в словах "сонно", то есть "перен. бездеятельно, пассивно", и "чуждый" – "не обладающий чем-л., не имеющий, лишенный чего-л.". Таким образом, в исходной части стихотворения происходит актуализация всех семантических признаков семемы "пустота". Заметим также, что этому образному смыслу соответствует выражение, представленное в основной части стихотворения: "и на душе так пусто-пусто", где "пусто-пусто" – "о чувстве одиночества или внутренней пустоты, испытываемой кем-л.".

Во-вторых, с данным образным смыслом соотносено выражение "но есть иная пустота...", где "иная" – "другая, не та, не такая, отличающаяся от этой (или прежней)."

Наконец, в-третьих, выражение: "но есть иная пустота..." соотносится с заключительным двустрочием:

"спокойной светлой пустотой –

предшественницей наполненья",

где "предшественница" – "та, чья деятельность в тот или иной области предшествовала деятельности "кого-либо другого", а слово "наполненья", будучи соотносено со словами "глубина" (в выраж. "в ней глубина и высота"), то есть "содержательность, значительность" и "высота" – "перен. Высокая степень, высокий уровень развития, расцвета чего-л.; вершина", приобретает семантический сдвиг.

Таким образом, слово "пустота", сохраняя свое буквальное значение, приобретает семантический сдвиг, который выражается в новом, образном смысле: перен. то, что предшествовало высокому уровню развития, расцвета чего-л., вершине.

Следующий момент, на который следует обратить внимание, – степень участия языковых единиц в выражении образного содержания художественного произведения.

Так, у образных смыслов стихотворения Е.Евтушенко "Телега" отмечаются следующие моменты.

Во-первых, соотношенность в исходной части стихотворения строк:

"Телегу обижать не надо.

Телега сделала свое",

где "телега" – "четырёхколесная повозка для перевозки кого-л., чего-л." и выражения:

"Но часто – будь она неладна // В искусстве вижу я ее",

где "искусство" – "творческое воспроизведение деятельности в художественных образах; творческая художественная деятельность". В результате такой соотнесенности слово "телега" приобретает новый, образный смысл и означает явление, характерное для искусства.

Во-вторых, соотнесенность с этим словом выражений: "роман-телега" (где "роман" – "большое по объему повествовательное произведение, со сложным и развитым сюжетом"), "оперы в тележном стиле" (где "опера" – "музыкально-драматическое произведение, сочетающее инструментальную музыку с вокальной и предназначенное для использования в театре", а "стиль" – "совокупность признаков, характеризующих искусство определенного времени и направления или индивидуальную манеру художника в отношении идейного содержания и художественной формы"); "Висят телеги – не картины" (где "картина" – "произведение живописи в красках на куске холста, доске, листе бумаги"); "Телеги лезут на экран" (где "экран" – "перен. киноискусство"), в которых актуализируются семы 'совокупность', 'всех', 'отраслей', 'художественной', 'деятельности', 'характерная для данного времени'.

В-третьих, соотнесенность слов "телега" и "ракета" ("Вам не ракет в искусстве надо – телег вам хочется, телег"), в результате которой эти слова приобретают новый, образный смысл: телега – то, что устарело, отжило, а ракета – новое, прогрессивное.

Заметим, что авторская оценка фактов объективной действительности носит отдельный характер, который находит выражение в использовании не только индивидуально-авторских образований: "роман-телегу", "тележном стиле", "телеги – не картины", "телеги лезут на экран", "тележный интеллект", (где "интеллект" – "мыслительные способности человека, уровень умственного развития"), "искусство тележно", но и просторечных слов и выражений, имеющих отрицательную экспрессию ("лезут" – "настойчиво продвигаются куда-л.", – фразеол. "будь она неладна"), книжных слов, имеющих отрицательную экспрессию, "отмечено" – "книжн. устар. теперь шутивное – одето в какую-л. одежду", книжные ("обречено" – "книжн., предназначено к какой-л. неизбежной участи (обычно тяжелой)");

"Искусство ваше и прилежно,
И в звания облечено,
Но все равно оно – тележно
И в век ракет обречено!"

Следующее стихотворение, на которое следует обратить внимание, – "Карьера".

В стиле образных смыслов стихотворения "Карьера" важно отметить следующие моменты.

Во-первых, соотнесенность выражения, заключенного в исходной части (первые три строфы) стихотворения:

"считал, что делает карьеру,

а между тем губил ее", где "карьера" – "продвижение в служебной или другой деятельности, достижение известности, славы", и строфы, представленной в основной части стихотворения:

"Итак, да здравствует карьера,
Когда карьера такова,
Как у Шекспира и Пастера,
Гомера и Толстого ... Льва!",

где слово "карьера", будучи соотнесено с собственными именами существительными: "Шекспира", "Гомера", "Толстого Льва", "Галилея", означает деятельность людей, выдающихся по своей роли в общественном развитии.

Во-вторых, соотнесенность с данным образным смыслом выражения:

"За осознание планеты
Шел Галилей один на риск.
И стал великим он... Вот это
Я понимаю – карьерист!",

где слово "карьерист" (в общенародном употреблении "человек, думающий о личном успехе, стремящийся составить себе карьеру, не считаясь с интересами общенародного дела"), будучи соотнесено со словами "риск", то есть "возможная опасность чего-л.", "осознание" – "ясное понимание чего-л.", "великим" – "выдающимся по своему значению, по своим достоинствам", приобретает в тексте новый образный смысл: человек, выдающийся по своему значению в общественном развитии, ставший знаменитым благодаря ясному пониманию чего-либо, способности пойти на риск ради пользы, а не личного блага. Этот же образный смысл характерен и для выражения:

"Все те, кто рвались в стратосферу,
Врачи, что гибли от холер, –
Вот эти делали карьеру!
Я с их карьер беру пример".

Заметим, что образные смыслы слов “карьера”, “карьерист” в авторской оценке имеют положительный характер, который находит выражение в употреблении фразеологизма “(Вот) это я понимаю!”, то есть “восклицание одобрения, поощрения в значении: очень хорошо, так и надо, именно то, что нужно”, а также слова “пример”, которое означает “действие или явление, служащее образцом для кого-л., вызывающее подражание”.

Наконец, в-третьих, соотносительность образных смыслов “карьера” (и производимого от него “карьерист”) и выражения, представленного в заключительных строках стихотворения:

“Я сделаю себе карьеру

Тем, что не делаю ее!”

где “карьера”, будучи употреблено в отрицательной конструкции “не делаю ее” (“делать” – “заниматься чем-л., работать, проявлять какую-л. деятельность”, а “не” – отрицательная частица, которая “1. Служит для выражения полного отрицания того, что обозначает слово или сочетание, перед которым она стоит”), приобретает новый, образный смысл, при котором буквальное значение слова “карьера” полностью отрицается. Вместе с тем в результате соотносительности со словами “вера” (“я верю в их святую веру. Их вера – мужество мое”), то есть “твердая убежденность, уверенность в чем-л.; в исполнении чего-л.” и “мужество” – (“присутствие духа в опасности, в беде; храбрость, бессмертие”) в слове “карьера” актуализируется ‘твердая’, ‘убежденность’, ‘уверенность’, ‘в чем-либо’, то есть в правоте своего дела.

Таким образом, в возникновении новых образных смыслов слов “карьера”, “карьерист” находит выражение представление об идеале, что является отношением автора к факту объективной действительности. В данном случае – отрицание карьеры как таковой.

Во втором случае доминирующее место в выражении содержания художественного произведения занимает информация, указывающая на принадлежность автора к определенной среде (в данном случае к среде поэтов, работников искусства), но эта информация занимает второстепенное место в идейно-образном содержании стихотворения.

Последний факт, который необходимо рассмотреть, – это представление автора об идеале. Для анализа возьмем стихотворение Е.Евтушенко “Предел”.

Для системы образных смыслов стихотворения “Предел” характерны следующие моменты.

Прежде всего употребление в исходной части стихотворения выражения: “Предел на белом свете есть всему” (где “предел” – “перен. Конец, окончание, завершение чего-л.”, фразеологизм “белый свет” – “мир, земной шар со всем существующим на нем”, а фразеологизм “все на свете” (“на белом свете есть всему”) обычно имеет “усилительное значение исчерпывающей полноты чего-л., полного охвата чем-л.”), с которым семантически соотносены следующие выражения:

а) “Любови, терпенью, сердцу и уму,

у мнимой беспредельности простора”

где существительные “любовь”, “терпенье”, “сердце”, “ум”, “простор” конкретизируют понятие “белый свет”, а словосочетание “мнимой беспредельности” (“мнимая” – “не существующая в действительности, воображаемая”, “беспредельность” – “слово по значению. прилаг. “беспредельный” – “не имеющий пределов; безграничный, бесконечный) означает кажущуюся, не существующую в действительности бесконечность, то есть предельность чего-либо;

б) “небеспредельность сил твоих”, где “небеспредельность” – “свойство по значению прилагательного “небеспредельный”, то есть “имеющий пределы; границу, конец”;

в) “мол, вот он исписался, наконец”, где “исписался” – “перен. утратил способность к свежему и оригинальному творчеству”, то есть пришел к творческому концу”;

г) “Ты на пределе, а не оскудел”, где фразеологизм “на пределе”, – “в крайней степени напряжения”, а “оскудел” – “обеднел, пришел в упадок”;

д) “Есть у любого гения предел”, где “гений” – “человек, обладающий высшей степенью творческой одаренности в какой-л. сфере деятельности”, а слово “предел” употреблено в указанном выше значении.

Таким образом, в исходной части стихотворения слово “предел”, сохраняя свое буквальное значение, актуализирует также смыслы ‘полнота’, ‘охвата’, ‘всего’, ‘существующего на земном шаре’.

Соотносительность данного образного смысла слова “предел” и выражения “лишь подлость человечья беспредельна” (в основной части стихотворения) играет определяющую роль в образном содержании этого стихотворения, поскольку слово “лишь” – частица, которая “употребляется для выделения, ограничения в значении: только, исключительно, единственно”, “подлость” – слово, означающее “низкое, бесчестное свойство” и словообразовательно связанное слово “беспредельна”, то есть “не имеющая пределов;

безграничная, бесконечная”, актуализируют в слове “предел” сему ‘ограничение’ (в 1-м значении), обусловленную ‘бесчестным свойством’, ‘не знающим границ’. В возникновении этого нового, образного смысла слова “предел” и находит выражение представление автора об идеале.

Итак, как показали результаты исследований, материальными средствами выражения образного содержания слова в художественном тексте является соотносительность языковых единиц. Именно в соотносительности средств обнаруживаются субъективные моменты значения слова в художественном тексте.

Исследование субъективности в художественном тексте является важным моментом анализа художественного произведения, с одной стороны, и описания субъективности как языковой категории, с другой стороны.

Рассматривая субъективность в художественном тексте в контексте исследований проблемы субъективности как языковой категории, обратим внимание на то, что субъективность в художественном тексте имеет различные формы проявления. В данной главе рассматривается в качестве субъективности только новое, идейно-образное значение слова. Новое, идейно-образное значение содержания произведения проявляется в результате внутритекстовой соотносительности элементов произведения, в результате чего обнаруживается строй мысли и чувств персонажа и автора.

Художественное произведение (произведение словесного искусства) строится по тем же законам и принципам, что и любое другое произведение независимо от жанра и вида. Следовательно, такие понятия, как архитектоника, гармония, пластика и т.п. имеют непосредственное отношение к произведениям словесного искусства. Из этого следует, что произведение словесного искусства необходимо рассматривать как цельное эстетическое образование, которое устроено по аналогичным законам. Эти понятия для произведений словесного искусства определяются в результате анализа соотносительности слагаемых элементов в пределах одного эстетического пространства (в пределах одного произведения словесного искусства), а также соотносительности слов с общепринятым употреблением. Соотносительность составных элементов словесного искусства раскрывает важнейшую сторону произведения – его идейно-образное содержание. Таким образом, новое, идейно-образное содержание произведения раскрывает отношение автора (или персонажа) к предмету изображения и к окружающему миру. Это

отношение и представляет собой субъективный момент значения слова, что является в свою очередь одной из форм выражения субъективности в языке.

Таким образом, при анализе языкового материала произведения словесного искусства обнаруживается важнейшая информация (новый образный смысл) – информация о человеке (субъекте). В данном понимании слово, текст (художественный текст, в частности) может быть исследован с точки зрения отражения в нем субъективности.

Итак, новое, идейно-образное значение слова в художественном тексте представляет собой субъективный момент значения слова, который в свою очередь относится к общей системе отражения и фиксации субъективности в языке.

Заключение

Исследование субъективности как языковой категории представляет несомненный интерес для современной науки о языке. Субъективность как языковая категория находится в настоящее время в начальной стадии изучения.

В результате наших исследований выяснилось, что субъективность как языковая категория, в отличие от философской, логической, психологической категорий, четко не определена, не определены параметры этого понятия и его границы, поскольку субъективность представляет собой диалектическое единство “субъект-объект” и нет четкой систематизации и соотносительности этой категории с другими лингвистическими категориями. Поэтому исследования этой проблемы представляют научную ценность.

В первой главе осуществлена попытка систематизации знаний о субъективности как языковой категории. Представлена история развития этой категории сначала как философской (так как до Гумбольдта проблема субъективности рассматривалась в ряду философских проблем), потом, от Гумбольдта до настоящего времени, как лингвистическая.

Вторая глава посвящена исследованию субъективности в словарях, в результате чего обнаружилось, что в толковании слова содержится информация о знании человеком предмета (или факта объективной действительности), степень его изученности. В предисловиях к словарям содержится информация о целях и задачах словаря, в которых обнаруживается субъективный момент в значении слова. Система словарных помет является весьма важным показателем субъективности в словарях. Учет фиксации субъектив-

ного момента значения слова в словарях при анализе произведения словесного искусства открывает новые возможности понимания и толкования произведений, а также использование этого материала в литературной критике, в преподавании родного языка и литературы.

Учет субъективного момента значения слова при сопоставительном изучении славянских языков и славянской лексикографии открывает новые возможности художественного перевода, а также определения понятия менталитета. Исследование отражения субъективных моментов значения слова в словарях открывает новые перспективы в современной лексикографии.

Языковая модель "картины мира" представляет несомненный интерес для современной лингвистики. В III-й главе осуществлена попытка моделирования "языковой картины мира" с учетом той информации и того опыта, которые накоплены наукой на сей день. Объемная модель "языковой картины мира" (представление ее в трехмерном пространстве) и обнаружение субъективного и объективного в ней явилось предметом исследования третьей главы. Моделирование языковой картины мира с учетом трехуровневого подхода к языку как к системе позволило систематизировать знания о языке, а возможно, и исследовать в дальнейшем природу "языка рода человеческого".

Четвертая глава работы посвящена анализу художественного текста, выявлению нового образного смысла конкретного произведения словесного искусства и исследованию субъективного момента значения слова. Произведения словесного искусства в данном исследовании рассматриваются как цельная система соотношенностей и взаимосвязей их элементов, составляющих единое эстетическое пространство, и доминанта, которые являются системообразующими элементами. Такой подход к произведению словесного искусства с учетом субъективности представляет определенный интерес для современной гуманитарной науки в виду своей недостаточной разработанности.

В центре проблем настоящего исследования стоит субъективность как языковая категория. А попытка рассмотреть эту проблему обусловлена ее недостаточной разработанностью и определена новым, антропоцентрическим подходом, который утвердился в науке в последнее десятилетие. В настоящее время ощущается недостаток исследований, посвященных этой проблеме. Данное исследование представляет собой попытку систематизации знаний о субъекте и субъективности как языковой категории.

Список использованной литературы:

1. *Абаев В.И.* Понятие идеосемантики // Язык и мышление. - М.-Л., 1948. - Т. II.
2. *Абдуразаков М.А.* Семантические типы субъектов. - Ташкент. - 1991.
3. *Аврорин В.А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка. - Л., 1975.
4. *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. - М., 1974.
5. *Арнольд И.В.* Стилистика современного английского языка. - Л., 1973.
6. *Арнольд И.В.* Эмоциональный, экспрессивный, оценочный и функционально-стилистический компоненты лексического значения. // XXII Герценовские чтения: Иностранные языки. (материалы межвузовской конференции). - Л., 1970.
7. *Артемьева Е.Ю.* Психология субъективной семантики. - М., 1980.
8. *Арутюнова Н.Д.* Аномалии и язык (к проблеме языковой картины мира) // Вопросы языкознания. - 1987. - №3.
9. *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. - М., 1976.
10. *Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. - М., 1988.
11. *Арутюнова Н.Д.* Фактор адресата // Изв. АН СССР. Сер. Л. и языка. - 1981. - Т.40. - №4.
12. *Ахманова О.С.* и др. О принципах и методах лингвистического исследования. - М., 1966.
13. *Ахманова О.С.* и др. Основы компонентного анализа. - М., 1969.
14. *Ахманова О.С.* Очерки по общей и русской лексикологии. - М., 1957.
15. *Бабкин А.М.* Идиоматика и грамматика в словаре // Современная русская лексикография. - Л., 1981.
16. *Бабкин А.М.* Слово в контексте и словаре // Современная русская лексикография. 1976. - Л., 1977.
17. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. - М., 1955.
18. *Барабаш Ю.Я.* Алгебра и гармония // Контекст. - 1972. - М., 1973.
19. *Барт Р.* Избранные работы. - М., 1989.
20. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. - М., 1975.

21. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. - М., 1979.
22. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. - И., 1974.
23. *Бережан С.Г.* Семантическая эквивалентность лексических единиц. - Кишинев, 1973.
24. *Березин Ф.М., Головин Б.Н.* Общее языкознание. - М., 1979.
25. *Білодід І.К.* Мова і мистецтво. Мова як мистецтво// Мовознавство. - 1978. - №5.
26. *Білодід І.К.* Розвиток мов соціалістичних націй СРСР. - Київ, 1976.
27. *Блок А.А.* Стихотворения и поэмы. - Л., 1981.
28. *Блумфилд Л.* Язык: Русский перевод, М.И.Гухман. - М., 1968.
29. *Бодуэн де Куртене И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. Т.1. - М., 1963.
30. Большой русско-польский словарь: В II-х т. Изд. 3-е. - Москва-Варшава, 1980-1987.
31. *Бондарко А.В.* Грамматическое значение и смысл. - Л., 1978.
32. *Бор Н.* Атомная физика и человеческое познание. Пер. с англ. В.А.Фоко и А.В.Лермонтовой. - М., 1961.
33. *Брудный А.А.* Семантика языка и психология человека. О соотношении языка, сознания и действительности. - Фрунзе, 1972.
34. *Брунер Дж.* Психология познания: За пределами непосредственной информации/Пер. с англ. - М., 1977.
35. *Брутян Г.А.* Языковая картина мира и ее роль в познании/Методологические проблемы анализа языка. - Ереван, 1976.
36. *Будагов Р.А.* Человек и его язык. 2-е изд. - М., 1976.
37. *Будагов Р.А.* Филология и культура. - М., 1980.
38. *Будагов Р.А.* Что такое развитие и совершенствование языка? - М., 1977.
39. *Вандриес Ж.* Язык: Лингвистическое введение в историю. - М., 1937.
40. *Ванников Ю.В., Щукин А.Н.* Картинный словарь русского языка. - М., 1965.
41. *Василевич А.П.* Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте. - М., 1987.
42. *Васильев Л.М.* Значение как предмет современной лингвистической семантики//Исследования по семантике. - Уфа, 1983.
43. *Васильев Л.М.* О понимании речевых сообщений//Языковое сообщение и его единицы. - Калинин, 1986.
44. *Васильев Л.М.* Теория семантических полей//Вопр. языкознания. - 1971.
45. *Васильева А.Н.* Художественная речь. - М., 1983.

46. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. - М., 1983
47. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Лингвострановедческая теория слова. - М., 1980.
48. *Виноград Т.К.* К процессуальному пониманию семантики// Новое в зарубеж. лингвистике. - М.-Л., 1930.
49. *Виноградов В.В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. - М., 1977.
50. *Виноградов В.В.* Основные типы лексических значений слова. //Вопр. языкознания. - 1953. - №5.
51. *Виноградов В.В.* О художественной прозе. - М.-Л., 1930.
52. *Виноградов В.В.* О языке художественной литературы. - М., 1959.
53. *Виноградов В.В.* Проблемы русской стилистики. - М., 1981.
54. *Виноградов В.В.* Русский язык. - М., 1972.
55. *Винокур Г.О.* О языке художественной литературы. - М., 1991.
56. *Винокур Т.Г.* Закономерности стилистического использования языковых единиц. - М., 1980.
57. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. - М., 1958.
58. *Войшвилло Е.К.* Понятие. - М., 1967.
59. *Вольф Е.М.* Грамматика и семантика местоимений. - М., 1974.
60. *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. - М., 1985.
61. *Волперский В.М.* Стилистическое учение М.В.Ломоносова и теория трех стилей. - М., 1970.
62. Вопросы практической лексикографии. - М., 1979.
63. *Выготский Л.С.* Психология искусства. - М., 1987.
64. *Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного. - М., 1991.
65. *Гайсина Р.М.* Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. - Саратов, 1981.
66. *Гак В.Г.* Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания//Семантическая структура слова: Психолингвистические исследования. - М., 1971.
67. *Гальперин И.Р.* Информативность единиц языка. Пособие по курсу общего языкознания. - М., 1974.
68. *Гальперин И.Р.* Об анализе языка и стиля писателя//Язык и стиль писателя в литературно-критическом анализе художественного произведения. - Кишинев, 1977.
69. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. - М., 1981.

70. Гачев Г.Д. О национальных картинах мира. - Народы Азии и Африки. - 1967. - №1.
71. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. Часть I. Фонетика и морфология/Изд. 3-е. - М., 1967.
72. Гегель Г.В.Ф. Эстетика: В IV-х т. - М., 1971.
73. Гельгардт Р.Р. О стилистических категориях. - Вопросы языкознания. - 1968. - №6.
74. Гетьман І.М. Теоретична і практична ідеографія. - К., 1993.
75. Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации. - Томск, 1989.
76. Грамматика современного русского языка/Отв. ред. Н.Ю.Шведова. - М., 1970.
77. Графова Т.А. Коммуникативный аспект эмотивно окрашенной лексики//Лингвистические и психолингвистические исследования языка и речи. - Пермь, 1986.
78. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. О компонентном анализе значимых единиц языка//Принципы и методы семантических исследований. - М., 1976.
79. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: Пер. с немецкого. - М., 1984.
80. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры/Пер. с немецкого М.И.Левинной. - М., 1985.
81. Гусев С.С., Тульчинский Г.Л. Проблема понимания в философии. - М., 1985.
82. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка: Т.І-IV. - М., 1978.
83. Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. - М., 1980.
84. Добрушин Р.П. Математические методы в лингвистике. - Сб. Математическое просвещение, вып.6. - М., 1961.
85. Евтушенко Е.А. Собрание сочинений: В 3-х т. - М., 1983.
86. Есенин С.А. Собрание сочинений: В 3-х т. - М., 1983.
87. Есперсен О. Философия грамматики. - М., 1958.
88. Ефимов А.И. О языке художественных произведений/Изд. 2-е исправл. и дополн. - М., 1954.
89. Жоль К.К. Мысль. Слово. Метафора. - К., 1984.
90. Залевская А.А. Проблемы психолингвистики: Учебное пособие. - Калинин, 1983.
91. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека. Психолингвистические исследования. - Воронеж, 1990.
92. Зарев П. Стиль и личность художника: О некоторых неизученных аспектах стиля//Вопросы литературы. - 1960. - №12.

93. Засорина Л.Н. Введение в структурную лингвистику. - М., 1974.
94. Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. В 2-х частях. - М., 1960.
95. Звегинцев В.А. Семасиология. - М., 1957.
96. Ивин А.А. Логика норм. - М., 1973.
97. Ильенков Э.И. Философия и культура. - М., 1991.
98. Истрина Е.С. Л.В.Щерба как лексикограф и лексиколог//Памяти академика Л.В.Щербы. - М., 1951.
99. Каган М.С. Мир общения. - М., 1988.
100. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. - М., 1985.
101. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. - М., 1976.
102. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. - М., 1987.
103. Карнап Р. Значение и необходимость. Исследования по семантике и модальной логике/Пер. с англ. Н.В.Воробьева. - М., 1959.
104. Карнап Р. Философские основания физики. Введение в философию науки. - М., 1971.
105. Карпенко Ю.О. Велика літера і власні назви//Укр. мова і літ. в школі. - 1969. - №2.
106. Касарес Х. Введение в современную лексикографию/Пер. с испан. Н.Д.Арутюновой. - М., 1958.
107. Категория бытия и обладания в языке. - М., 1977.
108. Категория субъекта и объекта в языках различных типов. - Л., 1982.
109. Кацнельсон С.Л. Содержание слова, значение и обозначение. - М.-Л., 1963.
110. Кацнельсон С.Л. Типология языка и речевое мышление. - Л., 1972.
111. Ковалев В.П. Языковые выразительные средства русской художественной прозы. - К., 1981.
112. Ковтунова И.И. Современный русский язык: порядок слов и актуальное членение предложения. - М., 1976.
113. Козлова М.С. Философия и язык. - М., 1972.
114. Кокорина С.И. О семантическом субъекте и особенностях его выражения в русском языке. - М., 1979.
115. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. - М., 1984.
116. Колшанский Г.В. Лингво-гносеологические основы

языковой номинации//Языковая номинация. Общие вопросы. - М., 1977.

117. *Колшанский Г.В.* Логика и структура языка. - М., 1965.

118. *Колшанский Г.В.* Объективная картина мира в познании и языке. - М., 1990.

119. *Колшанский Г.В.* Паралингвистика. - М., 1974.

120. *Колшанский Г.В.* Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. - М., 1975.

121. *Комлев Н.Г.* Компоненты содержательной структуры слова. - М., 1969

122. *Комлев Н.Г.* Слово, денотация и картина мира//Вопр. философии. - 1981. - №11.

123. *Кондаков Н.И.* Логический словарь. - М., 1971.

124. *Кононенко В.И.* Системно-семантические связи в синтаксисе русского и украинского языков. - К., 1976.

125. *Копнин П.В.* Диалектика как логика и теория познания. - М., 1963.

126. *Копнин П.В.* Гносеологические и логические основы науки. - М., 1974.

127. *Кузнецов А.И.* Понятие семантической системы языка и методы ее исследования. - М., 1963.

128. *Кузнецов А.М.* От компонентного анализа к компонентному синтезу. - М., 1986.

129. *Кузнецова А.И.* Понятие семантической системы языка и методы ее исследования. - М., 1993.

130. *Кузнецов Э.В.* Лексикология русского языка. - М., 1982.

131. *Кузьмин В.П.* Принцип системности в теории и методологии К.Маркса. - М., 1976.

132. *Кузьмин В.Ф.* Объективное и субъективное: анализ процесса познания. - М., 1976.

133. *Купина Н.А.* Лингвистический анализ художественного текста. - М., 1980.

134. *Курилович Е.* Заметки о значении слова//Очерки по лингвистике. - М., 1962.

135. *Кухаренко В.А.* Интерпретация текста. - М., 1985.

136. *Лантеева О.А.* Способы выражения авторского "Я" в русской научной речи//Язык и стиль научной литературы. - М., 1977.

137. *Ларин Б.А.* Эстетика слова и язык писателя: избранные статьи. - Л., 1973.

138. *Левин Ю.И.* Математика и языкознание. - М., 1964.

139. *Лекант П.А.* К вопросу о синтаксическом субъекте// Вопросы филологии: Уч. зап. Моск. педин. им. В.И.Ленина. - М., 1969. - №341.

140. *Леонтьев А.А.* Психолингвистика. Л., 1967.

141. *Леонтьев А.А.* Языкознание и психология. - М., 1966.

142. Лингвистический энциклопедический словарь. - М., 1990.

143. *Лисиченко Л.А.* Лексикология сучасної української мови: семантична структура слова. - Харків, 1977.

144. *Линвин Ф.А.* Многозначность слова в языке и речи. - М., 1984.

145. *Лобачевский Н.И.* Избранные труды по геометрии. - М., 1956.

146. Логическая семантика и модальная логика. - М., 1967.

147. *Ломтев Т.П.* Общее и русское языкознание. - М., 1976.

148. *Лосев А.Ф.* Знак. Символ. Миф. - М., 1982.

149. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. - М., 1963.

150. *Лосев А.Ф.* Логика символа//Контекст. - М., 1972.

151. *Лосев А.Ф.* Философия имени. - М., 1990.

152. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. - М., 1970.

153. *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. - М., 1992.

154. *Лурия А.Р.* Язык и сознание. - М., 1979.

155. *Мартынов В.В.* Категории языка. - М., 1982.

156. *Матусевич М.И.* Предисловие к книге "Л.В.Щерба. Избранные работы по русскому языку". - М., 1957.

157. *Медникова Э.М.* Значение слова и методы его описания. - М., 1974.

158. *Меграбян А.А.* Личность и сознание: (В норме и патологии). - М., 1978.

159. *Мезенин С.М.* Образность как лингвистическая категория. - Вопр. языкознания. - 1983. - №6.

160. *Мельничук А.С.* Понятие системы и структуры языка в свете диалектического материализма//Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. - М., 1970.

161. Методологические проблемы анализа соотношений идеального и материального в области языка//Методологические проблемы языкознания. - К., 1988.

162. *Мещанинов И.И.* Проблемы развития языка. - Л., 1975.

163. *Мигирин В.Н.* Гносеологические проблемы знаковой теории языка, фонологии и грамматики. - Кишинев, 1978.

211. Рудяков Н.А. Стилистический анализ художественного произведения. - К., 1977.
212. Рудяков Н.А. Субъективные моменты значения слова// Теория языка и словарей. - Кишинев, 1988.
213. Русанівський В.М. Вчення О.О.Потебні про внутрішню форму слова//Творча спадщина О.О.Потебні й сучасні філологічні науки. - Харків, 1980.
214. Русская грамматика: В 2-х т./Редкол. Шведова Н.Ю. и др. - М., 1980.
215. Русские писатели о языке. - Л., 1954.
216. Савченко А.Н. Части речи и категории мышления. - Ростов на Дону, 1959.
217. Селеверстова О.Н. Об объекте лингвистической семантики и адекватности ее описания//Принципы и методы семантических исследований. - М., 1976.
218. Семенов Н.А. Толковые словари русского языка. - К., 1959.
219. Сепир Э. Язык: Введение в изучение речи. - М.-Л., 1934.
220. Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. - М., 1983.
221. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. - М., 1983.
222. Сиротина В.А. Изменение семантической структуры слова в художественной речи//Вопросы стилистики. - Вып.5. - Саратов, 1972.
223. Системность внутриязыковых и межъязыковых отношений. - Казань, 1985.
224. Словарь Академии Российской: В 6-и частях. Т.1-6. - Спб, 1789-1794.
225. Словарь Академии Российской: В 6-и частях. Т.1-6. (2-е изд.). - Спб, 1806-1922.
226. Словарь русского литературного языка: В 17-ти томах. Т.1-17. - М.-Л., 1948-1965.
227. Словарь русского литературного языка: В 20-ти томах. Т.1-2. - М.-Л., 1991.
228. Словарь русского языка: Составленный II-и отд. Императорской Акад. наук/Под ред. Я.К.Грота. - С. - П-г: тип-я императ. Акад. наук, 1895.
229. Словарь русского языка: В 4-х томах. Т.1-4./Изд. 3-е стереот. - М., 1985-1988.
230. Словарь церковно-славянского и русского языка: В 4-х томах. Т.1-4. - Спб, 1847.

231. Словник української мови: В 11-ти томах. - К., 1970-1980.
232. Советская лексикография: Сб. стат. - М., 1988.
233. Современное зарубежное языкознание: Вопр. теории и методологии. - К., 1983.
234. Соколовская Ж.П. "Картина мира в значениях слов". - Симферополь, 1993.
235. Соколовская Ж.П. Проблема лексической синонимии в современной лингвистике. - Кишинев, 1970.
236. Соколовская Ж.П. Проблемы системного описания лексической семантики. - К., 1990.
237. Соколовская Ж.П. Система в лексической семантике: Анализ семантической структуры слова. - К., 1979.
238. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование/Изд. 2-е, дополн. - М., 1978.
239. Сорокин Ю.А. и др. "Культурный знак" Л.С.Выготского и гипотеза Сепира-Уорфа: Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. - М., 1982.
240. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики//Труды по языкознанию/пер. А.Л.Холодовича. - М., 1977.
241. Степанов Ю.С. В поисках прагматики: Проблема субъекта. - Изв. АН СССР. Сер. л-ры и языка. - 1981. - Т.40. - №4.
242. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. - М., 1985.
243. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения: Семиологическая грамматика. - М., 1981.
244. Степанов Ю.С. методы и принципы современной лингвистики. - М., 1975.
245. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. - М., 1975.
246. Степанов Ю.С. От стиля к мировоззрению. Экзистенциальные идеи у Л.Толстого//Сборник докладов и сообщений Лингвистического общества III. - Вып.1. - Калинин, 1973.
247. Степанов Ю.С. Французская стилистика. - М., 1965.
248. Стернин И.А. Проблема анализа структуры значения слова. - Воронеж, 1979.
249. Субъект и объект как философская проблема. - К., 1979.
250. Тараненко А.А. Языковая семантика в ее динамических аспектах. - К., 1989.
251. Телия В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. - М., 1981.

252. *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. - М., 1986.
253. *Телия В.Н.* О специфике отображения мира в психике и знания в языке//Сущность, развитие и функция языка. - М., 1987.
254. Толковый словарь под ред. Д.Н.Ушакова. Т.1-4. - М., 1935-1940.
255. *Туркина Р.В.* Семантическая структура слова: Учеб. пособие. - Калинин, 1977.
256. *Уемов А.Н.* Системный подход и общая теория систем. - М., 1977.
257. *Уфимцева А.А.* Лексическое значение: Принцип семасиологического описания лексики. - М., 1986.
258. *Уфимцева А.А.* Слово в лексико-семантической системе языка. - М., 1968.
259. *Философская энциклопедия:* В 4-х т. - М., 1960.
260. *Философский энциклопедический словарь.* - М., 1983.
261. *Філософські питання мовознавства.* - К., 1972.
262. *Философия. Логика. Язык.* - М., 1987.
263. *Харченко В.К.* Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова//Русский язык в школе. - 1976. - №3.
264. *Химик В.В.* Категория субъективности и ее выражение в русском языке. - Л., 1990.
265. *Хованская Л.В.* Семантико-стилистические особенности функционирования субъективных местоимений в тексте: Сб. Системный и функциональный анализ языка. Межвуз. сб. научн. трудов/отв. ред. Б.Л.Лихтерова. - Рига, 1987.
266. *Хомский Н.* Три модели описания языка/Пер. с англ. Н.Г.Арсетьевой//Кибернетический сборник. - №2. - М., 1961.
267. *Хомский Н.* Язык и мышление: Пер. с англ. Б.Ю.Городецкого. - М., 1972.
268. *Храпченко М.В.* Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. - М., 1977.
269. *Цейтлин Р.А.* Краткий очерк истории русской лексикографии. - М., 1958.
270. *Целищев В.В.* Философские проблемы семантики возможных миров. -Новосибирск, 1977.
271. *Чабаненко В.А.* Основи мовної експресії. - К., 1984.
272. *Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис.* - М., 1992.

273. *Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности.* - М., 1991.
274. *Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи.* - М., 1991.
275. *Шанский Н.М.* О лингвистическом анализе и комментировании художественного текста//Анализ художественного текста. Вып. 1. - М., 1975.
276. *Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. - Воронеж, 1987.
277. *Шентулин А.П.* Система категорий диалектики. - М., 1967.
278. *Шинкарук В.И.* Теория познания, логика и диалектика И.Канта. - К., 1974.
279. *Шмелев Д.Н.* Слово и образ. Отв. ред. А.А.Реформатский. - М., 1964.
280. *Шмелев Д.Н.* Очерки по семасиологии русского языка. - М., 1964
281. *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. - М., 1973.
282. *Щерба Л.В.* Опыт общей теории лексикографии//Известия АН СССР. Отделение лит-ры и языка. - №3. - 1940.
283. *Щерба Л.В.* Опыты лингвистического толкования стихотворений. - В кн.: Л.В.Щерба. Избранные работы по русскому языку. - М., 1957.
284. *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. - Л., 1974.
285. *Щур Г.С.* Теория поля в лингвистике. М., 1974.
286. *Якушин Б.В.* Гипотезы о происхождении языка. - М., 1985.
287. *Българско-руски речник.*: Издание Второ стереотипично. - М., 1975.
288. *Българско-руски фразеологичен речник.* - София-Москва, 1974.
289. *Крапыва К.К.* Беларуско-рускі слоўнік. - М., 1962.
290. *Српско-Хрватско-Руски речник.* - М., 1968.
291. *Cesko-Rusky Slovník.*: Praha, 1968.
292. *Cesko-Rusky Slovník.*: Ve drou dilech. - Statni Pedagogicke Nakladatelstvi Sovetsa Encyklopedie. - Moskva, 1973.
293. *Cesko-Ukrajinsky Slovník* в 2-х т. - Київ, 1988.
294. *Velky Rusko-Cesky Slovník.* Ve 6 Dilech. - Praha, 1964.
295. *Slovník Języka Polskiego.*: u 8 t. - Redaktor Nocziłny Witold Doroszewski. - Warszawa, 1958.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ.....	7
Глава I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ..	9
1. Субъект и субъективность как философские категории.....	9
2. Субъект и субъективность как лингвистические категории. Теоретическое обоснование категории субъективности в языкознании. Языковые средства выражения субъективности.....	19
Глава II. СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОСТИ В СЛОВАРЯХ.....	37
1. Субъективность как характерная особенность процесса эволюции дефиниций.....	38
2. Отражение субъективных моментов значения слова в системе словарных помет.....	48
3. Иллюстративный материал как форма отражения субъективности в словарях.....	54
4. Отражение субъективности в словарях современных славянских языков.....	58
Глава III. СУБЪЕКТИВНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ СТРУКТУРЫ МОДЕЛИ “ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА”.....	64
1. Плоскостной вариант решения проблемы.....	65
2. Решение проблемы в трехмерном пространстве.....	73
3. Определение места субъективности в структуре модели.....	85
Глава IV. СУБЪЕКТИВНОСТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ.....	89
1. К проблеме общих закономерностей строения произведения словесного искусства.....	90
2. Новое, идейно-образное содержание как форма выражения субъективных моментов значения слова в художественном тексте.....	92
3. Отражение субъективных моментов значения слова в художественном тексте (На материале произведений словесного искусства).....	98
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	109
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	111

Монография

Мельник Ярослав Григорьевич
Субъективность как языковая категория
Ивано-Франковск,
1997.

Рецензенты: д-р филол. наук, проф. Богин Г.И.,
д-р филол. наук, проф. Манакин В.Н.,
канд. философ. наук, доц. Фомин В.Н.,
канд. психол. наук, доц. Карпенко З.С.

Корректор М.Ф.Слэзка, О.И.ЛЕБЕДЕВА
Вёрстка – И.Я.Третьяк.

Издательство "ПЛАЙ"

Подписано к печати: 27.02.1997. Формат 60x84/16. Гарнитура "Школьная". Бумага офсетная. Усл. печ. листов 8 (+0,25 - вкладка). Тираж 100.